9(с)1
К482

Владиміръ Клейнъ.

УГЛИЧСКОЕ

СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО

о смерти

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ

15-го мая 1591 года.

Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Института
Имени Императора Николая II.

МОСКВА.
1913.

150359

M3 9/31

ЭК

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II-го. Т. XXV.

Владиміръ Клейнъ.

УГЛИЧСКОЕ СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО

о смерти

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ

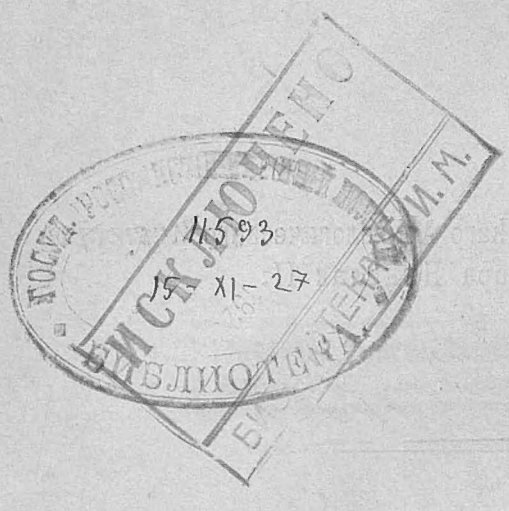
15-го мая 1591 года.

Обменный фонд
Моск. обл.
Библиотеки

Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Института
Имени Императора Николая II.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

МОСКВА.
1913.


11593
15- XI- 27

6322

Владиміръ Клейнъ.

УГЛИЧСКОЕ СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ

царевича ДИМИТРІЯ.

9(с)1
К482

ЧАСТЬ I.

Дипломатическое изслѣдованіе подлинника.

Памяти незабвенныхъ

отца моего

Карла Ѳедоровича

Клейнъ

и братьевъ

Андрея и Константина

съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія
посвящаю трудъ свой.

Введеніе.

„Лучше бы отказаться отъ нѣкоторыхъ разительныхъ, но баснословныхъ подробностей, и разсказать это происшествіе суше, но истиннѣе“.

М. Погодинъ.

— „Вопросъ о смерти царевича Димитрія и о виновности Бориса Годунова въ этой смерти славался не разъ въ архивъ нерѣшеннымъ, и снова добывался оттуда охотниками рѣшить его въ пользу Бориса. Никому этого не удалось, хотя, конечно, въ свое время авторамъ защиты казалось иное“ *).

— Такъ писалъ въ своей обличительной статьѣ о слѣдственномъ дѣлѣ нашъ выдающійся историкъ Н. Костомаровъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и „охотники“ еще много разъ возвращались къ этому вопросу, чтобы вложить въ него новую мысль, добытую глубокимъ и вдумчивымъ изысканіемъ. Литература вопроса о смерти царевича Димитрія обогатилась крупными трудами, но до настоящихъ дней никто еще не сказалъ рѣшающаго слова. И, какъ это ни странно, этотъ вопросъ, послѣ обширныхъ и кропотливыхъ изысканій ученыхъ, указавшихъ не только много новыхъ лицъ, могущихъ быть причастными къ гибели юнаго царевича, но и значительно расширившихъ

*) Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова. Томъ XIII. 1881 г. О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія. Стр. 321.

поле ихъ дѣйствія,—всталъ передъ нами еще болѣе запутаннымъ и туманнымъ.

Тотъ, кто впервые познакомится съ литературой, касающейся угличской драмы, будетъ изумленъ необычайной противорѣчивостью въ изложеніи картины смерти царевича и дальнѣйшаго хода вызванныхъ ею событій. Нерѣдко можно замѣтить, что однимъ и тѣмъ же источникомъ изслѣдователи доказываютъ совершенно обратныя положенія, и читатель остается въ полномъ недоумѣніи, кому же вѣрить и что считать за истину.

Мы не будемъ излагать всѣ результаты этихъ изслѣдованій: они неоднократно появлялись въ печати и достаточно хорошо извѣстны.

Считаемъ болѣе необходимымъ возобновить въ памяти читателей тѣ двѣ группы источниковъ о смерти царевича, на основаніи которыхъ изслѣдователи производили свои изысканія.

Къ первой группѣ относится оффиціальный документъ—подлинный слѣдственный актъ о смерти царевича, составленный княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, окольничимъ Андреемъ Петровичемъ Клешнинымъ и дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинымъ, производившими „розыскъ“ въ Угличѣ. Этотъ источникъ говоритъ, что царевичъ скончался отъ пораненія себя въ горло ножемъ во время припадка эпилепсіи, которой давно былъ подверженъ.

Вторую группу составляютъ многочисленныя лѣтописныя извѣстія и различныя повѣсти, относящіяся къ болѣе позднему времени, чѣмъ слѣдственный актъ; раннѣйшая изъ нихъ, по указанію проф. С. Ѳ. Платонова, составлена лишь около 1606-го года*). Указанія на обстоятельства, которыми сопровождалась смерть царевича, по изложенію этой группы источниковъ, отличаются чрезвычайнымъ разнорѣчіемъ. Тѣмъ не менѣе, эту группу обобщаетъ ихъ единогласное свидѣтельство, что царевичъ погибъ насильственной смертью

*) Очерки по исторіи Смутнаго Времени, Спб. 1891 г., стр. 211.

отъ руки убійцъ, подосланныхъ всесильнымъ правителемъ—Борисомъ Годуновымъ.

Царевичъ Димитрій былъ высланъ изъ Москвы въ Угличъ „совѣтомъ всѣхъ началнѣйшихъ Російскихъ велможъ“ *) и жилъ тамъ вмѣстѣ съ матерью, вдовствующей царицей Маріей Ѳедоровной, и дядьями Михаиломъ, Григоріемъ и Андреемъ Нагими.

Слѣдственное дѣло такъ говоритъ намъ о смерти царевича.

— Царевичъ Димитрій былъ боленъ „чернымъ недугомъ“—падучей. Припадки выражались въ судорогахъ и безсознательномъ сопротивленіи.

— „Какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать, разсказывалъ Андрей Нагой, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывенье (т.-е. въ состояніи невмѣняемости), за што попадетца.....; да ныне въ великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ, да и у него у Ондрѣя царевичь руки едалъ же въ болѣзни, и у жилцовъ, и у постелницъ“ **).

О падучей царевича говоритъ и другой дядя—Григорій, показавшій на слѣдствіи, что Димитрій погибъ „въ падучей болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была“ ***). Наконецъ, о томъ же свидѣтельствовала мамка царевича, вдова Василиса Волохова: „А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье та жъ надъ нимъ болѣзнь была—падучеи недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою, царицу Марью; а въ другорядъ на него была та жъ болѣзнь передъ великимъ днемъ, и царевичъ обьѣлъ руки Ондрѣеве дочкѣ Нагово, одва у него Ондрѣеву дочь Нагово отнели“ ****).

За три дня до смерти царевича съ нимъ сдѣлался

*) Сказаніе Авраамія Палицына. Русская Историческая Библіотека, т. XIII, стр. 474.

**) Часть II, скл. XVIII.

***) Скл. VIII.

****) Скл. XIV.

припадокъ: „разболѣлся царевичъ Дмитреи въ середу нынешнего 99-го (т.-е. 1591-го) году, маия въ 12 день, падучею болѣзнью, і въ пятницу де-и ему маленко стало полехче, и царица де-и его Марья взяла съ собою къ обѣдне и, отъ обѣдни пришетчи, велѣла ему на дворѣ погулять“ *). На другой день въ субботу, 15-го мая, вернувшись отъ обѣдни, царица также послала сына гулять. Съ царевичемъ вышли мамка Василиса Волохова, кормилица Арина Тучкова и постельница Марья Самойлова. Всѣ они вышли на задній дворъ, гдѣ мальчикъ занялся игрой съ четырьмя жильцами-ребятками, своими сверстниками: Петрушкою Самойловымъ сыномъ Колобова, Баженкою Неждановымъ сыномъ Тучкова, Ивашкою Ивановымъ сыномъ Красенского и Гришкою Андреевымъ сыномъ Козловского.— Играли ножемъ или сваею въ „тычку“**).

Во время игры, съ царевичемъ сдѣлался припадокъ, и онъ, имѣя въ рукѣ ножъ или сваю, упалъ; падая—„летячи“***)—онъ наткнулся горломъ на ножъ и забился въ судорогахъ. Припадокъ былъ сильный—„било его долго“****). Кормилица Арина схватила царевича „къ себѣ на руки“*****).

---

*) ibid.

**) А. С. Суворинъ такъ описываетъ эту игру.—„Свайка— длинный гвоздь, смотря по размѣрамъ, толщиною въ палецъ и болѣе, съ толстою головкою, вѣсомъ отъ 1 до нѣсколькихъ фунтовъ. Этой свайкою надо попадать въ желѣзное кольцо, которое кладется на землю. Иногда обходятся и безъ такого кольца, а очерчиваютъ на землѣ небольшой кружокъ. Свайка берется пальцами за острый конецъ, и искусство заключается въ томъ, чтобы такъ ее бросить, чтобы она повернулась въ воздухѣ головкою внизъ и опять вверхъ, т.-е. описавъ въ воздухѣ кругъ или нѣсколько круговъ, сколько придется по силѣ и ловкости удара, и ударила въ кольцо острымъ концомъ, Такимъ же образомъ играютъ и ножомъ, который тоже берутъ за лезвіе. Это обыкновенныя правила. Но ножомъ играютъ и такъ, что берутъ его за черенокъ, лезвіемъ внизъ“. (О Димитріи Самозванцѣ. Стр. 47, пр. 1).

***) Скл. XXXIV.

****) Скл. XIV.

*****) Скл. XVII.

Между тѣмъ, во дворцѣ готовились къ обѣду. Слуги носили снизу кушанья; подклюшники Хлѣбнаго дворца Артемій Ларіоновъ и Юрій Ивановъ и Кормового дворца Яковъ Гнидинъ встали у своихъ мѣстъ за поставцомъ съ ѣдой и напитками *).

Въ переднихъ сѣняхъ собрались истопники дворца Юшка Григорьевъ, Баженко Яковлевъ, Михалка Воробьевъ, Аѳонка Овсяниковъ и Костя Ватутинъ **).

Андрей Нагой уже сѣлъ за обѣденный столъ, когда „закричали на дворѣ, что царевича не стало“ ***). Царица бросилась „съ верху“ на дворъ, а за ней Андрей Нагой. На встрѣчу имъ уже бѣжалъ мальчикъ-жилецъ, игравшій съ царевичемъ, Петрушка Колобовъ. Подклюшники услыхали отъ него о случившемся несчастіи.

Слѣдующій моментъ не совсѣмъ ясенъ изъ показаній, занесенныхъ въ слѣдственное дѣло.

Въ показаніи Василисы Волоховой сказано, что, услыхавъ крикъ, „царица Марья збежала на дворъ, и почала еѣ, Василису, царица Марья бити сама полѣномъ, и голову еи пробила во многихъ мѣстехъ, и почала еи, Василисе, приговаривать, что будто се сынъ еѣ, Василисинъ, Wсипъ съ Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ царевича Дмитрея зарѣзали; и она Василиса почала еи бить челомъ, чтобъ велѣла царица дати сыскъ праведнои, а сынъ еѣ и на дворѣ не бывалъ; и царица де велѣла еѣ тѣмъ же полѣномъ бити по бокwмъ Григорью Нагово, и тутъ еѣ толко чють живу покинули замертва“ ****).

Въ моментъ смерти царевича Григорій и Михаилъ Нагіе были у себя на подворьѣ, пріѣхавъ обѣдать.—„И толко wни пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и они чаели, что загорѣлося и прибѣжали на дворъ,

*) Скл. XXXIII.
**) Скл. XXX.
***) Скл. XVIII.
****) Скл. XIV.

ажно царевичъ Дмитреи лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучеи болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была; а какъ они пришли, а царевичъ ещо живъ былъ и при нихъ преставился“ *).

Кто же первый ударилъ въ набатъ, по которому пріѣхали Нагіе?—Слѣдственное дѣло указываетъ на двухъ лицъ: Максимку Дмитреева сына Кузнецова и пономаря — вдоваго попа Ѳедора (или Ѳедота) Аѳонасьева сына, по прозвищу Огурца. Самъ Огурецъ между прочимъ говорилъ: „какъ царевича Дмитрея не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ — Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ отъ себя зъ двора прибежалъ въ городъ “**). Здѣсь, у церкви Спаса, Огурецъ увидалъ бѣгущаго къ нему навстрѣчу стряпчаго Кормового дворца Суботу Протопопова, который, ссылаясь на приказъ царицы, велѣлъ ему Огурцу звонить въ колоколъ у Спаса, „да ударилъ ево въ шею і велѣлъ ему силно звонити“ ***).

На звонъ прибѣжало множество посадскихъ и слободскихъ людей и казаковъ съ судовъ. Вѣсть о смерти царевича быстро разнеслась по городу, передаваемая изъ устъ въ уста. Всѣ бѣжали на дворъ царевича.

Царица въ отчаяніи все еще кричала на мамку Василису Волохову, и, наконецъ, обращаясь къ толпѣ, выкрикнула имена трехъ лицъ, которыхъ называла убійцами царевича. Но никого, изъ названныхъ ею лицъ, на дворѣ не было. Царица велѣла схватить посадскимъ людямъ Василису и держать ее ****).

Духовный отецъ Григорія Нагово, попъ Богданъ, сказалъ, что „онъ въ тотъ день, въ суботу, ѣлъ у Михаила у Битиговского, и почали звонити въ городе у Спаса въ

---

*) Скл. VIII.
**) Скл. XIX—XX.
***) Скл. XX.
****) Скл. XV.

колоколъ, и Михаило послалъ людей своихъ провѣдати въ городе, а чаялъ то, что гдѣ загорѣлося. И прибежали Михаиловы люди къ Михаилу на подворье, сказали, что царевича Дмитрея не стало. И Михаило тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичю, а посатцкие люди многие на дворъ мечютца съ рогатинами, и съ топоры и съ саблями" *).

Насколько слѣдственное дѣло позволяетъ слѣдить за развитіемъ происшедшаго и улавливать послѣдовательность событій, можно предположить, что именно въ то время, когда начала собираться толпа, которой уже были брошены имена указанныхъ царицею убійцъ, Андрей Нагой счелъ нужнымъ взять тѣло царевича. По крайней мѣрѣ, при начавшемся бунтѣ и убійствѣ угличанъ Андреи Нагой не присутствовалъ. — „А какъ побили Михаила Битяговского и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, того ѡнъ не вѣдаетъ, хто ихъ велѣлъ побить, а побила ихъ чернь посадцкие люди; а ѡнъ былъ у царевичева тѣла безотступно, и тѣло ѡнъ царевичево внесъ въ церковь" **).—Такъ говорилъ слѣдователямъ самъ Андрей Нагой.

Среди сбѣгавшихся на дворъ людей „прискочилъ" дьякъ Михаилъ Битяговскій. Ему „подалъ весть"***) сытникъ Кириллъ Моховиковъ, бывшій во время несчастія съ царевичемъ на дворѣ и сказавшій, что царевичъ „болѣнъ чернымъ нѣдугомъ" ****). Битяговскій подъѣхалъ къ однимъ изъ воротъ, которыя были заперты, но Моховиковъ побѣжалъ къ Михаилу и отперъ ихъ.

Конюхъ Михаилъ Григорьевъ показалъ, что Михаилъ Битяговскій, вошедши на дворъ, побѣжалъ прямо во дворецъ „въ верьхъ"*****) къ царицѣ, думая, что царевичъ находится тамъ. Битяговскій, не найдя царевича, вышелъ на дворъ. Между тѣмъ, посадскіе люди, замѣтивъ его,

*) Скл. XXVI.
**) Скл. XVIII.
***) Скл. XLVII.
****) Ibid.
*****) Скл. XLII.

бросились также „въ верхъ“ *). Михаилъ „почалъ имъ розговаривати“: для вы чево прибежали съ топоры, и съ саблями и съ рогатинами“ **)?

Вмѣсто отвѣта, толпа посадскихъ людей „за Михаиломъ учали ся ганяти“ ***). Михаилъ Битяговскій, спасаясь, вбѣжалъ вмѣстѣ съ Данилою Третьяковымъ въ Брусяную избу, гдѣ они и заперлись. Озвѣрѣвшая чернь „высѣкла двери“ и, „выволокши“ изъ избы, убила обоихъ.

Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что приказаніе убить упомянутыхъ лицъ было дано царицей и М. Нагимъ. Василиса Волохова разсказывала: „прибежалъ де на дворъ Михаило Битяговскои и почалъ былъ розговаривать посадцкимъ людемъ, и Михаилу Нагому, и царица де Марья и Михаило Нагои велѣли убити Михаила Битяговского и Михаилова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила де царица миру: то де душегубцы царевичю“ ****). Относительно причины убійства лично Михаила Битяговскаго, по приказанію Михаила Нагово, Субота Протопоповъ добавилъ, что „Михаило Нагои велѣлъ убити Михаила Битягωвского, а была у нихъ межъ собя прежъ того брань за то, что Михаило Нагои у Михаила у Битяговского прашивалъ сверхъ государева указу денегъ исъ казны, и Михаилω ему ωтказалъ, что ему мимо государевъ указъ денегъ не давывать“ *****).

Но подробнѣе всѣхъ разсказала истинную причину убійства М. Битяговскаго его жена Авдотья въ поданной на Нагихъ жалобѣ Государю: „велѣлъ, государь, тотъ Михаило да Григореи убити мужа моего Михаила и сына моего Данила по недружбе, что, государь, мужъ мои Михаило говорилъ многижда, да и бранился съ Михаиломъ за то, что ωнъ добываетъ безпрестанно ведуновъ и веду-

*) Ibid.
**) Скл. XXVI.
***) Ibid.
****) Скл. XV.
*****) Скл. XXI.

неи къ царевичю Дмитрею; а ведунъ, государь, Wндрюшка Мочаловъ тотъ безпрестанно жилъ у Михаила, да у Григорья, да у Wндрѣевы жены Нагово у Зеновьи. И про тебя государя и про царицу Михаило Нагой тому ведуну велѣлъ ворожити, сколко ты, государь, долговѣченъ и государыня царица; то есми, государь, слыхала у мужа своего. А того дни, въ которои день велѣлъ убити мужа моего Михаило Нагои, съ мужемъ моимъ бронилися жъ за то, что Михаило Нагои не wтпустилъ посо́хи по твои государевь нарядъ.... И какъ, государь, царевича не стало, и Михаило, государь, Нагои велѣлъ звонити, а мужъ мой Михаило и сынъ мой въ тѣ поры ѣли у себя на подворьишке, а у него ѣлъ свещенникъ Царя-Костентиновскоѣ Богданъ, а тотъ свещенникъ Богданъ Григорью wтецъ духовной; и услышевъ, государь, звонъ, мужъ мой и съ сынишкомъ поскочили на дворъ, а чаяли пожару; и какъ, государь, мужъ мой и сынишко прискочили на дворъ, и Михаило, государь, Нагой и Григорей мужа моего и сына велѣли убити по недружбе конюху царицыну Михаилу Григорьеву да сыну его Данилку, а сынишко, государь, мой Данилко на дворѣ не былъ, и убили его въ Дiячье избѣ, и, убивъ, государь, мужа моего и сына Данилка, прислали Михаило да Григореи того жъ конюха Михалка съ сыномъ съ его зъ Данилкомъ по меня и по детишокъ на подворьишко; и wнѣ, государь, взявъ меня съ моими дѣтишками, wбодравъ, нагу и простоволосу поволокли на дворъ, и животишка, государь, наши все на подворьишке розграбили безъ остатку“ *).

Сынъ Михаила Битяговскаго — Данила, на котораго особенно указывали царица и М. Нагой, какъ на убiйцу царевича, вмѣстѣ съ Никитою Качаловымъ скрылись въ Дьячьей избѣ, откуда были „выволочены“ и „побиты до смерти“.

Осипа Волохова убили однимъ изъ послѣднихъ.

*) Скл. LII—LIV.

Поздно пріѣхавшій въ городъ игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватій засталъ его еще въ живыхъ. Савватій вошелъ въ церковь Спаса къ царицѣ, бывшей при тѣлѣ царевича, и увидалъ Осипа Волохова стоящимъ за однимъ изъ столповъ храма *). Царица жаловалась игумену, указывая на убійцъ—Качалова, М. Битяговскаго и Осипа Волохова. Послѣ ухода игумена изъ храма толпа вытащила Осипа и „привели къ царице въ вверхъ, къ церкве къ Спасу; и тутъ ево передъ царицею убили до смерти“, говорилъ Григорій Нагой **).

Осипа Волохова во время несчастія съ царевичемъ на дворѣ не было. Василиса Волохова показала, что „сынъ еѣ Осипъ въ тѣ поры былъ у себя; и какъ почалъ шумъ быти великои, и сынъ еѣ Осипъ прибежалъ къ Михаилове женѣ Битяговского, и тутъ его и поимали посадцкие люди и привели его ещо жива передъ царицу и Михаилову жену Битяговского зъ дочерми передъ царицу жъ привели; и царица де миру молыла: то де-и убоица царевичю сынъ еѣ Осипъ Волоховъ, и сына еѣ Осипа тутъ до смерти и убили, а убивъ, и прохолкали, что надъ заицемъ. А человѣкъ сына его, Васкою звали, и онъ кинулся и палъ на сыне еѣ на Осипе, чтобъ его не убили до смерти, и человѣка его Васку туто жъ надъ сыномъ еѣ убили; а другово человѣка Василисина убили, что увиделъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на неѣ положилъ свою шапку и посадцкие люди за то его убили до смерти жъ“ ***).

Кто же былъ послушнымъ исполнителемъ приказаній Нагихъ и „починщикомъ“ цѣлаго ряда убійствъ? Оказывается, во главѣ стояли дворовые люди Нагихъ и на первомъ мѣстѣ конюшенный приказчикъ.

Пищикъ Михаила Битяговскаго, Степанко Корякинъ,

---

*) Скл. XXV.

**) Скл. IX.

***) Скл. XV.

указалъ слѣдователямъ на конюшеннаго приказчика Михаила Григорьева и сказалъ: „тотъ де-и Михаило Григорьевъ Михаила Битяговского и почалъ бити, а сынъ ево Данилко и прибилъ до смерти“ *).

На допросѣ Данилко Михайловъ сынъ Григорьева не отрицалъ показаннаго: „былъ wнъ и съ отцомъ своимъ съ Михаиломъ у себя на подворье. И послышели въ городе звонъ и чаяли того, что горитъ, и wнъ съ отцомъ съ своимъ, съ Михаиломъ, побѣжали въ горwдъ; и въ городе ломятца многы... люди посадцкые и съ судовъ казаки въ Дьячью избу, а в-ызбе, сказали Данила Михаилова сына Битиговского да Микита Качалwвъ, а говорятъ посадцкые люди: ту де-и душегубцы царевича Дмитрея, і выволокши Данила и Микиту изъ Дьячьи избы, туто ихъ и побили до смерти; а wтець его и wнъ туто жъ съ посадцкими людми били; а Михаило Битяговскои зъ Даниломъ съ Третьяковымъ утекли въ Брусяные избу, и посадцкые де-и люди и wнъ съ отцомъ туто жъ были, изъ Бр[у]сяные избы вытащили и убили ихъ; а Михаиловыхъ людеи Битяговского трехъ человѣкъ, и Wсипова человѣка Волохова, и Микитиныхъ людеи Качалова дву человѣкъ убили въ Дьячье избѣ зъ Даниломъ и съ Никитою вмѣстѣ; а Wсипа Волохова взяли на Михаилове дворѣ Битиговского и привели ево къ царице въ церковь къ Спасу. И Михаило Нагои велѣлъ Wсипа Волохова и прибити, и посадцкые люди и wнъ Данилко съ отцомъ своимъ Wсипа Волохова и убили до смерти“ **).

Изъ другихъ главарей были указаны сытникомъ Кириллою Моховиковымъ—Ятка Ляпунъ, Микитка Гунбинъ, Степанко Полуехтовъ, Иванъ Тимоѳѣевъ, Тихонъ Быковъ***) и Титъ сапожникъ ****).

*) Скл. XXXIX.

**) Скл. XL, а также скл. XLII: показаніе конюха Михаила Григорьева.

***) Скл. XXIX.

****) Скл. L.

Какъ закончился ужасный день—15 мая, ставшій предвѣстникомъ Московской Разрухи, изъ слѣдственнаго дѣла не видно.

Въ городѣ царилъ терроръ. Многіе разбѣжались и бродили по лѣсу, боясь бунтовавшей черни, которая подъ прикрытіемъ Нагихъ убивала лицъ, осуждавшихъ ихъ поступки.

Посадскіе люди Иванъ Пашинъ и Василій Буторинъ, водившіе дружбу съ Михаиломъ Битяговскимъ, не входили въ городъ до пріѣзда слѣдственной Комиссіи: „ходили по лесу, а въ городъ итить не смѣли, что хотѣли ихъ побити посадцкие люди; и какъ мы свѣдали про князя Васил[я] Ивановича, и про Wндрѣя Петровича и про Елизарья Вылузгина, что онѣ пріѣхали на Углечь, и мы и пришли на посадъ“ *).

Подъячіе Третьячко Десятого, Васюкъ Михайловъ, Терешка Ларивоновъ, пищики Марко Бабкинъ и Ивашко Ежевъ, упрекнувшіе посадскихъ за убійство своего начальника Михаила Битяговскаго и его сына, услыхали отъ нихъ: „вамъ де-и wтъ насъ то же будетъ“! „И мы съ того страху, говорили подъячіе, розбѣжались розно, і въ городъ ходити не смѣли покамѣстъ пріѣхалъ на Углечъ бояринъ князь Василеи Ивановичъ Шуискои, да wколничеи Wндрѣ[й] Петровичъ Клешнинъ, да діякъ Елизареи Вылузгинъ“ **).

Какъ обычно бываетъ при буйствѣ черни, убійства сопровождались грабежами.

Особенно усердствовавшій конюхъ Данилко Михаиловъ сынъ Григорьева разсказывалъ: „А на Михаиловъ дворъ Битиговского пошли всѣ люди миромъ, и Михаиловъ дворъ розграбили, и питье изъ погреба въ бочкахъ выпивъ, и

*) Скл. LI.
**) Скл. XLIV.

бочки кололи“ *). Данилко Григорьевъ успѣлъ себѣ присвоить саадакъ и гнѣдого коня **).

Въ Дьячей избѣ была разломана „коробеика“ подъячаго Третьячки Десятого и „вынято изъ неѣ государевыхъ денегъ дватцать рублевъ, что были приготовлены на царицинъ и на царевичевъ росходъ“ ***).

У посадскаго человѣка Истомки Батусова, который „почалъ розговаривать, чтобъ они за посмѣхъ безъ государьского вѣдома не убивали“, отняли три рубля ****).

Болѣе другихъ пострадала вдова Битяговская: ее сильно избили и „животишка... на подворьишке розграбили безъ остатку“ *****).

Послѣдней изъ пострадавшихъ послѣ смерти царевича была „жоночка уродливая“, жившая у Михаила Битяговскаго, которая часто хаживала къ Андрею Нагому: „и сказали про неѣ царице Марье, и царица еи велѣла приходить для потѣхи и та жоночка приходила къ царице; и какъ царевичю смерть сталася, и царица и ту жонку, после того два дни спустя, велѣла добыть і велѣла еѣ убити жъ, что будто сь та жонка царевича портила“ ******).

Въ Москву былъ посланъ гонецъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ въ Угличѣ. Но кто послалъ гонца, на кого палъ жребій быть вѣстникомъ ужаснаго событія и, наконецъ, что было написано въ посланной грамотѣ—слѣдственное дѣло не говоритъ, такъ какъ начало его утрачено.

18-го мая вечеромъ изъ Москвы пріѣхалъ Темиръ Засѣцкій.—Это былъ первый вѣстникъ предстоящаго розыска и назначенія для его производства кн. Шуйскаго съ Клешнинымъ и Вылузгинымъ.

Въ Угличѣ уже нѣсколько дней съ нетерпѣніемъ

---

*) Скл. XL.
**) Скл. XXXIX.
***) Скл. XLIV.
****) Скл. L.
*****) Скл. LIV.
******) Скл. XV.

ждали извѣстій и „людей“ съ Москвы. Михаилъ Нагой и городовой приказчикъ Русинъ Раковъ давно уже высылали верховыхъ по дорогамъ, ведущимъ къ Москвѣ.

Первыя вѣсти, пришедшія съ Москвы на Угличъ о предстоящемъ розыскѣ, крайне озадачили Нагихъ. Быстро составился новый планъ, который стали приводить въ исполненіе вечеромъ 18-го мая. Единолично выполнить его было невозможно, и Михаилъ Нагой привлекъ для этого городового приказчика Русина Ракова. Раковъ уже съ первыхъ дней смерти царевича былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Нагихъ. Дѣйствуя угрозой и имѣя за собой толпу угличанъ, готовую убить любого изъ указанныхъ имъ, Михаилъ Нагой въ одинъ день шесть разъ заставилъ Русина цѣловать крестъ: „буде ты нашъ“ *) и просилъ его „стояти съ нимъ за одинъ“ **). Когда „пріѣхалъ Темиръ Засѣцкой во вторникъ въ вечеру на Углечь, и Михаило Нагои учалъ говорити, чтобъ ножи собрати, да положити на тѣхъ побитыхъ людеи, и учалъ приказывати Русину Ракову“ ***).

По словамъ Русина задуманный планъ исполнялся такъ: „въ первои вторникъ, (въ) вечеру, приказалъ Михаило человеку своему Тимохе велелъ принести куря живои, въ другомъ часу ночи вшолъ въ Дьячью избу, а меня п[о]слалъ въ рядъ ножовъ имать, и я (съ) собою взялъ посацково человека Кондрашу Ѡловянишника и взялъ въ ряду два ножа у Ѳили у дехтярника ножъ, а другои ножъ у посацково жъ человека у Василья у Ильина, а ножъ мне далъ да саблю Григореи Нагои; и послалъ меня Михаило Нагои на Михаиловъ дворъ Битяговсково, да со мною послалъ Спасково соборново попа Степана, да посацкихъ людеи—Третьяка Ворожешкина да Кондрашю ѡловянишника; а велелъ мне искати въ Михалове пова-

*) Скл. LVI.
**) Скл. IV.
***) Скл. X.

луше палицы железнои, и язъ нашелъ и къ нему привесъ; и ѡнъ, государь, меня послалъ въ Дьячью избу и велелъ мне взять сторожа Ѡвдокима; да взялъ язъ посацково человека Васку Малаѳеева; да мне же велелъ изъ Диячьи избы въ чюлане курицу зарѣзалъ *) и кровь въ т[а]зь выпустилъ, и ножи и палицу кровью измазали; и Михаило мне Нагои приказалъ класти къ Михаилу Битяговскому ножъ, сыну ево ножъ, Миките Качалову ножъ, Ѡсипу Волохову палицу, Данилу Третьякову саблю, Михаилову человеку Битяговьскому Ивану Кузмину самопалъ, Михаилову жь чел[о]веку Павлу ножъ, Василисину человеку Васке самопалъ“ **).

Григорій Нагой добавилъ къ этому показанію „что городовои приказщикъ Русинъ Раковъ пыталъ у него про ножъ, и онъ Григореи сказалъ ему, что есть у него ножъ нагаиской, да за замкомъ, а ключъ у брата ево, у Михаила Нагово; и онъ человѣка своего Бориска и посылалъ къ брату своему, къ Михаилу, и братъ ево Михаилѡ съ человѣкомъ сь ево и прислалъ къ нему ключь, и ѡнъ, вынявъ ножъ, и далъ городовому приказщику Русину Ракову ***).

Чтобы придать составленному плану больше правдоподобія, Михаилъ Нагой послалъ попа Стефана и Русина Ракова на дворъ М. Битяговскаго и велѣлъ взять у него въ клѣти желѣзную палицу. Этимъ Нагой хотѣлъ показать участіе Битяговскаго въ убійствѣ царевича.

Такъ закончились приготовленія Нагихъ къ встрѣчѣ слѣдственной Комиссіи. Положивши на побитыхъ угличанъ различное оружіе, Михаилъ Нагой хотѣлъ тѣмъ показать „будто се тѣ люди царевич[а Ди]митрѳ убили“ ****).

Но эти мѣры были слишкомъ наивны, и планъ не удался.

---

*) См. часть II, прим. 271.

**) Скл. LVI и LVII.

***) Скл. XI.

****) Скл. III.

На слѣдующій день, 19-го мая, вечеромъ для производства розыска въ Угличъ пріѣхалъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, дьякъ Елизарій Вылузгинъ и окольничій Андрей Клешнинъ, а для погребенія царевича митрополитъ Сарскій и Подонскій Геласій.

Розыскъ начался съ перваго же дня и продолжался почти недѣлю. Слѣдователи опросили множество лицъ и обширный матеріалъ привезли въ Москву.

„И ч҃ѳ [99]го іюня въ в [2] день, государь царь і великіе князь Ѳедѡръ Ивановичъ всеа Русіи, слушевъ Галицкова ѡбыску, что ѡбыскивалъ на Углечѣ бо҃ринъ князь Василеи Ивановичъ Шуискои, да околничеи Ѡндрѣи Петровичъ Клешнинъ, да дьякъ Елизареи Вылузгинъ, и приказалъ бо҃ромъ и дь҃комъ съ Углецкимъ обыскомъ итить на Соборъ къ Иеву патрі҃рху всеа Русіи, и къ митрополитомъ, и къ архіепископомъ, и ко владыкамъ и ко всему Освященному Собору, і велѣлъ государь передъ патрі҃рхомъ на Соборе тотъ ѡбыскъ прочесть.

И по государеву приказу, бо҃ре, пришедъ хъ патріярху, велѣли ді҃ку Василью Щелкалову углецкоя дѣло на Соборе честь.

И какъ, по государеву приказу, Иеву патрі҃рху всеа Русіи і всему Собору углецкое дѣло прочли, и туто жъ на Соборе Иеву патрі҃рху Сарскиі и Подонскиі Галасѣя митрополитъ говорилъ: Извещаю тебѣ, Іеву патрі҃рху, и всему Освещенному Собору, которого дни ѣхати мнѣ съ Углеча къ Москве, и царица Марья, призвавъ мен҃ къ себѣ, говорила мнѣ съ великимъ прошеньемъ: какъ Михаила Битяговского съ сыномъ и жилцовъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое, чтобъ мнѣ челобитье еѣ донести до государя цар҃ і великого князя҃, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михаилу зъ братьею, въ ихъ винѣ милость показалъ“ *).

*) Скл. LV.

Затѣмъ была заслушана челобитная Русина Ракова, поданная на Угличѣ митрополиту Геласію *).

„И патриархъ Иевъ, со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, слушевъ углетцкого дѣла и сказу митрополита Галасѣи и челобитные городового приказщика Русина Ракова, говорилъ на Соборе: въ томъ во всемъ воля государя царя і великого князя Ѳедора Івановича всеа Русиі; а преже сего такова лихова дѣла и такие убоиства сталисъ и крови пролитье отъ Михаила отъ Нагово и отъ мужиковъ николи не было. А передъ государемъ царемъ і великимъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русиі Михаила и Григорья Нагихъ и углетцкихъ посадцкихъ людеи измѣна явная; что царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьимъ судомъ, а онъ Михаило Нагои государевыхъ приказныхъ людеи діяка Михаила Битяговского съ сыномъ и Микиту Кочалова и иныхъ дворянъ и жилцовъ и посадцкихъ людеи, которые стояли за Михаила Битяговского и за всѣхъ за тѣхъ, которые стояли за правду и розговаривали посадцкимъ людемъ, что они такую измѣну здѣлали, велѣлъ побити напрасно умышленьемъ за то, что Михаило Битяговскои съ нимъ, съ Михаиломъ съ Нагимъ, бранился почасту за государя, что онъ Михаило Нагои держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иныхъ многихъ ведуновъ, и за тое великое измѣнное дѣло Михаило Нагои зъ братьею и мужики углечане по своимъ винамъ дошли до всякого наказанья. А то дѣло земское, градцкое, въ томъ вѣдаетъ Богъ да государь царь і великиі князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русиі, все въ его царьскои рукѣ и казнь, и опала, и милость, о томъ государю какъ Богъ известитъ; а наша должная молити Господа Бога и Пречистую Богородицу і великихъ рускихъ чюдотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Иону і всѣхъ святыхъ о государе царѣ и великомъ князе Ѳеодоре Ивановиче всеа Русиі о государынѣ

*) Скл. LVI—LVIII.

царице і великои княгине Ирине, о ихъ государьскомъ многолѣтнѡмъ здравие и о тишинѣ межъ усобнои брани“ *).

Въ этотъ же день бояре, бывъ у патріарха, прочитали государю патріарховы рѣчи и „скаску“ митрополита Геласія.

„И государь царь і великиі князь приказалъ бояромъ і велѣлъ углетцкое дѣло по договору вершити, а по тѣхъ людей, которые въ дѣле объявилися, велѣлъ государь посылати“ **).

Во исполненіе приговора на Угличъ были посланы Михаилъ Молчановъ и Ѳедоръ Жеребцовъ, которымъ было велѣно бережно вести къ Москвѣ Ждана Тучкова, его жену — кормилицу Орину и вѣдуна Ондрюшу Мочалова, „сковавъ крѣпко“, „въ ручныхъ желѣзехъ и въ ножныхъ“.

Изъ второй группы источниковъ о смерти царевича Димитрія мы приводимъ лишь тѣ, которые наиболѣе разнятся по содержанію и тѣмъ даютъ возможность представить полную картину свидѣтельствъ лѣтописцевъ и различныхъ повѣстей.

Въ древнѣйшемъ изъ этого рода источниковъ, такъ называемомъ Иномъ Сказаніи о самозванцахъ, первая часть котораго относится къ 1606 году, смерть царевича Димитрія разсказана довольно кратко, но съ неизмѣнной напыщенностью:

„О лютѣ! да како о семъ слезы моя не пролію? или како можетъ десница моя начертати тростію о семъ? Воставаетъ предатель, яко Іюда Искаріоцкій на учителя своего Іисуса Христа Сына Божія, такоже и той Борисъ вооружается убійствомъ на государя своего царевича князя Дмитрея, еже и сотвори окаянный святоубійца. И начатъ же помышляти лукавый той рабъ, какобы ему исторгнути корень богоизбранный царскій; всячески поучаяся предати смерти сего тезоименитого благочестиваго царе-

*) Скл. LIX и LX.

**) Скл. LX.

вича, не хотя оставити наслѣдника отеческому ихъ престолу, по немъ желая царства собѣ получити. Забы Бога спасающаго избранныхъ своихъ, скорбь же и тѣсноту сему благочестивому царевичю нанося, многажды же и смертоноснаго яда вкушеніе злотворнымъ умышленіемъ посылая къ нему, злую смерть нанося ему. Онъ же вся сія съ радостію пріимаше, вѣдый, яко ничто же успѣетъ сила вражія противу силы Божія, и во всемъ Владыки своего Христа смиренію послѣдова, якоже иному страждущу отъ всѣхъ прилучившихся ему; никакоже сумнѣся, ни вопреки глагола, упова на Господа, яко Той прибѣжище отъ скорби одержащія, и вся скорбная нанесенія съ радостію пріимаше. Сія же видѣвъ лукавый рабъ той, яко ничто же успѣ сотворити, ничимъ же зла сему благочестивому царевичю, таже посла во градъ Углечь злосовѣтниковъ своихъ и рачителей діака Михаила Битяковскаго да племянника его Никиту Кочалова. И повелѣ тое царскую младорастущую и красноразцвѣтаемую вѣтвь отторгнути, благовѣрнаго царевича Дмитрея, яко несозрѣлаго класа, пожати, младенца незлобива суща смерти предати и, яко агнца, заклати; и нарекова имъ благочестія образъ претворити и во тщаніи претворити, тако восхотѣ исторгнути и память его отъ земля, ими же и желаніе свое улучи враждебныхъ уношей, яже отъ навожденія діяволя научени быша. Посланніи же они отъ завистника Бориса Годунова, на Углечь пришедше, сокровенъ злый умыслъ и совѣтъ въ собѣ ношаше и ина же лукавая совѣтующе на святаго, дерзнувше предати неповинной смерти благочестиваго господина своего, еще бо ему сущу осмолѣтнымъ возрастомъ; злобѣ же пособніи они не престаша, всякъ ковъ движуще и лесть покрывающе и взыскающе, еже повелѣно имъ бысть, дондеже обрѣтше, якоже Іюден прежде на убіеніе владыки Христа Бога нашего тщетнымъ поучишася. Преждереченный же онъ рабъ завистникъ, иже воздвигій пяту на господина своего, восхотѣ ловленіемъ потаенну смерть сего благочестиваго царевича сотворити, а не вѣдый, что глаголетъ Пророкъ:

«горе беззаконникомъ, яко злая утнутся имъ по дѣломъ руку ихъ». Немилостивыи же они юноши, ихъ же прежде изъявихомъ, оттолѣ искаше подобна имъ времени, да смерти предадятъ святаго и благочестиваго царевича. Внезапу же исшедшу святому отроку по дѣтскому обычаю на играніе, абіе же, яко волцы немилостивіи, злочестивыи тіи юноши нападше на святаго, единъ же отъ нихъ извлекъ ножъ, напрасно удари святаго по выи его и прерѣза гортань ему. Яко агньца незлобива смерти предаша беззаконніи, отмщенія же крови праведнича въ то же время пріяша нечестивіи они убійцы: отъ людей града того побіени быша" *).

По словамъ Авраамія Палицына смерть царевича произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Великаго убо Царя Ѳедора брата Царевича Дмитрія Ивановича, не единоматерня, отдѣлиша на Углечъ, всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ, да во своемъ пространствіи съ матерію си пребываетъ. Сему же Царевичу Дмитрею естествомъ возрастающу и братне царство и величество слышащу и отъ ближнихъ си смущаему занеже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ; и врази суще, и ласкатели и великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лже составляюще, съ сими подходятъ вельможи, паче-же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху сему низводятъ: его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и не хотяща въ вѣчный покой, въ лѣто 7009; памяту же его крови ради неповинныя во всей Россіи торжествовася, и великимъ даромъ чудесъ отъ Бога обогащенъ бысти.—Егда же закаленъ бысти той незлобивый агнецъ Дмитрій Царевичъ, тогда весь градъ Углечь

*) Русская Историческая Библіотека, т. XIII. Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному Времени. 2-ое изд. Спб. 1909 г., стр. 6—8.

возмятеся, и емше убійцъ его, Данилку Битяговскаго, Никитку Качалова и самаго Михайла Битяговскаго, смерти придаша. Борисъ же, за тѣхъ убійцъ, Углечанъ болѣ двоѣ сотъ человѣкъ погуби; овѣхъ же въ Сибирь сосла, инѣхъ же въ темницахъ лютыми смертьми умори; матерь же царицу Марію неволею постричи повелѣ, и пятнадесять лѣтъ въ скорби пребысти" *).

Новый Лѣтописецъ, писавшій о смерти царевича во второй половинѣ XVII вѣка, говоритъ:

„Бысть боляринъ Борисъ, рекомый Ѳедоровичъ Годуновъ, ненавидяше братію свою боляръ, бояре жъ ево не любяху, что многіе люди погубихъ напрасно. И вложи діяволъ ему въ мысль извести праведного своего государя царевича Дмитрея, и помышляше себѣ: „аще изведу царьскій корень, и буду самъ властелинъ въ Руси", якоже окаянный Стополкъ (Святополкъ) помышляше на братію свою Бориса и Глѣба: „аще побію братію свою, и буду единъ властелинъ въ Руси", а не вѣдя того, яко Богъ власть кому хочетъ, тому дастъ. Сій же окаянный Стополкъ посла на братію свою на убойство, такожде и Борисъ посла на Угличъ, чтобы сего праведного окормити зеліемъ. Ему же праведному царевичю Дмитрею даваху смертоносное зеліе овогда вь ѣсътвѣ, овогда въ питіѣ. Богъ же храняй праведника, не хотя втайнѣ ево праведную душу увести пріяти, а хотя ево праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру. Борисъ же то слышавъ, яко ничто ево не вреди, и оскорбѣся о томъ зело и призва братію свою Годуновыхъ и совѣтниковъ своихъ Андрея Клешнина съ товарыщи и повѣдаши имъ, яко ничто ево вредитъ. Единъ же отъ нихъ Годуновъ, Григорей Васпліевичъ, кь ихъ совѣту не приста, и плакася о томъ горко;

*) Печатаемая цитата взята изъ списка сказанія, опубликованнаго въ книгѣ Н. Полозова. „Очеркъ историческаго изслѣдованія о Царѣ Борисѣ Годуновѣ". Москва. 1858 г., стр. 53—54.

они же ево къ себѣ не призываху и ево чюжахусь. Сіи же совѣтницы Борисовы умыслиша ему послати, ково изобравъ, и его праведного убить; и избраша Володимера, рекомого Загрязского да Микиѳора Чепчюгова и изъ нихъ единово послати. Имъ же то, Володимеру и Микиѳору, извѣстиша, они же люди богъбоязливыи, не токмо что надъ нимъ здѣлати, и помыслити надъ своимъ государемъ не хотяху. Возвѣстиша же то Борису, что не хотяше изъ нихъ ни единъ ѣхати; онъ же зѣло прискорбенъ бысть, яко ничто хотѣніе его не совершается. Совѣтникъ же ево Андрей Клешнинъ рече ему и яко „не скорби о томъ: есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено“. Тѣмъ же Микиѳору и Володимеру, что ихъ воли не сотворили, многіе бѣды и злые напасти содѣяху имъ. Той же Андрей Клешнинъ пріиде въ домъ свой и возвѣсти братіѣ своимъ и другамъ; они же отъ нихъ ни единъ на такое окаянство уклонишася; и вниде діяволъ вь единого отъ нихъ престоящихъ рекомый Михайло Битяговской. И яко же воиде сатана во Июду Скаріотскаго, ...тако и сій окаянный Михаилъ мышля на своего государя, на такова безскверна агнеца, и шедъ возвѣсти Андрею Клешнину: „я хощю волю вашу сотворити“. Ондрей же радостенъ бысть, и шедъ къ Борису и возвѣсти ему все по ряду. Борисъ же тово Михаила повелѣлъ привести съ великою радостію и обѣщася ему воздати великую честь и, ударивъ (одаривъ) ево, отпусти на Углечь, да съ нимъ же отпустилъ сына ево Данилка да Микитку Качалова, и велѣлъ имъ вѣдати на Углечѣ все. Они же идоша на Углечъ, аки волки пыхающи на праведного, и пріидоша на Углечь вскорѣ и начаша всѣмъ владѣти. Царица же Марья Ѳедоровна, видя ихъ злокозненное умысліе и начатъ беречи, никуды отъ себя ис хоромъ не пущаше. Они же окаянни совѣтовавше съ мамкою его съ Марьею Волоховою (Болоховою), да з сыномъ еѣ Данилкою, и здумаша они, чтобы его праведного явно убити въ лѣто 7099 (1591) году, мѣсяца Маія въ 15 день. Мати же ево благовѣрная царица Марья

бывше у себя въ хоромѣхъ, сія же окаянная мамка Волохова рече праведному лестію; аки змія прелестивъ Евву, такоже и сія окаянная оболсти матерь его и взятъ его поведущи на дворъ. Кормилица же его, воспитавшая ево сосцемъ своимъ, не хотяше пустити его, она же окаянная едва не силою веде его на заколеніе; сія же кормилица его, идущи съ нимъ на нижное крылцо. Сіи же окаянніи, аки звѣрія ярости исполнени, течаху на крылцо. Той же злодѣй Данилко Волоховъ пріятъ его праведного за руку и рече ему: „сіе у тебя, государя, новое ожерельейцо?“ Онъ же ему отвѣща и глаголя тихимъ гласомъ и подня ему выю свою и рече ему: „си есть старое ожереліе“. Онѣ же окаяннiи свою, аки змія ужали жаломъ, колну ножемъ праведного по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу государя его, паде на немъ и нача кричати. Той же окаянный Данилко поверже ножъ свой, побѣже; союжники же сво Данилко Битяговской да Микитка Качаловъ начаше еѣ бити, едва живу оставиша, праведного же у ней отняше и заклаше, аки агньца нескверна, юнца осмолѣтна. Они же окаяннiи побѣгоша; мати жъ ево видя пагубу сына своего и кричаше надъ нимъ. О чудо праведно и ужасно, како мертвенное тѣло трепеташась на великiй часъ, аки голубь! той же часъ о убіеніи слышаху во градѣ и на посадѣ по вратомъ, ѣздя, біяху и вопяху: „что сидите? царя у васъ нѣсть!“ Они же выбѣжаху за врата койже за свои, не видя же никово. Въ та же времена на государевѣ дворѣ не бяше никово, братія же его и дядья разыдошась по домамъ, что время бысть полуденное; единъ же соборной понамарь видя такую пагубу и запреся на колоколницѣ, и и бити начатъ въ колоколъ; окаянныи же къ нему приступаху, хотяще его убити, и не можаху. Людіе же ево и братія и дядья и всѣ люди града Углеча збѣгошася на ево государевъ дворъ и видѣша себѣ пагубу, государя своего лежаща мертва, мати же его и кормилица туто же у тѣла его лежащи, аки мертвы; они же надъ

тѣломъ его вопіяху и сихъ убойцовъ Михайла Битяговъского и з женою и съ ихъ совѣтники побиша каменіемъ. Той же Микитка и Данилко побѣжа и отбѣжа двана-десять верстъ; кровь же праведного вопіяше къ Богу, не попусти ихъ; они же окаянніи возвратишася назадъ. Гражане же и тѣхъ побиша каменьемъ, и всѣхъ ихъ окаянныхъ побиша дванадесятъ человѣкъ, и повергоша въ яму псомъ на снѣденіе. Тѣло же его праведное положиша во гробъ и внесоша въ соборную церковь Преображенія Спасова. Къ царю же Ѳедору послаша гонца возвѣстити, яко убіень бысть братъ его отъ рабъ; гонца же приведоша на Москвѣ къ Борису, Борисъ же велѣлъ грамоты переписати, а писать повелѣ, яко удержимъ (одержимъ) бысть недугомъ и самъ себя зарѣзалъ небереженіемъ Нагихъ, и донести грамоты до царя Ѳедора. Царь же, слыша убьеніе брата своего, на многъ часъ плакашеся, и не можаше ничто проглаголати. И посла про то сыскати и тѣло его праведное погрести болярина князя Василія Ивановича Шуйского да съ нимъ Андрея Клешнина и властей; и тѣхъ Нагихъ велѣно привести къ Москвѣ. Князь же Василей со властьми пріидоша вскорѣ на Углечъ и осмотри тѣла праведного заклана и, помянувъ свое согрѣшеніе, плакася горко на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояша. Тѣло же его праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія Спасова; князь же Василей начатъ роспрашивати града Углеча всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ. Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки и священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ отъ Михаила Битяговского по повелѣнію Бориса Годунова съ ево совѣтники. Князь же Василей пришедъ съ товарыщи къ Москвѣ и сказа царю Ѳедору неправедно, что самъ себя заклалъ. Царь же Ѳедоръ положи опалу на Нагихъ; Борисъ же з бояры поидоша къ пыткѣ и Михаила Нагово и Андрея и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобы онѣ сказали, что самъ себя заклалъ. Они же никакъ тово не сказаша:

то и глаголаху, что отъ рабъ убіенъ бысть. Борисъ же, разъяряся, хотяше и досталныхъ погубити; царицу жъ Марью повелѣ постричи и повелѣ сослати въ пусто мѣсто за Бѣлоозеро, а Нагихъ всѣхъ розосла по городомъ по темницамъ; градъ же Углечъ посла и повелѣ разорити, что биша тѣхъ окаянныхъ и на него глаголаху. И иныхъ казняху, инихъ языки рѣзаху, инихъ по темницамъ розсылаху; множество же людей отведоша въ Сибирь и поставиша градъ Пелымъ и ими насадиша, и оттово же Углечъ запустѣлъ. Тѣхъ же окаянныхъ и убойцовъ повелѣ хранити и погрести ихъ окаянное тѣло честно; тое же окаянную мамку Волохову и тѣхъ убойцовъ женъ устроиша: подавалъ и жалованіе многое и вотчины“ *).

Наиболѣе полно Угличское событіе изложено въ Сказаніи о царствѣ царя Ѳеодора Іоанновича, гдѣ сказатель упомянулъ о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть царевича Димитрія.

Борисъ Годуновъ „учалъ, окаянный, день и нощь мыслить, какъ бы ему восхитить престолъ царской“.....; „....замыслилъ вражей угодникъ нелѣпое дѣло на государя своего и на благодѣтеля, на великаго государя царевича Димитрія Іоанновича Углицкого, чтобъ его уморить злою смертію, отравити. И иска себѣ онъ окаянный Борисъ способниковъ къ такому проклятому дѣлу, кого бъ послать на Угличь и кто бы его проклятую и злую мысль исполнилъ, чтобъ царской корень искоренить, а самому бы сѣсть на царскій превысокій престолъ. И сыскалъ онъ Борисъ такова же окаяннаго богоотступника и подобна своему злому и лукавому дѣлу единомышленника, нѣкоего дьяка Михаила Битяговского съ сыномъ его Данилкомъ, да съ племянникомъ ево Никитою Качаловымъ, да нѣкую жену, зовутъ ее Василисою, по прозвищу Волохову; жила окаянная всегда предъ лицемъ царицы Марьи Ѳеодоровны, у царе-

*) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Томъ XIV, стр. 40—42.

вича Димитрія Іоанновича была она вящая боярыня, отъ малого роду: прежде была постелница, потомъ возлюбила ее царица Марья Ѳеодоровна, и пожаловала ее въ боярони у себя, и жаловала ее паче всѣхъ иныхъ боярынь, не зная въ ней, окаянной, лукавой мысли; а она, окаянная вражія угодница, забыла страхъ Божій и превеликую къ себѣ милость государыни царицы Марьи Ѳеодоровны и государя царевича Димитрія Іоанновича, прелстилась на лукавые слова Бориса Годунова и угодниковъ ево, вмѣстѣ съ нимъ совѣтъ сотвори на убивство, на праведнаго незлобиваго младенца, на государя своего бл̀аговѣрнаго царевича Димитрія Іоанновича. И многія составы сотворяли и умышляли, како бы его опоить злымъ зеліемъ и неповинно смерти предать, чтобъ никому то дѣло было свѣдомо, кромѣ ихъ. Онъ же злый властолюбецъ многимъ съ клятвою обѣщался имъ, чести и богатства великаго имъ посулилъ, толко бы волю его творили; они же окаянныя многими отравами и всякимъ зеліемъ отравливали царевича Димитрія Іоанновича, да судъ Божій не приспѣлъ, Богъ его хранилъ до своихъ праведныхъ судебъ. Человѣкъ ничто не учинитъ, какъ Богъ чего не изволитъ; аще приспѣютъ судьбы Божія, то и вся вселенная не можетъ соблюсти; не приспѣла концу его смерть.

Потомъ же окаянный и властолюбецъ Борисъ Годуновъ отложилъ страхъ отъ сердца своего, умыслилъ неподобное дѣло и повелѣ преждепомянутымъ своимъ злолукавымъ совѣтникамъ и вражіимъ угодникамъ, безо всякаго опасенія и страха повелѣ проклятый и святоубица сотворити и скверныя свои руки возложити на праведнаго и неповиннаго агнца и незлобиваго младенца, велѣлъ имъ Борисъ ножемъ заколоть. Они же окаянные человѣцы и святоубицы, аки звѣріе, рыскаху, искаша себѣ подобна времяни, гдѣ бы имъ обрѣсти пищу душѣ своей на пагубу, аки лютые звѣри. Мишка Битяговской, да сынъ его Данилко, да племянникъ его Микитка Качаловъ многое время жили на Угличѣ во дворѣ у царицы и свой окаянной совѣтъ

совѣщаша ехиднымъ со аспидомъ; то же и они окоянные по его Борисову ученію искаше времени на свою погибель и присовокупиша къ своей прелести кормилицу царевича Димитрія Іоанновича, именемъ Дарію (sic!) по прозвищу Митякову (sic!), и прелстиша ее лукавыми своими словами лесно, чтобъ она царевича Димитрія Іоанновича вывела изъ царскихъ хоромъ на дворъ гулять. Она же окаянная жена по ихъ лстивымъ словамъ не въ который день взявъ его, неповиннаго отрока, за руку, и повела его на дворъ гулять; и рече ему: поидемъ, государь, погуляемъ на дворѣ!—И дастъ ему на потѣшеніе орѣховъ. Мати же его, царица Марья Ѳеодоровна, того не вѣдала и была въ заднихъ хоромахъ. Царевичь же по словеси кормилицы своей поиде съ нею на дворъ гулять. Они же окаянныя и злые кровопивцы и святоубицы въ то время схоронишася на дворѣ подъ лѣсницу, которою поидетъ царевичь гулять, и они изостря неподобные свои руки на убивство неповиннаго отрока, аки звѣріе. И какъ царевичь пошелъ по лѣсницѣ и будетъ посреди лѣсницы, и дьякъ Мишка Битяговской скоро вскочилъ, аки ехидна злая, и ухватилъ его, незлобиваго младенца, сквозь лѣсницу за ноги, сынъ же его Данилка за честную его главу, аки злодѣя, и душегубецъ племянникъ же Микитка Качаловъ вынялъ ножъ и закололъ его, аки агнца непорочна и незлобиваго суща младенца. И напившися окаянныя крови его, царевича Димитрія Іоанновича, и пресѣче царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окаянные побѣжали кои куды, не увидѣли пути себѣ и дороги, и въ той часъ ослѣпи ихъ неповинная кровь непорочнаго агнца, не потерпѣла беззаконію ихъ.

И нѣкоторая богоизбранная жена возвѣстиша царицѣ матери его о такомъ нелѣпомъ дѣлѣ. Она же государыня царица скоро изъ хоромъ прибѣжала и увидѣла свое милое чадо на земли лежаща мертва, и кровію весь обліянъ, и возопи она государыня громко веліимъ гласомъ: Увы мнѣ, бѣдной вдовѣ! увы мнѣ горкой и безпомочной! Какъ сіе

дѣло сотворилось, кой злодѣй дерзнулъ сего сущаго младенца погубить и неповиннаго агнца неповинную кровь пролить, кому онъ, государь, зло сотворилъ? О горе мнѣ, бѣдной и горкой вдовѣ! первое, государя своего царя и великаго князя Іоанна Васильевича осталась, и потомъ, бѣдная, возлюбленнымъ своимъ чадомъ утѣшалась и печаль свою и кручину имъ, свѣтомъ моимъ, забывала и впредъ у Господа Бога объ немъ милости просила и кормилца себѣ ожидала, а нынѣ хъ чему я окаянная достойна, кто меня воззоветъ матеріею, кѣмъ себя утѣшу, чего мнѣ ожидати, кромѣ своего безчеловѣчія? О горе мнѣ бѣдной о погибели сына моего! о свѣтъ мой, драгое мое чадо, како еси меня оставилъ въ бѣдѣ сей сущей, кому приказалъ утѣшать меня? Возстани, милое мое чадо, и призови убойцовъ своихъ, да и меня съ тобою погубятъ: не могу на тебя, свѣта моего, мертва зрѣти и безъ тебя жива быти не хочю! Имѣеши, милое мое чадо, дерзновеніе къ Господу Богу, помолился о мнѣ, чтобъ мнѣ съ тобою вкупѣ умереть. О злые душегубцы! чего ради меня прежде не погубили? что онъ вамъ, государь, зло сотворилъ, какую неправду учинилъ сей сущій незлобивый младенецъ? Азъ бо вамъ всѣмъ зло сотворяю, — за что меня пощадили, а такого незлобиваго агнца напрасно закололи? Молюся вамъ, бѣдная вдовица, не оставте и меня живу, да не разлучайте и меня съ моимъ свѣтомъ, дайте мнѣ съ нимъ вмѣстѣ умереть!—И много она государыня кричавъ и причитавъ и жалостно и умилно глаголя, и предстоящіе тутъ людіе и жены всего царскаго двора плакаху безъ утѣшенія.

И удариша въ колокола, и збѣгошася граждане вси отъ мала и до велика, старые и молодые, мужіе и жены и сущи младенцы, на такій вопль на царскомъ дворѣ и неутѣшимое кричаніе царицы Марьи Ѳеодоровны. Услышавше такое случившееся дѣло и увидѣвше государя своего царевича Димитрія Іоанновича мертва, аки незлобиваго агнца заколота, на земли лежаща, и вси возопиша великимъ гласомъ и начаша неутѣшно плакати и рыдати о убіеніи государя

своего царевича Димитрія Іоанновича, таковаго милостиваго государя своего, и рекоша вси: о горе и увы намъ бѣднымъ и беспомощнымъ! остались мы бѣдные таковаго милостиваго государя своего!—И рекоша вси: хъ кому мы нынѣ прибѣгнемъ и у кого милости попросимъ и кто насъ помилуетъ? — И рыдаху многое время, а иные побѣжали искать губителей его; они же окаянные всѣ побѣгоша, а не вѣдаютъ, гдѣ имъ схоронитца; и тотчасъ всѣхъ похватали и приведоша всѣхъ на дворъ. И рече имъ гражданя: О окаянные и злые человѣцы святоубицы! како еси такое злое дѣло сотворили и свои окаянные руки подняли на государя своего и благодѣтеля царевича Димитрія Іоанновича, на таковаго сущаго младенца, неповиннаго отрока? кое вамъ онъ, государь нашъ, зло сотворилъ, или онъ вамъ, окаяннымъ, неправду чинилъ? Какъ вы Бога не убоялись, его, государя нашего, погубили, таковаго неповиннаго отрока, и кровь проліяли напрасно!—Они же окаянные стояху и зряху, и видя свою вину и неправду, и рече къ народу: наша виность и наше дѣло, неповинная насъ кровь обличила! послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова, его прелестными словами прелстились на такое дѣло, на убивство благовѣрнаго царевича Димитрія Іоанновича, а нынѣ мы по дѣломъ своимъ смерть себѣ пріимемъ. —Гражданя жь то слышавъ отъ нихъ и тотчасъ побили ихъ каменіемъ и тѣла ихъ окаянныя пометали псамъ на съѣденіе; и псы тѣлесъ ихъ окаянныхъ не ѣли, и земля ихъ не пріиметъ, и смрадъ великъ во градѣ бысть отъ скверныхъ тѣлесъ ихъ. Гражданя жъ вывезоша ихъ тѣлеса за городъ, за пять верстъ отъ града, на съѣденіе звѣремъ земнымъ и на растерзаніе птицамъ небеснымъ; и звѣри и птицы такихъ скверныхъ тѣлесъ ихъ не ѣли. Гражданя жь повелѣша тѣлеса ихъ въ ровъ зарыть для смраду великаго; наутріе жь тѣлеса ихъ окаянныя лежатъ выкинуты наверхъ земли; и не въ одно время покушахуся въ ровъ загребати, и ихъ земля вонъ извергаетъ и не пріимаетъ ихъ окаянныхъ тѣлесъ. И тако лежаша тѣлеса ихъ по-

верхъ земли многое время и згниша и безъ вѣсти пропадоша, аки прахъ. И многіе градцкіе жители слышаху по ночамъ около тѣлесъ ихъ великое плясаніе, и свирѣли и бубны играютъ, и радуетца учитель ихъ сатана и со діяволы своими, что ему, окаянному, угодное дѣло сотворили и съ нимъ во адово дно угодили.

Благовѣрная царица Марья Ѳеодоровна послала вѣсть въ царствующій градъ Москву, чтобы возвѣстили про такое нелѣпое дѣло и про убивство царевича Димитрія Іоанновича государю царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичю всеа Россіи. Борисъ же Годуновъ послыша, что желаніе ево лукавое совершили, и тотчасъ велѣлъ вѣстниковъ отослать назадъ за приставами, не допустя до государя царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича. И велѣлъ онъ Борисъ по всѣмъ дорогамъ околы Москвы учинить заставы крѣпкіе, съ великимъ подкрѣпленіемъ и страхомъ, подъ смертною казнію, чтобъ отнюдь изъ Углеча никакова человѣка къ Москвѣ не пропущали: аще кто пропуститъ, и тѣхъ казнить смертію; а ково поимаютъ на заставѣхъ, и тѣхъ велѣлъ тутъ же безо всякія пощады казнить, чтобъ про то дѣло вѣсти къ Москвѣ ни отъ кого отнюдь не было, подлинно про убивство государя царевича Димитрія Іоанновича, о такой нелѣпой ево смерти не возвѣстили бъ мимо ево, Бориса, государю царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичю, какъ ево неповинно закололи ножемъ. И умыслил онъ окаянный Борисъ въ лукавомъ своемъ сердцѣ, какъ бы ему оболстить государя царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича и сказать ложно. И какъ онъ окаянный будетъ у царя въ хоромахъ, и велми запечалился, бутто ему и жаль государя царевича. И видя государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичь правителя своего Бориса Годунова предъ нимъ стояща велми кручинна, и воздыхаетъ часто, бутто о чемъ велми жалѣетъ,—и все лукавствомъ своимъ прелщаетъ государя своего и чинитца ему сердоболенъ и вѣрнымъ пріятелемъ,—и вопроси его государь царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь и рече ему:

о любимый мой пріятель Борисъ Ѳеодоровичь! можешь ли ты? или какая печаль тебя постигла? скажи ты мнѣ, не утаи, что стоиши предо мною добрѣ не веселъ и кручиноватъ и часто воздыхаешъ?—Онъ же окаянный воздохнувъ, стоя предъ нимъ, государемъ, и рече: О великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь всея Россіи! и всему царствующему граду Москвѣ нынѣ приспѣла нечаянная великая печаль и слезы, и тебѣ, государь, великая печаль; не смѣю тебѣ, государю, возвѣстить, а утаить не лзя жь: волею, государь, Божіею что учинилось, сколко не таить, а явну быть. Пришла, государь, вѣсть съ Углича не радошная о братѣ твоемъ, государѣ нашемъ царевичѣ Димитріѣ Іоанновичѣ: волею Божіею его не стало небреженіемъ тутошнихъ людей, кои приставлены его беречь; сказываютъ, что играючи зарѣзалъ самъ себя ножемъ.—Не диво тому, что они окаянные убицы такое дѣло сотворили,—ужь то такъ Богу угодно,—диво тому, какъ ево окаяннаго Бориса врагъ научилъ прелстити государя своего, бутто истинну сказалъ.

Царь же Ѳеодоръ Іоанновичь слыша такія рѣчи отъ Бориса Годунова, и велми воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и нача велми кручинитца и плакати на долгъ часъ неутѣшно, и рече: о всемилостивый Владыко Христосъ! како такое дѣло сотворилось и како судбы Твои праведные приспѣли, нелѣпая смерть такому сущему младенцу учинилась? да буди воля Твоя святая? ужъ то такъ Богу угодно, такъ и сотворилось, Богу попущающу, а врагу дѣйствующу.—И рече царь, какъ бы послать на Углечь истинно провѣдать о братней смерти, и самъ помышляетъ государь итти видѣть брата своего и погребсти мощи его. Борисъ же злонравный Годуновъ слыша отъ царя такіе рѣчи, что самъ хощетъ иттить на Угличь для погребенія брата своего, и страха и трепета наполнися сердце Борисово беззаконное, и убояся велми царскіе опалы и люцкой молвы по своимъ окаяннымъ дѣламъ. И скоро умыслилъ онъ окаянной Борисъ въ своемъ лукавомъ сердцѣ злую мысль, тотчасъ

послалъ напередъ въ градъ Угличь своихъ совѣтниковъ и велѣлъ града Углича нарочитыхъ дворянъ и посацкихъ людей отъ всякихъ чиновъ роспрашивать, какъ учинилось убіеніе царевичю и отъ кого. Они стали сказывать истинно, какъ было подлинно, и тѣхъ всѣхъ истинносказателей велѣлъ разослать по далнимъ разнымъ городамъ во оковахъ и велѣлъ сожать въ темницы, а домы ихъ велѣлъ разорить безъ остатку и имѣніе ихъ грабить. И въ то время во градѣ Угличѣ учинился вторый плачь и рыданіе о разлученіи съ родителми своими и зъ друзьями и отлученія домовъ своихъ, грабленія имѣнія своего и вящаго раззоренія. А иныхъ велѣлъ тутъ же на Угличѣ казнить смертію: устрашивалъ окаянной, чтобъ правды не сказывали, а говорили бъ всѣ, что самъ царевичь себя ножемъ, играючи, закололъ. И нападе во градѣ Угличѣ страхъ велій, и трепетъ, и боязнь во всемъ народѣ; всѣ боятся: кто молвитъ правду, того велитъ безъ милости казнить; и вси убоялися страху его и глаголаша по ево лстивому указу, какъ онъ повелѣлъ, а сердцемъ плачющеся велми, да не смѣюще правды говорити, страха ради Борисова и кровопролитія неповинныя крови и раззоренія. И тако окаянный утоли въ то число на себя молву во градѣ Угличѣ.

Приспѣ день торжественный великаго свѣтилника Россійскія земли чюдотворца Сергія, и государь царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь поиде въ монастырь къ чюдотворцу Сергію на праздникъ его и помышляетъ оттуды итти на Угличь погребсти брата своего, царевича Димитрія Іоанновича, и истинно провѣдать, какъ смерть царевичю Димитрію Іоанновичю случилась. И пришелъ государь царь въ монастырь и началъ пѣти всенощное и вся празднественная совершати по достоянію. Борисъ же Годуновъ, видя государя по братѣ своемъ царевичѣ Димитріѣ Іоанновичѣ велми печална, и неотложно хочетъ итти самъ на Углечь для прямыя правды, и тотчасъ окаянной Борисъ приложилъ въ лукавомъ своемъ сердцѣ еще злую и нелѣпую мысль, бѣду къ бѣдѣ прилагаетъ,

чтобъ царь свою мысль отложилъ и походъ свой на Угличь отставилъ; и послалъ Борисъ въ царствующій градъ Москву своихъ угодниковъ и злосовѣтниковъ и велѣлъ въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ домы боярскіе великіе пожигать со всѣхъ сторонъ Московскаго государства. И стало въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ горѣть боярскія домы и думныхъ людей и всякого чину, и учинилось великое смятеніе въ Москвѣ и пожаръ великой. И прибѣгоша гонецъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, и сказали государю царю Ѳеодору Іоанновичю, что въ Москвѣ таковъ гнѣвъ Божій учинился. И онъ государь царь наипаче опечалился, и всѣ бояра, которые съ нимъ, государемъ, о домѣхъ своихъ вси молиша царя, чтобъ превратилъ мысль свою итти на Угличь и изволилъ бы итти въ Москву. Борисъ же, злонравный и лукавой прелестникъ и губитель православной вѣры, лестію рече всѣмъ боярамъ, бутто ихъ жалѣя: о братія! станемъ мы всѣ вкупѣ молити царя, да оставилъ бы шествіе свое на Углечь, понеже бо ему, государю, брата своего не поднять, а Московское государство раззорится.— Бояре же вси послушали его, чаяли, что онъ имъ истинну глаголетъ, объ нихъ жалѣетъ, а лукавства его не вѣдали; и пріидоша къ царю Ѳеодору Іоанновичю преждереченный злонравный и лукавый прелестникъ Борисъ Годуновъ со всѣми бояры и велможи и со всѣми людми и молиша царя, дабы отставилъ шествіе свое на Угличь и пошелъ бы въ Москву, либо его пришествіемъ утолитца такой всемірной грѣхъ. Уже бо въ тѣ поры многіе вѣстники съ Москвы прибѣгоша и сказывали, что отнюдь не перестаетъ горѣть, уже безчисленно много выгорѣло Московскаго государства. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичь то слышавъ отъ вѣсниковъ, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и рече: все чинитца грѣхъ моихъ ради!—И нача глаголати: о великій святче Божій, преподобный отче Сергій чюдотворецъ! буди помощникъ моему окаянству и моли у Владыки Христа и рождьшіе Его Матери Пресвятыя Богородицы, чтобъ сохранилъ градъ Москву, бесъ порока и великаго раззоре-

нія!—И видя государь царь Θеодоръ Іоанновичь моленіе отъ всѣхъ бояръ своихъ и велможъ и всякого чину людей молящихся и просящихъ милости, и государь царь милостивъ и благочестивъ, полагая во всемъ надежду свою на всесилнаго Бога и жалѣя людей своихъ, уклонился на ихъ моленіе и отставилъ шествіе свое на Угличь, а велѣлъ вмѣсто себя итти на Угличь отъ своего царскаго сигклита вѣрному своему боярину князю Василію Ивановичу Шуйскому истиннаго ради испытанія про убивство брата своего, царевича Димитрея Іоанновича и погребсти мощи его честно по достоянію царскому. И еще повелѣ правителю своему, злонравному и лукавому властолюбцу Борису Годунову, избрать кому бы зъ бояриномъ итти на Угличь отъ двора царскаго и отъ свещеннаго чина, сколько человѣкъ пригоже, кому мочно погребсти тѣло царевича Димитрія Іоанновича. Борисъ же, то слышавъ, радъ бысть, что царь отставилъ шествіе свое на Угличь, и тотчасъ Борисъ избиралъ отъ проклятой своей думы единомысленника своего Андрѣя Клешнина, и иныхъ подобныхъ своему бѣсовскому умышленію лукавому, и отъ священнаго чина такихъ же окаянныхъ. И оболстились на его прелестные слова; онъ же Борисъ имъ съ клятвою обѣщался много чести славы и богатства доставить. И наказавъ имъ доволно, како сказати государю царю и всему царскому сигклиту и всѣмъ людямъ Московскаго государства, како ему годно, что бутто государь царевичъ самъ закололся ножемъ, играючи, небреженіемъ тѣхъ людей, которые за нимъ приставлены; и тако ихъ утвердиша великими клятвами накрѣпко. Они же, слышавъ отъ Бориса такія слова, и прелщаяся, и ища чести, и славы, и богатства, и прелести свѣта сего, и убояся страха ради смертнаго, вси ему обѣщаша тако сотворити по его проклятымъ словамъ и умышленію. И утверди ихъ Борисъ клятвами накрѣпко и поставилъ ихъ предъ царя Θеодора Іоанновича. Царь же посылаетъ ихъ на Угличь и рече имъ: О любимый мой бояринъ и вѣрный слуга князь Василей Ивановичь и вси

сущіи съ тобою! идите въ путь свой во градъ Угличь здраво и извѣстно попытайте о смерти брата моего, царевича Димитрія Іоанновича, какъ ему случилась та нелѣпая смерть, какимъ подобіемъ, или по чьему наученію, и, осмотря тѣло его, погребите честно по достоянію царскому, какъ водитца, со псалмы и пѣніемъ надгробнымъ и все устройте по подобію и ко мнѣ скоро возвратитесь!

Бояринъ же слышавъ отъ государя своего царя Ѳеодора Іоанновича и тотчасъ поиде на Угличь, а государь царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь пошолъ къ царствующему граду Москвѣ. И той же Борисъ, коваренъ зѣло и видя людей печалныхъ по домѣхъ своихъ и хотя окаянной молву укротити, чтобъ про нево молвы худой не было, и тотчасъ велѣлъ въ Москвѣ переписать, сколько дворовъ погорѣло и кого имянемъ, отъ бояръ и отъ всякаго чину и отъ нижнихъ чиновъ людей, и, переписавъ, велѣлъ имъ исъ царскіе казны давати на созиданіе и на строеніе домовъ своихъ, всѣмъ людемъ, у которыхъ погорѣло, отъ болшихъ и до малыхъ чиновъ; и сколко у кого погорѣло имѣнія, и всѣмъ подаваша со вторицею, чтобъ ни о чемъ не печалились, и не скорбѣли по домѣхъ своихъ, и о имѣни своемъ не тужили, чтобъ не было въ томъ молвы и мятежа. И тако онъ Борисъ утиши въ людѣхъ молву, и вси его похвалиша, что отставилъ въ царствѣ печаль.

Посланные же отъ царя преждереченные бояринъ князь Василей Ивановичь Шуйской и единомышленникъ Борисовъ, проклятый въ человѣцѣхъ Андрей Клешнинъ и иные многіе, посланные съ ними, пришедъ на Угличь и увидѣша тѣло новаго страдалца царевича Димитрія Іоанновича, заколота ножемъ, аки агнецъ незлобивый. Мати же его стояше надъ нимъ и плачющеся отъ горести сердца своего, воздыхая горко отъ болѣзненныя своея утробы, причитая вдовство свое, не имуще себѣ ниоткуды помощи, токмо на единаго Бога взирающе и всю надежду на Него возлагающе. Народи же града Углича такоже стояху и не-

утѣшно плакаху и рыдаху. Оной же окаянной Андрей Клешнинъ ругаяся и съ лестію нача вопрошати гражданъ, какъ заколоть бысть царевичь Димитрій Іоанновичь. Гражданя жь ему сказали всю правду, какъ сотворилось убивство царевича Димитрія Іоанновича. Той же злонравный и лукавый совѣтникъ Борисовъ угодникъ Андрей Клешнинъ учалъ рыкати на гражданъ, аки левъ, и рече имъ: о лстивые человѣцы! что неправду сказываете хотя оправити такихъ же подобныхъ себѣ? а то истинно самъ зарѣзался небреженіемъ тутошнихъ людей, которые за нимъ приставлены!—Граждане же, видѣвше Андрѣево злохитреніе, что неправду изыскуетъ, а по Борисѣ Годуновѣ покрываетъ, и убояся страху и смерти, вси умолкоша и ничто глаголаша, токмо рекоша: истиннаго мы дѣла не вѣдаемъ, тутъ не были.—Злокозненный тотъ Андрей Клешнинъ, видя гражданъ сумнѣніе страха ради его, и повелѣ тотчасъ рѣчи ихъ писати по своему проклятому умыслу и велѣлъ всѣмъ гражданѣмъ къ тѣмъ рѣчамъ руки прикладывать, и неволею иныхъ прелщая; а кои не хотятъ руки прикладывать, и тѣхъ разослалъ по далнымъ городамъ окованныхъ и велѣлъ въ темницы сажать, а иныхъ повелѣ смертію казнить. И вси сущіе во градѣ убояшася таковаго страха и смерти и вси приложиша руки.

Бояринъ же князь Василей Ивановичь Шуйской стоя съ матерію царевича Димитрія Іоанновича, съ царицею Марьею Ѳедоровною, и страха ради Борисова ничто же глаголаше, токмо на тѣло царевича новострадалца и вѣнечника глядя, слезами своими обливаяся и горко плачущеся и рыдаше, воспоминая отца ево, государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича къ себѣ милость. Такоже вси людіе плачющеся и рыдающе, никто не смѣетъ сопротивно глаголати, или что створити: вси бо посланники единомышленники ево Борисова совѣта лукаваго.

И потомъ погребоша царевича Димитрія Іоанновича тѣло съ великою честію и съ надгробнымъ пѣніемъ во градѣ Угличѣ, въ церкви боголѣпнаго Преображенія Го-

спода нашего Іисуса Христа, и пошелъ бояринъ Василей Ивановичь со всѣми присудствующими съ нимъ къ царствующему граду Москвѣ, и возвѣстиша о всемъ царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичю, какъ годно злопроклятому Борису Годунову. И той же Борисовъ совѣтникъ Андрей Клешнинъ подастъ допросные рѣчи многонароднаго множества града Углича всякаго чина людей за ихъ руками. Царь же Ѳеодоръ Ивановичь повелѣ тѣ рѣчи прочитать предъ собою, и услыша тѣ рѣчи и видя прикладываніе рукъ, воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и прослезился и рече: воля Божія да будетъ! ужъ то такъ Богу угодно, что учинилось надъ братомъ моимъ, царевичемъ Димитріемъ Іоанновичемъ.—Бояринъ же князь Василей Ивановичь Шуйской сказалъ государю царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичю втайнѣ о смерти царевича Димитрія Іоанновича всю истину. Царь же толко на Господа Бога печаль свою возложилъ, и умолчалъ, и рече: аще бы на такое дѣло не изволилъ Богъ попустить врага, хто бы могъ что учинить? ужъ то такъ Богу угодно, такъ и сотворилось; ровъ изры и ископа и яму, внюже самъ впадетъ; возлагая на Господа печаль свою, и Той тя утѣшитъ, а врага нашего низложитъ и погубитъ; аще кто и дерзнулъ руки поднять на насъ, Богъ судія ему!—И потомъ государь многіе дни печалился по братѣ своемъ, царевичѣ Димитріѣ Іоанновичѣ, и скорбя зѣло. Благовѣрный же государь царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь милостивой и богобоязливой ничто Борису не учинилъ и никакоже зла не сотворилъ; по Евангелскому словеси, всякому человѣку зла за зло воздавать не велѣно, но Богъ ему воздастъ по своимъ праведнымъ судбамъ, а по ево проклятымъ злымъ дѣламъ“ *).

Повѣсть о убіеніи благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича всеа Русіи Углец-

*) Русская Историческая Библіотека, т. XIII. Стр. 764 — 785.

кого, изданная А. Ѳ. Бычковымъ, пользуется наибольшимъ довѣріемъ защитниковъ лѣтописной версіи смерти царевича, подкупая ихъ нѣкоторыми подробностями въ описаніи послѣднихъ часовъ его жизни.

„И того дни (15 маія) царевичь по утру восталъ дряхлъ съ постели своей, и глава у него государя царевича съ плечь покатилася, и въ четвертомъ часу дни царевичь пошолъ къ обѣднѣ, и послѣ евангелія у старцовъ Кирилова монастыря образы принялъ. И послѣ обѣдни пришелъ къ себѣ въ хоромы, и платейцо перемѣнилъ, и въ ту пору съ кушаніемъ взошли, и скатерть наслали, и Богородиченъ хлѣбецъ священникъ вынялъ; а кушалъ государь царевичь по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащался хлѣбу Богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити, и испивъ пошедъ съ кормилицею погуляти. И въ седмый часъ дни, какъ будетъ царевичь противу церкви царя Константина, и по повелѣнію измѣнника злодѣя Бориса Годунова, приспѣвше душегубцы, ненавистники царьскому корени, Никитка Качаловъ да Данилка Битяговской, кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвѣвъ пала на землю, а ему государю царевичю въ ту пору киняся перерѣзали горло ножемъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласомъ. И услыша шумъ мати его государя царевича и великая княгиня Марія Федоровна прибѣгла, и видѣ сына своего царевича мертва, и взяла тѣло его на руки, а они злодѣи душегубцы стоятъ надъ тѣломъ государя царевича обмертвѣли, аки пси безгласни, противъ его государыни матери не могли проглаголати ничто же, а дяди его государевы въ тѣ поры разъѣхалися по домомъ кушати, того грѣха не вѣдая; и взявъ она государыня тѣло сына своего царевича Димитрія Ивановича, и отнесла въ церковь боголѣпнаго Пресображенія Господня, и повелѣ государыня ударити звоны великія по всему граду, и услыша народъ звонъ великъ и страшенъ, яко николи же не бысть такова, и стекошася вси народи отъ мала и до

велика, и видѣ государя своего царевича мертва, и возопи гласомъ веліимъ мати его государыня Марія Федоровна, плачася, убиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ окаяннїи злодѣи душегубцы царскому кореню живы не были. И крикнуша вси народи, тѣхъ окаянныхъ кровоядцевъ каменіемъ побили, а мати его государыня царица была въ церквѣ боголѣпнаго Преображенія у тѣла сына своего благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича Углецкого неисходимо 8 дней.

Да послѣ того, Маія въ 9 день, *) въ среду, погрести тѣло царевича на Углечь приѣхали отъ государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русіи митрополитъ Крутитской, да боярипъ князь Василей Ивановичь Шуйской, да Ондрѣй Клешнинъ, да диякъ Елизарей Вылузгинъ, и пріѣхавъ досматривали тѣло государя царевича князя Димитрія Иванновича, а осмотря и отъѣхали прочь за Волгу. А Крутицкой митрополитъ и погребѣ тѣло царевича Димитрія Маия въ 22 день, въ суботу, въ седмый часъ дни. А сродичевъ государя царевича тотъ часъ разослали по рознымъ городомъ, и матерь его государыню царицу сослали въ заточеніе въ непроходимое мѣсто въ тюрму на Вычегду, да тамо ея и постригли; а въ заточеніи была 14 лѣтъ, а все по повелѣнию злодѣя измѣнника Бориса Годунова“ **).

Изъ приведенныхъ нами цитатъ важнѣйшихъ источниковъ мы видѣли, какъ разнорѣчиво они говорятъ намъ о смерти царевича, о виновныхъ въ ней лицахъ и, наконецъ, о ея цѣли.

Одни изслѣдователи защищаютъ свидѣтельства лѣтописцевъ и не довѣряютъ слѣдственному дѣлу, другіе утверждаютъ обратное.

---

*) Слѣдуетъ читать Маія въ 19 день.

**) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1864 г. кн. IV, смѣсь.

Въ этой долгой борьбѣ едвали кто рѣшится указать имя побѣдителя. Устарѣлое оружіе противныхъ сторонъ не даетъ положительныхъ и яркихъ результатовъ. Это замѣчается въ литературѣ нашего вопроса за послѣдніе годы. Въ ней уже нѣтъ новыхъ наблюденій. Авторы повторяютъ лишь изысканія предшественниковъ. Чувствуется, что тема не потеряла своего интереса, но сказать здѣсь что-либо цѣнное, безъ новыхъ источниковъ, невозможно.

Взявъ на себя смѣлость еще разъ пересмотрѣть вопросъ о смерти царевича Димитрія, мы сдѣлали попытку подойти къ нему не съ историческими данными, а съ археографическими. Дѣло въ томъ, что основной источникъ для разъясненія угличскаго событія, подлинный слѣдственный актъ, съ первыхъ же лѣтъ своего изданія во второмъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (въ 1819-мъ году) вызвалъ большую литературу и подвергся жестокой критикѣ.

Изслѣдователи подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла въ отзывахъ о его цѣнности, не только какъ историческаго источника, но и какъ оффиціальнаго акта, рѣзко расходятся между собою. Очень немногіе принимаютъ его свидѣтельства полностью; большинство же видятъ въ немъ явные слѣды недобросовѣстности со стороны слѣдственной Комиссіи, производившей розыскъ.

Одни находятъ, что слѣдственное дѣло носитъ слишкомъ тенденціозный характеръ; показанія, занесенныя въ него, однообразны и оставляютъ скрытыми существенныя стороны событія; словомъ, слѣдствіе велось поверхностно и, повидимому, пристрастно.

Другіе идутъ далѣе и присоединяютъ сюда свидѣтельства, указывающія, что внѣшній видъ подлинника слѣдственнаго дѣла чрезвычайно подозрителенъ: въ документѣ нѣтъ нѣкоторыхъ показаній; на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ нѣтъ рукоприкладствъ; листы документа имѣютъ странный порядокъ; показанія одного свидѣтеля неожиданно перебиваются показаніями другого, и т. п.

Такимъ образомъ, слѣдственное дѣло не удовлетворяетъ ихъ не только съ юридической стороны, но и съ формальной.

Наконецъ, есть и такіе изслѣдователи, которые утверждаютъ, что „если лживое слѣдственное дѣло можетъ возбуждать любопытство историческаго изслѣдователя, то развѣ съ той стороны, какимъ образомъ оно было въ свое время составлено“ *).

„Слѣдственное дѣло, пишетъ Н. Костомаровъ, извѣстное въ неполномъ видѣ по редакціи, напечатанной въ „Собраніи Государственныхъ Граматъ и Договоровъ“, никакъ не можетъ для историка имѣть значенія достовѣрнаго источника, по той очень ясной причинѣ, что производившій слѣдствіе князь (впослѣдствіи царь) Василій Ивановичъ Шуйскій два раза различнымъ образомъ отрекался отъ тѣхъ выводовъ, которые вытекали непосредственно изъ его слѣдствія, два раза обличалъ самого себя въ неправильномъ производствѣ этого слѣдствія. Первый разъ—онъ призналъ самозванца настоящимъ Димитріемъ, слѣдовательно, даже уничтожалъ фактъ смерти, постигшей царевича въ Угличѣ; другой разъ—онъ, уже низвергнувши и погубивши названнаго Димитрія, заявлялъ всему русскому народу, что настоящій Димитрій былъ умерщвленъ убійцами по повелѣнію Бориса, а не самъ себя убилъ, какъ значилось въ слѣдственномъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ утвердилось и стало господствовать мнѣніе, основанное на послѣднемъ изъ трехъ показаній Шуйскаго, который во всякомъ случаѣ зналъ истину этого событія лучше всякаго другого. Понятно, что слѣдственное дѣло для насъ имѣетъ значеніе не болѣе, какъ *одного изъ трехъ* показаній того же Шуйскаго, и притомъ такого показанія, котораго сила уничтожена была дважды имъ же самимъ. Поэтому-то въ нашемъ сочиненіи „Смутное Время“ мы не

*) Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова. Томъ XIII. М. 1881. Стр. 335.

давали никакой вѣры, ни историческаго значенія извѣстіямъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ, какъ бы ни казались они важными по содержанію.

Главнѣйшая ошибка защитниковъ Бориса состоитъ въ томъ, что они вѣрятъ этому дѣлу, опираются на приводимыя изъ него показанія, допускаютъ тотъ или другой фактъ единственно на томъ основаніи, что находятъ объ немъ извѣстіе въ слѣдственномъ дѣлѣ, тогда какъ если что-нибудь можно признавать въ этомъ дѣлѣ достовѣрнымъ, то развѣ по согласію съ чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе имѣющимъ право на вѣроятіе. Находя въ слѣдственномъ дѣлѣ показаніе того или другого лица, защитникъ принимаетъ его прямо за свободно-произнесенный голосъ того лица, кому оно приписывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, забывая, что тотъ, кто сообщилъ намъ показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, самъ же призналъ ихъ лживость или поддѣльность. Такъ, напримѣръ, можно ли показаніе, данное будто бы дѣтьми, игравшими съ царевичемъ, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ, принимать за искреннее показаніе этихъ дѣтей, когда тотъ, кто передалъ намъ это показаніе, впослѣдствіи объяснилъ, что царевичъ не самъ зарѣзался, а былъ зарѣзанъ? Скажутъ намъ: Василій лгалъ тогда, когда уничтожалъ силу слѣдственнаго дѣла, но производилъ слѣдствіе справедливо. Мы на это отвѣтимъ: если онъ лгалъ одинъ разъ, два раза, то могъ лгать и въ третій разъ; и если онъ лгалъ для собственныхъ выгодъ послѣ смерти Бориса, то могъ лгать для собственныхъ же выгодъ и при жизни Бориса. Всѣ три показанія взаимно себя уничтожаютъ; мы не вправѣ вѣрить ни одному изъ нихъ, и такимъ образомъ все, что исходило отъ Василія Шуйскаго по дѣлу объ убіеніи Димитрія, не имѣетъ для насъ ровно никакой исторической важности по вопросу объ этомъ убіеніи. Поэтому, если желаютъ возстановить силу слѣдственнаго дѣла, то должны это сдѣлать на основаніи какихъ-нибудь новыхъ свидѣтельствъ и источниковъ, которые бы доставили намъ свѣдѣнія, согласимыя

съ извѣстіями, заключающимися въ слѣдственномъ дѣлѣ, а никакъ не на основаніи самого же слѣдственнаго дѣла, хотя бы даже при помощи разныхъ психологическихъ соображеній, имѣющихъ мало убѣдительной силы *).

Такъ отзываются изслѣдователи о цѣнности подлинника слѣдственнаго дѣла.

Желая защитить этотъ драгоцѣнный памятникъ, мы обратили вниманіе на самый документъ, на его внѣшность, и сдѣлали попытку объяснить состояніе его и тѣхъ компрометирующихъ мѣстъ, которыя подрываютъ къ нему довѣріе изслѣдователей, путемъ дипломатическаго изученія оригинала. Никто еще не указалъ, что состояніе документа вызвано непремѣнно пристрастнымъ составленіемъ его Комиссіей, а не какой-либо другой причиной.

Каждый письменный памятникъ, прежде чѣмъ перейти въ руки историка, долженъ быть тщательно разсмотрѣнъ и изученъ археографомъ. Въ настоящее время такая подготовительная работа надъ памятниками письменности уже выдѣлена въ самостоятельную научную дисциплину подъ именемъ „дипломатики“, науки, имѣющей своей задачей опредѣленіе *степени достовѣрности* историческихъ документовъ съ ихъ внѣшней и внутренней стороны, съ цѣлью критическаго изученія ихъ.

Крайне важно для историка знать о данномъ документѣ: подлинный ли онъ, когда написанъ, кѣмъ, оффиціальный или неоффиціальный, если оффиціальный, то изъ какого учрежденія вышелъ и какъ составлялся? Наконецъ, необходимо имѣть вполнѣ ясное объясненіе тому чисто внѣшнему состоянію документа, которое весьма часто затрудняетъ историка, непосвященнаго во всѣ мелочи стариннаго дѣлопроизводства и письменности, извѣстныя лишь археографу.

Обращаясь къ изслѣдованію угличскаго слѣдственнаго

---

*) Ibid., стр. 322 и 323.

дѣла, считаемъ не лишнимъ напомнить, что этотъ первостепенной важности памятникъ ни разу не былъ спеціально разсмотрѣнъ со стороны дипломатической, хотя всѣ историки отмѣчали многочисленныя неясности и странности текста, а большинство изслѣдователей объясняли ихъ указаніемъ на пристрастность и отчасти поддѣльность произведенія слѣдственной Комиссіи. Принята была во вниманіе утрата начала документа, а можетъ быть и конца его, указанная между прочимъ и особой записью на обратной сторонѣ перваго листа слѣдственнаго акта, сдѣланною въ давнее время. Однако, и это не препятствовало заподозрить слѣдователей въ исполненіи какого-то скрытаго плана.

Нѣкоторые изслѣдователи поставили на видъ несоблюденіе различныхъ формальностей со стороны приказнаго дѣлопроизводства, какъ-то: отсутствіе нѣкоторыхъ подписей свидѣтелей, отсутствіе показаній нѣкоторыхъ лицъ, несомнѣнно знавшихъ причину смерти царевича, спутанность листовъ въ документѣ и т. п. И, тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ взглянуть на оригиналъ слѣдственнаго дѣла, чтобы выяснить себѣ истинную причину замѣченныхъ странностей подлинника. Отчасти это объясняется тѣмъ, что памятникъ былъ напечатанъ въ солидномъ и авторитетномъ изданіи Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ съ доступной точностью и даже копіями съ рукоприкладствъ свидѣтелей. Не было никакой, повидимому, надобности разбираться въ трудной скорописи XVI вѣка, разъ подлинникъ изданъ спеціальной Археографической Комиссіей, состоявшей изъ крупныхъ ученыхъ.

Исторіографъ Н. М. Карамзинъ, писавшій свой томъ о Смутномъ Времени послѣ 1819 года, безъ сомнѣнія пользовался печатнымъ изданіемъ памятника. С. М. Соловьевъ также цитируетъ лишь изданіе Археографической Комиссіи, а о подлинникѣ вовсе не упоминаетъ.

Что касается историка С. М. Соловьева, то возможность просмотра имъ подлинника приводится въ статьѣ И. С.

Бѣляева, въ которой тотъ говоритъ: „Василію Осиповичу Ключевскому было угодно мнѣ замѣтить, что онъ слышалъ самъ разсказъ С. М. Соловьева про просмотръ имъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла“. Но, при нашей личной бесѣдѣ съ И. С. Бѣляевымъ, послѣдній передалъ намъ, что покойный Василій Осиповичъ отказался отъ своихъ словъ.

И. С. Бѣляевъ въ своей статьѣ приводитъ цѣлый рядъ весьма вѣскихъ доказательствъ противъ основательнаго знакомства С. М. Соловьева съ подлинникомъ и признаетъ, что „знаменитый нашъ историкъ при печатаніи VII тома своего капитальнаго труда пользовался изданіемъ 1819 года, а подлинникъ слѣдственнаго дѣла просматривалъ уже позже*)“.

Итакъ, повторяемъ, касаясь вопроса о смерти царевича Димитрія, изслѣдователи ни разу не провѣряли памятника дипломатически, а внутренній безпорядокъ листовъ и отсутствіе показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей объясняли лишь пристрастнымъ отношеніемъ слѣдственной Комиссіи къ дѣлу. На основаніи этого, всѣ сомнительныя мѣста въ подлинникѣ (или вѣрнѣе въ его печатномъ текстѣ) служили имъ богатой темой для всевозможнаго рода гипотезъ, часто переходящихъ въ смѣлыя фантастическія измышленія.— Являлись вопросы, кому нужно было представить „дѣло“ въ актѣ, составленномъ не по формѣ и со спутанными рѣчами свидѣтелей? Какія лица были здѣсь заинтересованы? Кто могъ принудить слѣдственную Комиссію придать слѣдствію ту или иную форму, имъ желательную, и т. д. Словомъ, состояніе текста и внѣшность угличскаго слѣдственнаго дѣла стали объяснять различными историческими фактами, и памятникъ, который долженъ бы служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для освѣщенія историческихъ событій, въ немъ изложенныхъ, явился лишь

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское слѣдственное дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія 15 мая 1591 г. Его разборъ въ связи съ новооткрытымъ завѣщаніемъ А. А. Нагого. Стр. 15.

орудіемъ для признанія поддѣльности его частей и потому невозможности довѣрять ему, какъ оффиціальному документу.

Приступая впервые къ дипломатическому изслѣдованію подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла, мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ взгляды историковъ на угличское событіе и его дальнѣйшія послѣдствія, и не задаемся цѣлью критиковать ихъ историческую точку зрѣнія въ вопросѣ о смерти царевича и о роли дѣятелей Смутной эпохи.

Дипломатическое изслѣдованіе подлинника лишь въ томъ случаѣ будетъ удовлетворять научнымъ требованіямъ, если мы будемъ разсматривать документъ только со стороны дипломатики, не примѣняя къ изслѣдованію и объясненію его состоянія въ данное время и въ данномъ видѣ ни политическихъ, ни историчеслихъ соображеній, а тѣмъ болѣе различныхъ фантастическихъ гипотезъ.

Послѣ тщательнаго изслѣдованія документа съ внѣшней стороны можно будетъ полученные результаты приложить къ историческому изслѣдованію и опредѣлить не голько истинность отношенія слѣдственной Комиссіи къ произведенному розыску, но и правдоподобность данныхъ свидѣтелями показаній. Только въ этомъ случаѣ мы будемъ безпристрастны.

Внѣшній обзоръ подлинника слѣдственнаго дѣла въ связи съ критикой его текста.

Подлинный слѣдственный актъ о смерти царевича Димитрія, составленный кн. Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, окольничимъ Андреемъ Петровичемъ Клешнинымъ и дьякомъ Елизарьемъ Вылузгинымъ, хранится въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ. Онъ имѣетъ видъ узкой высокой тетради, заключенной въ тонкій картонный переплетъ, съ оклейкой зеленой глянцовитой бумагой. Открывъ переплетъ, вы прочтете слѣдующую запись въ нѣсколько строкъ, сдѣланную на листѣ синей бумаги (замѣняющемъ современный *титульный* листъ въ книгахъ) почеркомъ временъ Императрицы Екатерины II, съ обычной для того времени каллиграфіей:

1591 (7099) мая 15.

Дѣло о посылкѣ въ Угличъ Боярина Князь Василья Ивановича Шуйскаго, Окольничаго Андрея Петровича Клешнина и дьяка Елизарья Вылузгина, для слѣдствія, какимъ образомъ убитъ тамо Царевичь Дімитрій Іоанновичь?—съ приложеніемъ подлинныхъ допросныхъ рѣчей.

(Начала нѣтъ).

Этотъ заголовокъ почти дословно повторяется и въ „Реестрѣ историческимъ и церемоніальнымъ дѣламъ, учиненномъ коллежскимъ ассесоромъ Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ 1775 году“ *), въ немъ онъ записанъ безъ обозначенія номера:

*) Хранится въ томъ же Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

$\frac{7099}{1591}$ 15 мая.

Дѣло о посылкѣ въ Углечь Боярина Князь Василья Ивановича Шуйскаго, околничего Андрея Петровича Клешнина и дьяка Елизарья Вылузгина для сыску, какъубитъ царевичъ Дмитрей Іоанновичь?

Тутъ же и всѣ подлинные въ томъ дѣлѣ допросныя рѣчи.

(начала нѣтъ).

Вслѣдъ за упомянутымъ заголовкомъ въ подлинникѣ сдѣлана другая запись почеркомъ Александровскаго времени:

Актъ сей напечатанъ въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, часть 2-я № 60-й. Стран. 103—124.

Приводимъ полностью эти записи, а равно и время ихъ исполненія, такъ какъ онѣ служатъ указаніемъ, что подлинникъ угличскаго дѣла принялъ настоящій свой видъ вскорѣ послѣ 1775 года.

Упомянутый первый листъ синей бумаги подлинника имѣетъ филигрань съ частью корабля, плывущаго по морю, и подъ нимъ дату выдѣлки бумаги—**1798** *).

Въ Реэстрѣ 1775 года, составленномъ Бантышъ-Каменскимъ, на листѣ, который занятъ приведенной выше записью объ угличскомъ дѣлѣ, находится водяной знакъ корабля съ датой **1797**.

Слѣдовательно, можно съ достовѣрностью сказать, что подлинникъ угличскаго дѣла былъ переплетенъ не позднѣе 1798 года. Это подтверждается и тѣмъ, что, какъ заголо-

*) Этотъ бумажный знакъ въ извѣстномъ трудѣ проф. Н. П. Лихачева: „Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ“ помѣщенъ въ III части, на таблицѣ DX, съ указаніемъ, что бумага выдѣлана въ 1807 году.—На одной половинѣ листа: К. Г. К. О. С. Н. и корабль, плывущій по морю; далѣе годъ *1807*. На другой половинѣ —литеры М. М. Очевидно проф. Н. П. Лихачеву случайно не встрѣтился образецъ бумаги съ подобной филигранью болѣе ранней выработки.

вокъ на подлинникѣ, такъ и запись въ Реэстрѣ 1775 г. сдѣланы однимъ почеркомъ *).

Послѣ листа съ двумя записями слѣдуетъ самый подлинникъ угличскаго дѣла, къ обозрѣнію котораго теперь обратимся.

Все дѣло писано на листахъ, обычныхъ въ приказномъ дѣлопроизводствѣ древней Руси, носящихъ названіе *столбцовъ* или *ставовъ*, т.-е. длинныхъ и узкихъ полосахъ бумаги, которыя были склеены одна съ другой въ видѣ ленты и свернутыя составляли *столпъ* **). Бумага обычная—тряпичная, различной выработки, имѣющая различныя филиграни, т.-е. водяные знаки, которые видны почти на всѣхъ листахъ (столбцахъ) только частями своихъ фигуръ. Послѣднія указываютъ, что вся бумага, исписанная

*) *„Реестръ Историческимъ и церемоніальнымъ дѣламъ учиненный Коллежскимъ Ассесоромъ Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ 1775-го года“* составлялся въ теченіе *нѣсколькихъ* лѣтъ, вѣроятно по мѣрѣ того, какъ разбирались и описывались документы. На это указываютъ, какъ палеографическія данныя, — постепенное измѣненіе почерковъ, характерныхъ для Екатерининскаго, Павловскаго и Александровскаго временъ, такъ и различная бумага съ водяными знаками, идущими послѣдовательно въ хронологическомъ порядкѣ. — На первыхъ листахъ Реэстра встрѣчается знакъ корабля съ датой 1797, затѣмъ такой же корабль съ датой 1798, слѣдующій—гербъ безъ обозначенія года, потомъ опять корабль съ 1798 годомъ, и послѣдніе листы безъ знака, но съ датой 1806 г. Реэстръ не имѣетъ нумераціи по листамъ, и это указываетъ, что при началѣ его составленія не была заготовлена отдѣльная книга, такъ какъ неизвѣстно какое число листовъ потребовалось бы для описи, а брались лишь отдѣльныя тетради, которыя по мѣрѣ заполненія, подшивались къ Реэстру, (такъ поступаютъ и въ настоящее время при составленіи описей въ архивахъ). Поэтому, хотя Реэстръ помѣченъ 1775 годомъ, но составлялся онъ, судя по бумагѣ, до 1806 года включительно. Запись объ угличскомъ дѣлѣ находится на одномъ изъ самыхъ первыхъ листовъ Реэстра и этимъ снова подтверждаетъ, что дѣло занесено въ него около 1798 года.

**) Не слѣдуетъ смѣшивать названій: *столпъ* и *столбецъ*, имѣвшихъ въ старину совершенно различное значеніе.

слѣдственнымъ дѣломъ, относится къ XVI вѣку и по преимуществу итальянскаго производства *).

Длина исписанныхъ столбцовъ весьма различна, отъ $46^1/_2$ до $4^1/_2$ см.

Столбцы, склеенные когда то въ одинъ длинный свитокъ—столпъ, въ настоящее время розняты на множество неравныхъ частей, состоящихъ изъ цѣлаго столбца, или одного куска его, или же изъ двухъ кусковъ, склеенныхъ вмѣстѣ.

Расклеенные другъ отъ друга столбцы и ихъ части переплетены въ указанную картонную папку, оклеенную зеленой глянцовитой бумагой. Переплетъ сдѣланъ крайне небрежно: нити, скрѣпляющія листы, продѣты черезъ ихъ край, и не только мѣшаютъ свободно раскрыть тетрадь, но во многихъ мѣстахъ съ крайнимъ трудомъ позволяютъ видѣть начала словъ, находящихся у корешка.

---

*) Приводимъ всѣ имѣющіяся на листахъ филиграни въ порядкѣ размѣщенія листовъ. Опредѣленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ сдѣлано по труду проф. Н. П. Лихачева.

Листы: 1—9, 15, 17, 19, 22, 30, 32, 41, 42, 45, 46, 48, 49 и 50-й водяныхъ знаковъ не имѣютъ.

На листѣ 10-омъ—изображеніе кувшина съ буквами.

На листѣ 11-омъ—нижняя часть кувшина съ буквами **B E**. Знакъ этотъ встрѣчается на бумагѣ въ дѣлѣ о пріѣздѣ Антонія Поссевина 1581 г. Арх. Мин. Ин. Д.

На листѣ 12-мъ — кувшинъ съ одной ручкой и буквами **B R**. Такой же знакъ имѣется на уставной грамотѣ митрополита Макарія, данной Вологодскому Спасоприлуцкому монастырю 25 іюня 1542 года.

На листахъ: 13, 14, 20, 26, 28, 31, 38, 39, 44, 52, 53 и 54-омъ изображеніе верхней части кувшина, крышка котораго имѣетъ крестъ.

На листахъ: 16, 23, 24, 27, 29, 33 — 37 и 43-емъ изображеніе нижней половины кувшина.

На листахъ: 18, 21, 25 и 40-омъ изображеніе картуша овальной формы, съ тремя зубцами и двумя завитками вверху. Филигрань такого вида въ трудѣ проф. Н. П. Лихачева не указана.

На листахъ 47 и 51-омъ—кувшинъ съ буквами **E D**.

Когда былъ сдѣланъ переплетъ — документальныхъ свѣдѣній не имѣется.

Карамзинъ, говоря о возвращеніи Шуйскаго съ товарищами со слѣдствія изъ Углича и представленіи царю Ѳеодору Іоанновичу собранныхъ допросовъ, указываетъ, что царь отослалъ ихъ къ „Патріарху и святителямъ, которые велѣли въ общей думѣ съ боярами *сей свитокъ* читать знатному дьяку Василью Щелкалову" *). Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы въ то время, когда Карамзинъ писалъ Исторію Государства Россійскаго, подлинникъ угличскаго слѣдственнаго дѣла былъ еще въ свиткѣ. Мы даже увѣрены, что почтенный историкъ совсѣмъ не видалъ подлинника, такъ какъ X-ый томъ его Исторіи писанъ въ то время, когда появилось въ свѣтъ изданіе угличскаго дѣла, напечатанное въ 1819 году, во 2-мъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, и конечно бывшее подъ руками у Карамзина. Но кромѣ этихъ соображеній, можно съ увѣренностью сказать, что памятникъ, если его Карамзинъ и видѣлъ, былъ уже не въ свиткѣ, а въ видѣ переплетенной тетради. Выше мы указывали, что около 1798 года дѣло было уже переплетено и занесено въ Реэстръ Бантышъ-Каменскаго, при чемъ запись Реэстра повторена тою же рукою на первомъ листѣ подлинника.

Столбцы подлинника слѣдственнаго угличскаго дѣла, въ то время, когда оно переплеталось, были занумерованы арабскими цифрами, поставленными въ правомъ верхнемъ углу столбцовъ. Древней же нумераціи—славянскими буквами, встрѣчающейся иногда въ столбцахъ, подлинникъ не имѣетъ. Такъ какъ одни столбцы дѣла состоятъ изъ цѣльнаго куска, другіе же изъ двухъ кусковъ, склеенныхъ своими краями, то и нумерація ихъ произведена отчасти по числу цѣльныхъ столбцовъ, отчасти по числу отдѣльныхъ ихъ частей.

---

*) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга, томъ X, стр. 81.

Чѣмъ руководствовалось лицо, производившее нумерацію, совершенно непонятно. Результатомъ такой работы является то, что дѣло на послѣднемъ столбцѣ имѣетъ цифру 54 (т.-е. всего въ дѣлѣ имѣется 54 столбца); но если вы начнете пересчитывать число страницъ, не глядя на нумерацію, то у васъ ихъ получится только 51. Отсюда то разногласіе въ счетѣ столбцовъ и ихъ частей, какое мы имѣемъ въ литературѣ. Въ изданіи „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", послѣ текста отмѣчено: „Подлинное дѣло писано на столбцѣ,... на пятидесяти осми небольшихъ листкахъ...". Такой счетъ сдѣланъ совершенно произвольно и не соотвѣтствуетъ ни числу страницъ, ни числу отдѣльныхъ столбцовъ или склеекъ; число страницъ, какъ мы указывали, равно 51, отдѣльныхъ же склеекъ въ дѣлѣ—63.

Въ предисловіи къ угличскому дѣлу, напечатанному въ изданіи А. С. Суворина, говорится, что: „нынѣ въ дѣлѣ насчитывается всего 54 листа, согласно новѣйшей нумераціи ихъ" *).

Пересмотримъ всѣ листы подлинника и сдѣлаемъ подсчетъ цѣльныхъ листовъ и листовъ со склейками, т.-е. состоящихъ изъ двухъ кусковъ, при чемъ приведенныя нами цифры будутъ относиться не къ тѣмъ, коими помѣчены листы въ дѣлѣ, а къ общему ихъ очередному счету.

Листы безъ склеекъ: 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49 и 51.—Всего 39 листовъ, или столбцовъ.

Листы со склейками, состоящіе изъ двухъ кусковъ: 1, 2, 4, 9, 15, 16, 28, 31, 37, 39, 43 и 50.—Всего 12 листовъ.

А. Бѣловъ, въ упомянутомъ предисловіи къ дѣлу о смерти царевича Димитрія, отмѣчая несоотвѣтствіе счета листовъ въ изданіи Государственныхъ Грамотъ и Догово-

*) О Димитріи Самозванцѣ. Критическіе очерки А. С. Суворина. Спб. 1906 г., стр. 172.

ровъ съ существующей теперь нумераціей дѣла, предполагаетъ, что это произошло: „вслѣдствіе вторичной, позднѣйшей склейки нѣкоторыхъ маленькихъ обрывковъ въ одинъ длинный листъ“ *). Такое предположеніе не имѣетъ за собой никакихъ основаній, такъ какъ извѣстно, что подлинникъ, послѣ изданія его въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ въ 1819 году, былъ уже въ переплетѣ и никакихъ измѣненій имѣть не могъ, да къ тому же въ немъ нѣтъ ни одного „длиннаго листа“, состоящаго „изъ маленькихъ обрывковъ“.

Разногласіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что лицо производившее подсчетъ для изданія С. Г. Г. и Д., сдѣлало его условно, не считая всѣ отдѣльныя склейки подлинника, а лишь наиболѣе крупныя и замѣтныя. А. Бѣловъ же, отмѣчая это несоотвѣтствіе, сравниваетъ число склеекъ, указанныхъ въ С. Г. Г. и Д., съ цифрой 54, обозначающей, какъ мы указывали выше, частью цѣльные столбцы, частью же склейки, коихъ на двѣнадцати изъ столбцовъ имѣется по двѣ.

Не меньшее недоразумѣніе встрѣчаемъ въ подсчетѣ общаго числа склеекъ, находящихся на страницахъ дѣла, произведенномъ И. С. Бѣляевымъ.—Всѣхъ ихъ по его подсчету оказалось лишь 62, а не 63 **). Этотъ вопросъ, благодаря фототипическому воспроизведенію всего подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла, безъ всякихъ пропусковъ, можетъ быть провѣренъ каждымъ.

Совершенно произвольно И. С. Бѣляевъ обозначилъ и нумера листовъ, имѣющихъ по двѣ склейки. Таковыми у него являются: 1, 2, 4, 10, 16, 17, 29, 38, 41, 46 и 50.—Всего 11 листовъ. Начавъ правильно обозначать страницы по числу ихъ, начиная съ первой, не считаясь съ поставленной на нихъ позднѣйшей нумераціей, И. С. Бѣляевъ

*) О Димитріи Самозванцѣ. Критическіе очерки А. С. Суворина. Спб. 1906 г., стр. 172.

**) И. С. Бѣляевъ. Угличское дѣло 15 мая 1591 года, стр. 12

правильно обозначилъ только листы 1, 2 и 4, но уже 9 листъ онъ обозначилъ цифрой 10, взявъ ее съ поставленной въ верхнемъ правомъ углу позднѣйшей нумераціи, и всѣ дальнѣйшія его обозначенія ушли впередъ на единицу: вмѣсто **15**—16; **16**—17; **27**—28.—Дойдя до 31 листа (по позднѣйшей нумераціи 32), имѣющаго склейку въ верхней своей части, онъ совсѣмъ не замѣтилъ ея и пропустилъ; поэтому по подсчету И. С. Бѣляева и получилось лишь 11 листовъ съ двумя склейками, а не 12. Затѣмъ снова слѣдуютъ листы: вмѣсто **37**—38; **39**—41; **43**—46, и правильно сходятся лишь на листѣ 50-омъ.

Итакъ, угличское слѣдственное дѣло состоитъ изъ **63** отдѣльныхъ кусковъ, частью очень хорошей сохранности, частью весьма плохой.

Просматривая края отдѣльныхъ частей, склеекъ, коими они были приклеены другъ къ другу въ свиткѣ, мы замѣчаемъ, что многія изъ нихъ имѣютъ бѣлясую полоску по краю, отъ бывшаго мяздриннаго клея (на фототипическихъ таблицахъ полоски—темныя), но многіе куски таковой полосы не имѣютъ.—Это указываетъ, что количество мелкихъ склеекъ или кусковъ, первоначально, (когда дѣло находилось въ свиткѣ—столпѣ) не было таковымъ, какое имѣется въ немъ въ настоящее время, т.-е.—63 куска, и получилось оно не отъ естественной *расклейки* столпа на его составныя части—столбцы, а вслѣдствіе *разрѣзыванія* столпа — свитка на произвольное число кусковъ, удобныхъ для заключенія ихъ въ переплетъ.

Этимъ и объясняется, что нѣкоторыя части склеекъ чрезвычайно малы, всего въ нѣсколько миллиметровъ (см. фототипическое воспроизведеніе подлинника: листъ 9, нижняя строка; листъ 19—вверху, листъ 24—внизу*). Но не всѣ части разрѣзались, за недостаткомъ аккуратности и терпѣнія, большое количество листовъ прямо *отрывали*

*) При ссылкахъ на листы подлинника, мы будемъ указывать цифры, проставленныя при позднѣйшей нумераціи *арабскими цифрами*.

другъ отъ друга. На краяхъ многихъ изъ нихъ остались даже части бумаги, иногда съ буквами отъ строкъ предыдущаго или послѣдующаго столбца. Примѣровъ множество: листы 3, 5, 6, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 22, 23, 26, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 45, 47, 48, 51 и 52.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что на нѣкоторыхъ страницахъ оборванные края получились не только отъ неряшливаго отдѣленія ихъ другъ отъ друга, но и отъ того, что дѣло, будучи еще въ свиткѣ, было *разорвано*,— это ясно видно внизу 8 листа и вверху 9-го, неимѣющаго начала.

Въ подлинникѣ осталось нѣсколько старыхъ склеекъ, но съ сильно вывѣтрившимся клеемъ и теперь едва держащихся, напр. склейка 3-го листа.

Переходимъ къ осмотру внѣшности самыхъ листовъ и ихъ частей.

Первое, что бросается въ глаза—это большія желтоватыя *пятна и узоры*, полученные отъ воды, промочившей когда-то свитокъ.—Первые листы почти сплошь были залиты водой, и форму пятна едва возможно разсмотрѣть, но уже на 3-мъ листѣ форма ихъ вполнѣ ясна, и состоитъ изъ круговъ, слегка растянутыхъ по длинѣ листа. При дальнѣйшемъ перелистываніи дѣла, размѣръ каждаго изъ пятенъ начинаетъ постепенно уменьшаться; на листѣ 28-мъ они едва замѣтны, а на 29-мъ уже совершенно исчезаютъ.

Опредѣленная послѣдовательность въ уменьшеніи пятенъ и ихъ симметрія въ расположеніи ясно говорятъ, что дѣло было подмочено въ то время, когда находилось въ свиткѣ—столпѣ.

Мы знаемъ, какъ часто документы, до поступленія ихъ въ благоустроенные архивы, валяются въ сырыхъ подвалахъ, въ помѣщеніяхъ безъ оконъ, и здѣсь подмокаютъ; конечно и свитокъ съ угличскимъ слѣдственнымъ дѣломъ могъ испытать на себѣ эту участь.

Постараемся хотя бы приблизительно выяснить мѣсто,

гдѣ могъ храниться подлинникъ дѣла, до обнаруженія его въ 1775 году Бантышъ-Каменскимъ.

Изъ исторіи Архива Иностранныхъ Дѣлъ извѣстно, что онъ является продолженіемъ древняго государственнаго—Архива Посольскаго Приказа. Въ составъ этого Приказа входилъ также и „Царскій Архивъ", представляющій собой государственно-политическій архивъ, состоящій изъ грехъ отдѣловъ: 1) Внѣшнихъ сношеній, договоровъ, документовъ о границахъ и иностранцахъ; 2) о Государѣ, его семействѣ и предкахъ, удѣльныхъ князьяхъ и служилыхъ людей его; 3) дѣла по государственному управленію, судебники, акты соборовъ, дѣла по постройкѣ городовъ, *сыскныя дѣла*, объ ересяхъ, судебныя дѣла Боярской Думы и другія*). Посольскій Приказъ просуществовалъ до 1720 г.; 13 февраля того же года Петромъ I утверждено было „опредѣленіе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ", и вмѣсто Посольскаго Приказа въ Москвѣ возникла „Московская контора Коллегіи иностранныхъ дѣлъ**)". Въ вѣдѣніе этой Коллегіи, переименованной впослѣдствіи въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и перешла большая часть дѣлъ прежняго Архива. Въ 1762 г. Архивъ былъ переведенъ на Варварку, гдѣ, какъ и прежде, документы гнили въ сырыхъ подвалахъ, и только въ 1766 г., съ назначеніемъ Г. Ф. Миллера въ качествѣ управляющаго, было приступлено впервые къ разбору документовъ***).

Изъ приведенной исторической справки объ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ можно предположить, что угличское слѣдственное дѣло, какъ актъ, касающійся члена царской семьи, хранился среди документовъ „Царскаго Архива" въ числѣ „сыскныхъ дѣлъ" или „судебныхъ дѣлъ Боярской Думы".

---

*) Трусевичъ. Западная и русская дипломатика. СПБ., 1907 г., стр. 57.

**) Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1802—1902. СПБ., 1902 г.

***) Трусевичъ. Западная и русская дипломатика, стр. 57.

Первоначальная порча слѣдственнаго угличскаго дѣла можетъ быть отнесена еще къ эпохѣ Московской Разрухи, когда Москва и ея учрежденія были въ забросѣ; затѣмъ рядъ пожаровъ въ XVII вѣкѣ и плохое обращеніе съ документомъ въ XVIII вѣкѣ повредило его сыростью, расклеило и порвало на части.

Древнѣйшія достовѣрныя данныя о порчѣ и утратѣ частей угличскаго дѣла относятся къ концу XVII вѣка, такъ какъ на оборотѣ перваго листа подлинника имѣется надпись, сдѣланная почеркомъ весьма характернымъ для первой четверти XVIII вѣка, слѣдующаго содержанія: „*(Д)ѣло розыскное* ЧѲ^{2} *году про убивство ц҃ревича Димитр.. Івановича на Угличе. конц. і начала нетъ*“. (См. часть II, листъ I-ый оборотъ).

Надпись эта, безъ сомнѣнія, принадлежитъ перу одного изъ первыхъ архиваріусовъ, должность которыхъ при Иностранной Коллегіи была учреждена впервые Петромъ Великимъ.

Съ достовѣрностью можно сказать, что угличское дѣло въ руки перваго архиваріуса XVIII вѣка попало въ разорванномъ, частью расклеенномъ и подмоченномъ видѣ, и архиваріусомъ же была произведена первая неудачная и невнимательная попытка привести въ порядокъ документъ.

Дѣйствительно, въ Петровское время угличское слѣдственное дѣло уже никому не было нужно, и только приведеніе въ порядокъ и благоустройство всѣхъ учрежденій заставило приводить въ порядокъ, хотя бы съ внѣшней стороны, и старыя дѣла. Архиваріусъ исполнилъ свое дѣло: подобралъ приблизительно расклеенныя и разорванныя части дѣла по смыслу (нумераціи не было) и сдѣлалъ упомянутый заголовокъ съ указаніемъ, что памятникъ не имѣетъ ни начала, ни конца, но самый документъ оставилъ *въ свиткѣ*.

Наше предположеніе, что документъ былъ испорченъ въ до-Петровскія времена и именно архиваріусомъ небрежно исправленъ, основывается на весьма простыхъ и убѣдительныхъ доводахъ.—Если дѣло было подмочено,

будучи въ свиткѣ, и имѣло желтыя пятна отъ воды, расположенныя въ опредѣленномъ порядкѣ, постепенно уменьшающіяся по мѣрѣ удаленія вглубь свитка, т.-е. къ его концу, то ясно, что каждый листъ, отнятый отъ своего первоначальнаго мѣста и приклеенный въ другое мѣсто, сразу выдастъ себя формой пятна; стоитъ только сравнить пятно на немъ съ предыдущими и послѣдующими пятнами въ ближайшихъ листахъ, какъ тотчасъ обнаружится, правильно ли пятно по своей величинѣ въ общемъ послѣдовательномъ рядѣ уменьшающихся пятенъ.

Это еще яснѣе замѣтно въ тѣхъ случахъ, когда пятно находится на мѣстѣ склейки двухъ листовъ.—Если верхній листъ имѣетъ одну половину круглаго пятна, то вполнѣ ясно, что на другомъ листѣ должна быть другая недостающая до полнаго круга половина.

Если мы теперь къ этому добавимъ, что на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по нашимъ наблюденіямъ пятна выходятъ изъ послѣдовательнаго ряда въ ихъ уменьшеніи и *смыслъ текста перебитъ* или не вяжется съ предыдущимъ, какъ напримѣръ въ пресловутомъ показаніи Василисы Волоховой, то ясно, что въ такихъ случаяхъ пятна могутъ служить намъ самымъ безпристрастнымъ и самымъ вѣрнѣйшимъ критическимъ матеріаломъ для провѣрки внѣшняго состоянія угличскаго дѣла и выясненія происшедшихъ въ немъ перемѣнъ за 300 лѣтъ его существованія.

Примѣръ можно указать на первомъ же листѣ подлинника, начинающемся словами: „И князь Василеи и Wндрѣй и Елизареи вспрwсили городового приказщика Русина Ракова: для чево тебѣ велѣлъ ножи, и палицу, и сабли и самопалы Михаило Нагои класти на убитыхъ людеи?“ и имѣющемъ на оборотѣ упомянутую надпись архиваріуса. Здѣсь ясно видна небольшая часть пятна внизу первой склейки, и другое пятно, посединѣ листа, на второй склейкѣ, которое не имѣетъ верхушки. Пятна обоихъ склеекъ совершенно не подходятъ другъ къ другу, равно какъ и текстъ обоихъ склеекъ не согласуется по смыслу.

Итакъ, еще въ Петровское время слѣдственное дѣло хранилось въ сильно попорченномъ и неудачно исправленномъ видѣ.

Вторичная порча памятника послѣдовала въ XVIII вѣкѣ. —Верхняя склейка того же перваго листа сильно порвана съ правой стороны, гдѣ недостаетъ даже нѣсколькихъ словъ. (См. подлинникъ, склейку III). Съ обратной стороны этой склейки, какъ разъ на порванной части листа, сдѣлана надпись: „(Д)ѣло розыскное ч҃ѳ҃г году про убивство ц҃ревича Димитр.. Івановича на Угличе. конц. і начала нетъ“. Отъ этой надписи утрачено нѣсколько буквъ, а бумага склейки сильно порвана и во многихъ мѣстахъ подклеена синей бумагой. Слѣдовательно, вся порча верхней склейки перваго листа и утрата его частей принадлежитъ XVIII вѣку, послѣ того, какъ памятникъ былъ неудачно исправленъ первымъ архиваріусомъ Петровскаго времени. Это замѣчаніе важно въ томъ отношеніи, что указываетъ, какъ документъ, попавъ уже въ Архивъ Иностранной Коллегіи, былъ въ небреженіи и, если не терпѣлъ отъ сырости, то рвался и утрачивалъ части. Весьма возможно, что за это время онъ снова расклеился по нѣкоторымъ склейкамъ и въ такомъ видѣ попалъ въ руки Бантышъ - Каменскаго, когда принялъ свою послѣднюю редакцію, дошедшую до насъ.

Имѣя теперь неоспоримыя данныя о порчѣ подлинника слѣдственнаго дѣла въ XVII и XVIII вѣкахъ и зная достовѣрно, что спутанность его текста произведена *временемъ и небрежнымъ обращеніемъ* съ документомъ, а никакъ не Слѣдственной Коммиссіей и не московскими царями, какъ утверждаетъ, напримѣръ, И. С. Бѣляевъ, мы и обратимся къ тщательному разсмотрѣнію каждой изъ склеекъ подлинника, какъ въ отношеніи содержанія текста, такъ и формы пятенъ на нихъ.

Встрѣченныя неправильности въ расположеніи склеекъ мы постараемся, руководствуясь содержаніемъ текста и формой пятенъ на бумагѣ, исправить и возстановить по-

рядокъ столбцовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Слѣдственной Коммиссіи, а не архиваріусовъ, редакція которыхъ до сихъ поръ шла въ качествѣ подлиннаго произведенія Шуйскаго и служила нашимъ историкамъ *матеріаломъ* для разрѣшенія труднѣйшей загадки, кто изъ лицъ Слѣдственной Коммиссіи и въ какихъ цѣляхъ, составляя актъ, умышленно перетасовывалъ листы, пропускалъ допросы нѣкоторыхъ важныхъ и необходимыхъ въ слѣдствіи свидѣтелей и не давалъ дѣлать рукоприкладства, или же замѣнялъ ихъ показанія новыми, болѣе выгодными для выполненія скрытаго плана. Вѣдь можетъ оказаться, что нѣкоторые листы подлинника совсѣмъ утеряны отъ времени, и тогда не придется удивляться всѣмъ загадочнымъ мѣстамъ подлинника и обвинять слѣдователей, Годунова и другихъ лицъ въ пристрастномъ отношеніи къ составленію слѣдственнаго акта. Можетъ быть, выяснится причина, почему въ дѣлѣ нѣтъ показаній царицы, нѣкоторыхъ рукоприкладствъ и т. д., а въ конечномъ результатѣ мы должны будемъ признать, что слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія составлено вполнѣ добросовѣстно, что Шуйскій оказался честнымъ слѣдователемъ, и вопросъ, какъ умеръ царевичъ Димитрій, отъ руки ли убійцъ, или отъ своей собственной, въ припадкѣ падучей, можетъ стать предъ нами въ болѣе простомъ и ясномъ къ разрѣшенію видѣ.

Для болѣе нагляднаго доказательства того, что угличское дѣло, при выходѣ изъ рукъ Слѣдственной Комиссіи, имѣло иной видъ, чѣмъ въ настоящее время, и изъ желанія дать возможность убѣдиться въ этомъ такъ сказать воочію, мы, прилагая во II-й части настоящаго труда фототипическіе снимки со всего оригинала, будемъ постепенно, листъ за листомъ, въ томъ порядкѣ, какъ они расположены въ оригиналѣ и извѣстны въ печатныхъ изданіяхъ, разсматривать каждый изъ нихъ въ отдѣльности не только по внѣшнему виду, но и по внутреннему содержанію текста, попутно указывая, какіе изъ листовъ по нашимъ наблюденіямъ

оказались не на своемъ первоначальномъ мѣстѣ и въ какихъ мѣстахъ замѣчается полная ихъ утрата.

Фототипическіе снимки сдѣланы въ величину оригинала съ доступной точностью, чтобы не измѣнить масштабъ отдѣльныхъ листовъ и тѣмъ не лишить возможности сопоставлять водяныя пятна.

Единственное отступленіе отъ подлинника, допущенное нами, состоитъ въ раздѣленіи частей листа, по мѣсту склеекъ, безъ перестановки ихъ, на листахъ 5-омъ и 10-омъ. Во всемъ остальномъ никакихъ измѣненій противъ оригинала не введено.

Рукоприкладства помѣщены на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и въ оригиналѣ, что даетъ возможность наблюдать правильность и соотвѣтствіе ихъ по отношенію къ тексту.

На поляхъ фототипическихъ таблицъ сдѣлана новая нумерація—римскими цифрами, которая указываетъ новый порядокъ въ расположеніи листовъ, полученный послѣ дипломатическаго изученія подлинника *).

Итакъ, переходимъ къ изслѣдованію текста.

Первый листъ подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла состоитъ изъ двухъ частей, склеенныхъ между собой, —верхней безъ цифры, а нижней съ цифрой 2.

Верхняя часть этого листа есть отрывокъ показанія городового прикащика Русина Ракова, содержащій вопросъ, поставленный слѣдователями Ракову: для чего Михаилъ Нагой велѣлъ ему класть на побитыхъ людей сабли, ножи, палицу и самопалы:

„И князь Василеи и Ѡндрѣи и Елизареи вспрѡсили городового приказщика Русина Ракова: для чево тебѣ велѣлъ ножи, и палицу, и сабли и самопалы Михаило Нагои класти на убитыхъ людеи?

И Русинъ Раковъ сказалъ: что велѣлъ ем[у] [Ми]хаило

*) Объ остальномъ см. въ предисловіи ко II-ой части.

Нагои на побитыхъ лю[дей] [па]лицу и сабли и самоп[алы] .....и при..... того, что будто се тѣ люди царевич[а] [Ди]митрѣ убили". *)

Склейка эта сильно порвана, особенно съ правой стороны, гдѣ не достаетъ многихъ буквъ, и въ настоящее время подклеена синей бумагой. На третьей строкѣ снизу этой склейки, послѣ словъ „и сабли и самоп..." подклеенъ небольшой клочекъ съ ясно написанными словами: „въ городѣ и при...", послѣ которыхъ слѣдуетъ слогъ „пи..." — „пищали", какъ читается, вполнѣ основательно, всѣми изслѣдователями. Указанныя слова принадлежатъ какому то истлѣвшему и утраченному листу и попали сюда случайно, во время подклейки рукописи. Ниже мы постараемся указать ихъ смыслъ и мѣсто въ дѣлѣ.

Уже первыми издателями угличскаго дѣла, въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, было замѣчено, что слѣдствіе не могло начинаться съ этого отрывка и записаннаго въ немъ вопроса, а потому издатели помѣстили этотъ отрывокъ передъ 9-ымъ листомъ, содержащимъ *челобитную* Русина Ракова, считая, что вышеупомянутый отрывокъ служилъ началомъ къ челобитной. Тѣмъ не менѣе ими же было замѣчено отсутствіе связи между первымъ отрывкомъ и 9-ымъ листомъ, но это постарались объяснить тѣмъ, что начало 9 листа утрачено и этимъ нарушенъ смыслъ.

Въ текстѣ слѣдственнаго дѣла, изданномъ А. С. Суворинымъ, этотъ порядокъ листовъ также удержанъ, но безъ указанія причины, руководившей издателемъ. Впрочемъ отмѣчено, что: „верхній отрывокъ приклеенъ не туда, гдѣ онъ первоначально находился. Поэтому въ настоящемъ изданіи онъ помѣщенъ за листомъ 8, сообразно съ печатнымъ изданіемъ 1819 года" **).

---

*) Въ скобкахъ поставлены утраченныя въ подлинникѣ буквы, легко возстановляемыя по смыслу.

**) А. С. Суворинъ. О Димитріи Самозванцѣ, стр. 174.

На самомъ же дѣлѣ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изъ указанныхъ изданій, допущена грубая ошибка. Издатели не вникли въ смыслъ и форму этихъ отрывковъ и соединили ихъ, какъ продолженіе одного къ другому, только потому, что въ нихъ фигурируетъ Русинъ Раковъ. Считать же эти два отрывка, какъ двѣ самостоятельныя части, никто изъ нихъ не рѣшился.—Дѣло въ томъ, что первый отрывокъ есть *показаніе* Русина Ракова на поставленный слѣдователями вопросъ, тогда какъ второй отрывокъ (9 листъ) содержитъ *челобитную* Русина Ракова, оканчивающуюся какъ всегда словами: „Царь государь, смилуйся!“ Это особенно бросается въ глаза, если читать подрядъ обѣ склейки.

(Л. 1). „И князь Василеи, и Wндрѣи и Елизареи вспрѡсили городового приказщика Русина Ракова: для чево тебѣ велѣлъ ножи, и палицу, и сабли и самопалы Михаило Нагои класти на убитыхъ людеи?

И Русинъ Раковъ сказалъ: что велѣлъ ем[у] [Ми]хаило Нагои на побитыхъ лю[дей] [па]лицу, и сабли, и самоп[алы].... и при.... того, что будто се тѣ люди царевич[а] [Ди]митрѣ убили“.

(Л. 9). ..... Миха[и]лу Нагово ро[з]говаривати и посадцкимъ люде[мъ], чтобъ wнъ, Михаила, унелъ шумъ и дурна которого не здѣлалъ, и царица де, государь, Марья и Михаило Нагои де Михаила Битяговского туто велѣли убити посадцкимъ людемъ. И Михаило побежалъ въ Брусеную избу, а съ нимъ Микита Качаловъ, и Михаила из-ызбы выволокли и тутъ убили, а сына Михаилова Данила и Данила Третьякова велѣлъ убити Михаило Нагои въ Дiячье избѣ; да Михаило жъ, государь, Нагои велѣлъ убити посадцкихъ людеи трехъ человѣкъ, которые были прихожи къ Михаилу Битяговскому, да Михаловыхъ людеи Битяговского четырехъ человѣкъ, да жоночку Михаилову, розстрелявъ, въ воду посадили, да Осиповыхъ людеи Волохова дву человѣкъ, да Данила Третьякова человѣка; а побивъ тѣхъ людей, въ ровъ велѣлъ пометать,

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

а иныхъ, государь, Михаиловыхъ людеи Битяговского въ тюрму посажали, и подворье Михаила Битяговского велѣлъ розграбить. И после, государь, того на завтрее, въ недѣлю, присылалъ ко мнѣ Михаило Нагои человѣка своего, Борискомъ зовутъ, зъ грозою и съ лаею, а говорилъ, государь, мнѣ человѣкъ ево Бориско: чего де тебѣ здѣся дожить, того ль де и дожидаешся, что и тебя съ тѣми жъ побитыми людми вмѣсте положити съ Михаиломъ зъ Битяговскимъ съ товарыщи? Да меня жъ холопа твоего после того искали и хотѣли потому жъ убити; а говорилъ Михаило Нагои, что де бутто се язъ холопъ твои не для посохи присланъ, а присланъ провѣдывать вестеи, что у нихъ дѣтца. Милостивыи царь государь, покажи милость, не вели мнѣ того въ опалу поставить въ посошныхъ людехъ Михаила зъ братомъ да Ондрѣя Нагихъ. Царь государь, смилуися".

Итакъ, ясно, что при составленіи угличскаго дѣла такого порядка въ размѣщеніи приведенныхъ листовъ не было.

Обратимся теперь къ провѣркѣ этихъ склеекъ по формѣ пятенъ.

Склейка 1-го листа, съ показаніемъ Русина Ракова, имѣетъ пятно въ нижней своей части, причемъ оно не помѣщается цѣликомъ на этой склейкѣ и должно имѣть продолженіе на слѣдующей, т.-е. на 9-мъ листѣ.—Послѣдній содержитъ два пятна, соединенныхъ лишь съ лѣвой стороны (отъ зрителя): одно полное—внизу, и другое, безъ верхушки, въ верхней части листа. Провѣрять недостающую часть пятна слѣдуетъ, конечно, по цѣльному пятну, т.-е. находящемуся внизу 9-го листа; оно имѣетъ въ длину 18,2 см., а верхнее пятно только 12 см.*). Отсюда ясно, что къ верхнему пятну 9 листа не достаетъ части въ

*) Для возможно точнаго измѣренія пятенъ, мы проводили черезъ середину столбца вертикальную линію и по ней измѣряли циркулемъ пятно, величину котораго и обозначили въ сантиметрахъ.

6 см. съ небольшимъ, между тѣмъ пятно верхней склейки 1-го листа имѣетъ длину въ 5 см., что вмѣстѣ съ частью пятна 9 листа составитъ только 17 см., а не 18,2 см. Кромѣ того, совершенно различная форма пятенъ на обоихъ листахъ—1-омъ и 9-омъ показываетъ, что они не были помѣщены одинъ за другимъ, когда дѣло было въ свиткѣ и промокло.

И. С. Бѣляевъ въ своей статьѣ: „Угличское слѣдственное дѣло 15 мая 1591 г.“ замѣтилъ неправильность въ помѣщеніи обоихъ отрывковъ, какъ продолженіе одного къ другому, и справедливо указалъ, что верхняя склейка 1-го листа есть отрывокъ *показанія* городового приказчика Русина Ракова, а 9 листъ—*„челобитная* посошнаго человѣка, подобная другимъ, находящимся въ дѣлѣ челобитнымъ—Угличскихъ разсыльщиковъ и вдовы Битяговской, оканчивающихся словами: „Царь государь, смилуйся!“ *). Но этимъ замѣчаніемъ И. С. Бѣляевъ и ограничился, оставивъ безъ указанія, куда же долженъ быть помѣщенъ отрывокъ верхней склейки 1-го листа?

Уже само содержаніе верхней склейки 1-го листа показываетъ, что отрывокъ не имѣетъ *начала*, такъ какъ начинается словами: „И князь Василей, и Wндрѣи и Елизареи вспрѡсили городового приказщика Русина Ракова: *для чево тебѣ велѣлъ* ножи, и палицу, и сабли и самопалы Михаило Нагои класти на убитыхъ людеи?“—Ясно, что передъ этимъ вопросомъ было пространное изложеніе дѣла, сообщенное Русинымъ Раковымъ, съ указаніемъ на Михаила Нагово, какъ главнаго виновника убійства угличанъ, и на его попытку скрыть преступленіе посредствомъ приведенія къ крестному цѣлованію городового приказчика, а также положеннаго на убитыхъ различнаго рода оружія,—ножей, палицъ и пищалей, что и вызвало у слѣдователей желаніе поставить Русину Ракову новый вопросъ.

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское слѣдственное дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія 15 мая 1591 г., стр. 11.

Изъ сказаннаго видно, что верхняя часть 1-го листа не можетъ служить началомъ къ листу 9-му. Однако этотъ листокъ нельзя вставить куда-либо между остальными склейками дѣла. Этого не позволяетъ содержаніе текста склейки, т. к. больше мы нигдѣ въ дѣлѣ не имѣемъ допроса Русину Ракову. Не допустимо это и по формѣ водяныхъ пятенъ.

Кажется, вполнѣ естественно было бы поставить вопросъ: „почему намъ необходимо считать эту часть приклеенной *не на мѣстѣ*?“ Мы не ошибемся, если отвѣтимъ, что изслѣдователи и издатели текста, такъ или иначе, считали *началомъ* дошедшихъ частей слѣдственнаго дѣла слова, коими начинается вторая склейка: „И тово жъ дни, маия въ 19 день въ вечеру, пріѣхали на Углечь князь Василей, и Ондрѣи и Елизареи и ..прашивали Михаила Нагово: которымъ ѿб[ыча]емъ царевича Дмитрея не стало.....“, предполагая, что съ этого дня начались *дѣйствія Комиссіи, ея засѣданія и опросъ свидѣтелей*. Предположеніе очень заманчиво и убѣдительно на первый взглядъ.

Но что намъ мѣшаетъ, повторяемъ, считать этотъ отрывокъ и *не* за начало текста? Развѣ не могла подобная фраза („И тово жъ дни... и т. д.“) быть употреблена въ протоколѣ, гдѣ прагматически записывался весь ходъ дѣла? До сихъ поръ рѣшительно ни одинъ изъ изслѣдователей документа не обратилъ вниманія на смыслъ словъ: „*И тово жъ дни*, маия въ 19 день въ вечеру, пріѣхали на Углечь...“. Вѣдь это значитъ: „въ тотъ же день, 19 мая, *до пріѣзда вечеромъ въ Угличъ*“, слѣдователи что то передъ этимъ уже имѣли,—именно утромъ, когда они еще были въ дорогѣ, *до въѣзда въ Угличъ*.—Вѣдь это такъ ясно изъ указанныхъ словъ. Если бы листъ 2-ой былъ дѣйствительно начальнымъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, какъ помѣстили его въ печатныхъ изданіяхъ Суворинъ и издатели Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, указывая этимъ, что съ этого момента началось засѣданіе Комиссіи и составленіе протоколовъ, а также подача челобитныхъ, (которыя и вошли въ

составъ подлиннаго дѣла, дошедшаго до нашихъ дней), то этотъ листъ долженъ былъ бы начинаться прямо словами: „Маия въ ѲІ день въ вечеру пріѣхали на Углечь....“, а слова „И тово жъ дни“ являлись бы совершенно лишними.

Вотъ почему нѣтъ никакой необходимости считать, что 1-ый листъ, помѣщенный впереди 2-го, находится не на своемъ мѣстѣ, и, за отсутствіемъ возможности помѣстить гдѣ-либо ниже, присоединять его къ 9-му листу, т. е. къ челобитной Русина Ракова.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться, что если 1-й листъ и долженъ стоять передъ 2-мъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ думать, что между ними не было еще какой либо части; мы только признаемъ, что 1-й листъ предшествовалъ 2-му, но это не значитъ, чтобы онъ былъ обязательно приклеенъ къ 2-му листу, и чтобы 2-й листъ являлся прямымъ его продолженіемъ. Мы лично убѣждены, что между первымъ и вторымъ листомъ есть небольшая утрата; это видно по *оборванному* нижнему краю, гдѣ недостаетъ части столбца. Кромѣ того, и части пятенъ какъ будто не подходятъ другъ къ другу, хотя прослѣдить ихъ въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно трудно, ввиду сильной порчи бумаги.

За утрату нижней части 1-го листа говоритъ также незначительная длина листа—менѣе $^1/_2$ обыкновеннаго формата, употреблявшагося въ приказномъ дѣлопроизводствѣ.

Въ руки архиваріусовъ 1-ый листъ попалъ оторваннымъ отъ дѣла, его подклеили синей бумагой, нижній край подравняли ножницами и приклеили новымъ клеемъ.—Все это ясно видно по оригиналу, а также по заклеенной верхушкѣ цифры 2, служащей нумераціей ко второму листу.

За правильность нашего указанія въ размѣщеніи листовъ 1-го и 2-го говоритъ и связь ихъ по содержанію.—На первомъ листѣ записано показаніе Русина Ракова, который сказалъ: „что велѣлъ ем[у] [Ми]хаило Нагои на побитыхъ лю[дей] [па]лицу, и сабли и самоп[алы]... и при ...того, что будто се тѣ люди царевич[а] [Ди]митреѧ убили“.

Во второмъ листѣ говорится, что пріѣхавшіе въ Угличъ слѣдователи, получивъ эти данныя, потребовали къ допросу Михаила Нагово и послѣ общаго вопроса—„которымъ об[ыча]емъ царевича Дмитрея не стало?“, сейчасъ же спрашиваютъ его: на какомъ основаніи произведено имъ убійство посадскихъ и другихъ людей и „для онъ че[во] велѣлъ во вторникъ збирати ножи, и пища[ли], и палицу желѣзную и сабли, и класти на у[би]тыхъ люди; и посадцкихъ и изъ селъ многихъ лю[дей] для кого збиралъ?“

Слѣдовательно въ этомъ 2-мъ листѣ, мы видимъ несомнѣнное, хотя и не непосредственное продолженіе 1-го листа, что подтверждаетъ наше мнѣніе о правильности ихъ размѣщенія въ оригиналѣ.

Не лишне указать и еще на одно обстоятельство.— Надпись, находящаяся на оборотѣ 1-го листа и сдѣланная въ началѣ XVIII вѣка: „Дѣло розыскное Ч҃Ѳ҃г году про убивство ц҃ревича Димитр... Ивановича на Угличе. Конц. і начала нетъ“ указываетъ, что архиваріусъ, дѣлавшій надпись, также считалъ склейку съ показаніемъ Русина Ракова за листъ, предшествовавшій допросу Михаила Нагово.

На этомъ мы пока закончимъ разсмотрѣніе 1-го листа; но впослѣдствіи возвратимся къ нему, чтобы указать, чѣмъ могло быть вызвано странное, на первый взглядъ, начало въ подлинникѣ, если не допроса, то просто „рѣчи“ Русина Ракова, когда Шуйскій съ товарищами еще не въѣзжали въ Угличъ.—О чемъ у нихъ могла быть рѣчь? А пріѣхавши „маия въ 19 день въ вечеру“ они уже знали, съ кого начать допросъ, не требуя отъ Русина Ракова почти никакихъ свѣдѣній о происшедшемъ на Угличѣ, что дѣйствительно и подтверждается *отсутствіемъ* въ дѣлѣ его показаній, подобныхъ показаніямъ остальныхъ свидѣтелей, послѣ пріѣзда въ Угличъ и открытія 19-го мая дѣйствій слѣдственной Комиссіи. Русина Ракова Шуйскій уже не ставилъ передъ собой и не „вспрашивалъ“.

Листъ 2-й. — Допросъ и показаніе Михаила Нагово.

„И тово жъ дни, маия въ ѲІ [19] день въ вечеру, пріѣхали на Углечь князь Василей, и Ондрѣи и Елизареи и [разс]прашивали Михаила Нагово: которымъ wб[ыча]емъ царевича Дмитрея не стало, и что его болѣ[з]нь была, и для wнъ чево велѣлъ убити Михаила Б[и]тяговского и Михаилова сына Данила, и Ми[к]иту Качалова, и Данила Третьякова, и Осипа Волохова, и посадцкихъ людеи, и Михаиловыхъ людеи Битяговского и Осиповыхъ Волохова; и для онъ че[во] велѣлъ во ѳторникъ збирати ножи, и пища[ли], и палицу желѣзную и сабли, и класти на у[би]тыхъ людеи; и посадцкихъ и изъ селъ многихъ лю[дей] для кого збиралъ; и почем[у]... [прика]щика Русина Ракова приводилъ къ целованью, что ему стояти съ нимъ за одинъ, и противъ был[о] ково имъ стояти? И Михаило Нагои сказалъ: дѣялося нынешнего ч҃ѳ-го [99] году, маия въ ѣ҃і [15] де[нь], въ суб[о]ту, въ шестомъ часу дн҃и зазвонили въ городе у Спа[са] въ колоколъ, а wнъ Михаило втѣ-поры былъ у себя“ *)

(продолженіе на 3-мъ листѣ).

Положеніе этого листа уже достаточно выяснилось изъ предыдущаго. — *Передъ* первымъ листомъ, какъ мы указали, вѣроятно находилась небольшая часть листа, содержаніе которой могло касаться какихъ либо вопросовъ Русину Ракову, заданныхъ слѣдователями о происшедшемъ въ Угличѣ и тѣмъ самымъ указавшихъ нѣкоторый общій планъ; по нему Комиссія уже смѣло и обдуманно приступила къ слѣдствію, задавая намѣченные вопросы: о смерти царевича, объ убійствѣ угличанъ и т. п. *Послѣ* же 2-го листа слѣдуетъ продолженіе текста его на листѣ 3-емъ.—Никакихъ сомнѣній въ правильности порядка листовъ не можетъ быть.

*) Со словъ „въ колоколъ...“ до конца листа текстъ, въ настоящее время, утраченъ, вслѣдствіе осыпавшагося края листа, и воспроизведенъ по печатному изданію 1819 года.

На разсмотрѣнномъ 2-мъ листѣ хорошо видно большое овальное пятно со слегка усѣченной верхушкой и нижней частью, приходящейся на строкѣ со словами: „(уби)тыхъ людей; и посадцкихъ и изъ селъ многихъ лю[деи]“.

Листъ 3-й содержитъ продолженіе показанія Михаила Нагово и первую часть дополнительнаго показанія Русина Ракова о „запирательствѣ“ Михаила Нагово:

„на подворье и чаялъ онъ того, что горитъ..., бежалъ wнъ къ царевичю на дворъ, а царевича зарѣз[али] Wсипъ Волоховъ, да Микита Качаловъ да Данило Бит[я]говскои, и пришли на дворъ многие посадцкие люд[и], а М[иха]и[ла] Битяговскои приѣхалъ туто жъ на дв[оръ], и Михаила Битяговского и сына ево Данила и тѣ[хъ] всѣхъ людеи, которые побиты, побили чернье;

(продолженіе на новой склейкѣ, приклеенной къ предыдущей)

а wнъ, Михаило Нагой, посадцки[мъ] всякимъ людемъ побити ихъ не веливалъ, а былъ wнъ все у царицы, а посадцкие люди збежалися на звонъ; а ножеи, wнъ, и пищалеи, и палки желѣзные и сабель городовому приказщ[ику] Русину Ракову збирати и класти на побит[ыхъ] людеи не веливалъ; а збиралъ ножи, и пища[л]и, и сабли и палку желѣзную и клалъ на побиты[хъ] людеи городовои приказщикъ Русинъ Раковъ; и го[ро]дового wнъ приказщика къ целованью не приваживалъ, то на него городовои приказщикъ взводитъ.

И городовои приказщикъ Русинъ Раковъ сказалъ: что Михаило Нагои запираетца, что wнъ ему ножеи класть на уб[и]тыхъ людеи не веливалъ. Велите пост[а]вити Григорья Нагово и Михаилова человѣка Нагово Бориска Wѳонасьева, того wнъ Михаилова человѣка Бориска вспрашивалъ, по Михаилову приказу Нагово, что есть л[и] у него ножъ такой, что положити на убитыхъ людеи; и Михаиловъ ему человѣкъ Бориско и сказалъ, что есть ножъ нагаи-

скои у Григорья Нагово; и wнъ Русинъ пыталъ про тотъ ножъ"

(продолженіе показанія Русина Ракова находится на слѣдующемъ — 4-мъ листѣ).

Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ на странное раздѣленіе этого листа на двѣ части: верхнюю маленькую— всего въ *семь строкъ*, на которой какъ разъ написано показаніе Михаила Нагово объ убіеніи царевича Осипомъ Волоховымъ, Микитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ, и нижнюю—размѣромъ въ обычный листъ. Не могъ же, говорятъ изслѣдователи, дьякъ разсчитывать, что показаніе Михаила Нагово умѣстится на маленькомъ клочкѣ бумаги?— Отсюда сейчасъ же вывели заключеніе, что эта часть съ показаніемъ именъ убійцъ есть продуктъ работы надъ актомъ Василія Шуйскаго; что въ этой вырѣзанной и замѣненной части могло находиться показаніе Михаила Нагово иного содержанія. Позволяемъ себѣ указать на полную неосновательность подобнаго предположенія.

Присутствіе маленькой части листа объясняется очень просто.

Мы уже указывали, что, при заключеніи подлинника въ современный зеленый переплетъ, его раздѣляли частью по склейкамъ (стариннымъ), частью, гдѣ клей не вывѣтрился и былъ крѣпокъ, *разрѣзали*, что легко подтверждается присутствіемъ въ подлинникѣ полосокъ листа въ нѣсколько сантиметровъ и даже миллиметровъ (листы 24 и 29). Потому, отнюдь не слѣдуетъ удивляться присутствію маленькой части листа, на которой записано показаніе Михаила Нагово объ убійцахъ царевича, такъ какъ это есть результатъ работы архиваріуса при Бантышъ-Каменскомъ, а совсѣмъ не Шуйскаго. — Когда дѣло переплетали, то отъ склееннаго 1-го и 2-го листовъ получился очень высокій листъ, не могущій помѣститься въ переплетъ, что заставило лишнюю часть его отрѣзать и приклеить къ слѣдующему листу, т. е. къ теперешнему 3-му (къ нижней его части). Что листъ 2-ой не былъ *склеенъ*

съ маленькой частью 3-го листа, на это указываетъ *отсутствіе клея*, который тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ, вездѣ замѣтенъ въ видѣ блестящей темной полоски (см. лл. 4, 5, 6 и друг.).

За невѣроятность замѣны указанной части говоритъ и еще одно обстоятельство.—Если бы отъ 3-го листа была отрѣзана часть, равная замѣненной, то тогда прежній листъ былъ бы значительно больше того формата, который употреблялся въ приказномъ дѣлопроизводствѣ. Третій листъ вмѣстѣ съ маленькой склейкой равняется 46 $^1/_4$ см., тогда какъ всѣ цѣльные листы въ дѣлѣ не превосходятъ 41-го сантиметра.

Наконецъ, не лишнее указать, что на маленькой склейкѣ, въ верхнемъ лѣвомъ углу, видна нижняя часть отъ буквы к, принадлежащей къ слову „колокола“, написанной почти по мѣсту соединенія 2-го и 3-го листовъ *), при чемъ сильный росчеркъ въ буквѣ к опустилъ концы ея на слѣдующій листъ; вѣдь если бы маленькая часть 3-го листа была замѣнена, то нижнихъ концовъ буквы к именно и не доставало, а мы имѣемъ какъ разъ обратное.

На листѣ имѣется два большихъ пятна; одно изъ нихъ—на серединѣ, захватывая нѣсколько верхнюю склейку листа; другое пятно — внизу, не полное. Пятно, на серединѣ листа, имѣетъ въ длину 17, 6 см.; нижнее пятно—17 см., недостающая часть его должна содержать около 0,5 см.

Листъ 4-ый. Продолженіе и конецъ показаній Русина Ракова о запирательствѣ Михаила Нагово, и приказъ слѣдователей поставить къ допросу, вслѣдствіе указаній Русина Ракова, Григорія Нагово и Ми-

*) Въ настоящее время нижній край 2-го листа осыпался и отъ слова „колоколъ“ видны лишь двѣ послѣднія буквы.

хаилова человѣка Нагово Бориску Ѳѳонасьева:

„у Григорья, и Григореи ему сказалъ, что есть у него ножъ нагаискои за замкомъ, а ключь у брата его у Михаила Нагово; и тотъ Бориско, Михаиловъ человѣкъ, приходилъ къ Михаилу для ключа, и Михаило съ нимъ къ Григорью и ключъ прислалъ; и тотъ ножъ Григореи, вынявъ изъ ларца, и далъ ему Русину; и wнъ тотъ ножъ, взявъ у Григорья, и положилъ на побитыхъ людеи.

И тово жъ часу, князь Василей, и Wндрѣи и Елизареи велѣли поставити Григорья Нагово и Михаилова человѣка Нагово Бориска Ѳѳонасьева и разпрашивали про смерть про царевичеву, и про убивство Михаила Битяговского съ товарыщи и про ножи: для чего братъ ево Михаило велѣлъ, ножи собравъ, класти на побитыхъ людеи, и ты ножъ городовому приказщику Русину давывалъ лы?“

Правильность помѣщенія этого листа въ дѣлѣ вслѣдъ за 3-мъ листомъ не вызываетъ никакихъ сомнѣній.

Листъ имѣетъ три пятна. На верху, очень незначительную часть — въ 0,5 см., которая должна дополнять пятно на листѣ 3-мъ, внизу. Второе пятно — цѣльное, на серединѣ листа, длиной въ 17,2 см. Третье—длиной въ 10,8 см. — имѣетъ на этомъ листѣ немного болѣе половины, оставляя около $^1/_3$ на слѣдующемъ листѣ.

Листъ 5-ый состоитъ изъ двухъ частей; на первой записано показаніе Григорія Нагово, на второй приказъ слѣдователей поставить къ допросу Василису Волохову и жильцовъ, которые были съ царевичемъ:

1-ая часть листа. „А Григореи Нагои въ розпросе сказалъ: что городовои приказщикъ Русинъ Раковъ пыталъ у него про ножъ, и онъ Григореи сказалъ ему, что есть у него ножъ нагаиской, да за замкомъ, а ключъ у брата ево, у Михаила Нагово; и онъ человѣка своего Бо-

риска и посылалъ къ брату своему, къ Михаилу, и братъ ево Михаилѡ съ человѣкомъ съ ево и прислалъ къ нему ключь, и ѡнъ, вынявъ ножъ, и далъ городовому приказщику Русину Ракову".

2-ая часть листа. „Да князь Василеи жъ и Ондрѣи и Елизареи велѣли поставити передъ собою вдову Василису Волохову и жилцовъ, которые были съ царевичемъ: Петрушку Колобова, Бажѣнка Тучкова, Івашка Красенского, Гришку Козловского и розпрашивали Василисы и жилцовъ про царевичеву Дмитрееву смерть: кот[о]рымъ ѡбычьемъ царевичю Дмитрею смерть случилась?"

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этого листа замѣчается много странностей, какъ по содержанію написаннаго на немъ текста, такъ и по внѣшнему виду листа.

Послѣ запирательства Михаила Нагово въ томъ, что онъ приказалъ класть Русину Ракову ножи на убитыхъ людей, послѣдній обратился къ слѣдователямъ съ просьбой опросить, въ качествѣ свидѣтелей, Григорья Нагово и Михаилова человѣка Бориску Ѳѳонасьева, которые бы подтвердили его вышеупомянутое показаніе. Слѣдователи согласились:

(Листъ 4). „И тово жъ часу, князь Василей, и Ѡндрѣи и Елизареи велѣли поставити Григорья Нагово и Михаилова человѣка Нагово Бориска Ѳѳонасьева и розпрашивали про смерть про царевичеву, и про убивство Михаила Битяговского съ товарыщи и про ножи: для чего братъ ево Михаило велѣлъ, ножи собравъ, класти на побитыхъ людеи, и ты ножъ городовому приказщику Русину давывалъ лы?"

Итакъ, допрашиваемые должны были отвѣтить на четыре вопроса:

1) про смерть царевича,
2) про убійство Михаила Битяговскаго съ товарищами,
3) про ножи, и
4) давалъ ли Михаило Нагой ножъ Русину Ракову?

— Эти отвѣты должны быть помѣщены на слѣдую-

щемъ, т.-е. 5-мъ листѣ. Однако, вмѣсто нихъ мы видимъ, что Григорій Нагой начинаетъ разсказывать прямо „про ножи“, опуская всѣ остальные вопросы. Содержаніе отвѣта Григорія Нагово чрезвычайно кратко и занимаетъ всего $9^1/_2$ строкъ. Странной кажется и сама форма записи этого показанія, начинающаяся: „А Григорей Нагой въ розпросе сказалъ....“; какъ будто Григорій Нагой уже послѣ показаній возражаетъ на чьи-либо слова, и слѣдователи, записывая въ протоколъ, указываютъ, что допрашиваемый протестуетъ, и въ свое оправданіе даетъ новыя свѣдѣнія. Обычная же форма записи въ протоколѣ, наблюдаемая во всемъ дѣлѣ, иная.—„Князь Василей и Ондрѣй и Елизарей велѣли поставити передъ собою (такого-то) и розпрашивали“..., на что слѣдуетъ отвѣтъ: „И (такой-то) въ розпросѣ сказалъ...“. „А“ употребляется лишь въ томъ случаѣ, когда допрашиваемыхъ нѣсколько и послѣ того какъ одинъ закончитъ свою рѣчь, уступая мѣсто слѣдующему, въ протоколѣ записывается: „А такой-то сказалъ...“, чѣмъ указывается на новое свѣдѣніе, или дополняющее показаніе перваго, или опровергающее его.

Водяныя пятна на мѣстѣ склейки 4-го и 5-го листовъ совершенно не подходятъ другъ къ другу. — Пятно на верхнемъ концѣ 5-го листа составляетъ форму почти полнаго круга и не имѣетъ только верхушки, которая должна бы быть на предыдущемъ 4-омъ листѣ. Но, если мы обратимся къ пятну на нижнемъ концѣ 4-го листа, то увидимъ, что оно состоитъ почти изъ половины цѣльнаго круга, т.-е. своимъ размѣромъ значительно превышаетъ недостающую часть къ пятну 5-го листа. Измѣреніе большого цѣльнаго пятна на 4-омъ листѣ показываетъ, что на мѣстѣ склейки 4-го и 5-го листовъ, величина пятна должна равняться 17 см., между тѣмъ половина пятна на нижнемъ концѣ 4-го листа имѣетъ 10,8 см., а пятно (почти цѣльное) на верху 5-го листа—13 см., то есть пятно на мѣстѣ склейки 4-го и 5-го листовъ вмѣсто 17 см. имѣетъ 23,8 см., совершенно различаясь, кромѣ того, своей формой.

Все это указываетъ, что листъ 5-й при составленіи дѣла не могъ быть помѣщенъ на то мѣсто, гдѣ онъ находится сейчасъ и попалъ сюда случайно.

Что же должно слѣдовать за 4-ымъ листомъ? — Текстъ его требуетъ, чтобы у допроса стоялъ Григорій Нагой, его „рѣчи“ должны находиться на слѣдующемъ листѣ, и именно съ тѣми отвѣтами, каковыхъ ждали слѣдователи, задавшіе опредѣленные четыре вопроса.

— Пропуская листы 5-ый, обѣ его склейки, и 6-ой, мы на 7-омъ листѣ снова встрѣчаемъ показаніе Григорія Нагово. Содержаніе этого листа какъ разъ составляютъ отвѣты, которые мы ожидали видѣть на 5-омъ листѣ. Начинается листъ словами, вполнѣ отвѣчающими требованіямъ формы:

Листъ 7. „И Григореи Ѳедоровъ сынъ Нагово въ розпросе сказалъ: что дѣялось тѣмъ ѡбычьемъ, маия въ ѥї [15] день, въ суботу, поѣхали ѡни, Михаило братъ ево, да ѡнъ Григореи, къ себѣ на подворь[ѣ] обѣдать; и толко ѡни пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и они чаели, что загорѣлося и прибежали на дворъ, ажно царевичъ Дмитреи лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучеи болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была; а какъ они пришли, а царевичъ ещо живъ былъ и при нихъ преставился. А Михаило Битяговскои былъ у собя на подворье и прискакалъ къ царице на дворъ, и на дворъ прибежали многие люди посадцкие и посошные и почали говорить, невѣдомо хто, что будто зарѣзали царевича Дмитрея Михаиловъ сынъ Битяговского Дан[и]ло, да Ѡсипъ Волоховъ да Микита Качаловъ; а Михаил[о] Битяговскои учалъ розговаривать, и посадцкие люди кинулися за Михаиломъ Битяговскимъ, и Михаило уб[ѣ]жалъ въ Брусеную избу на дворѣ, и посадцкие люди выломали двери и Михаила выволокли, и тутъ ево убили

(продолженіе на слѣдующемъ—8-омъ листѣ)

до смерти, а Данила Третьякова тутъ же съ Михаиломъ

убили вмѣстѣ; а сына Михаилова, Данила Битяговского, и Микиту Качалова убили въ Дьячьеи въ Розрядноиизбѣ; а Осипа Волохова привели къ царице въ верхъ, къ церкве къ Спасу, и тутъ ево передъ царицею убили до смерти; а людеи Михаиловыхъ Битяговского четырехъ человѣкъ, и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ и посадцкихъ людеи трехъ человѣкъ, гдѣ ково изымали, убили чернью, невѣдомо гдѣ; и тово онъ не вѣдаетъ, про што тѣхъ людеи побили. А людеи они посадцкихъ збирали для князя Василья Ивановича Шуиского, да для Wндрѣя Петровича Клешнина да Елизарья Вылузгина, а блюлись wтъ государя опалы, чтобъ хто царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ де-и звонить учалъ понамарь, Wгурцомъ зовутъ. А вчерась де во вторникъ, маия въ ѳї [19] день, братъ ево Михаило Нагои велѣлъ городовому приказщику Русину Ракову збирати ножи, и велѣлъ курячью кровью кровавити; да велѣлъ палицу желѣзную добыть. И тѣ ножи и палицу велѣлъ братъ ево Михаило Нагои покласти на тѣ люди, которые побиты: на Осипа Волохова, да на Дани[лу] на Михаилова сына Битяговского, да на Микиту на Качалова, да на Данила на Третьякова для того, что де будто се тѣ люди царевича Дмитрея зарѣзали.

Къ сѣмъ рѣчемъ wтецъ духовнои Григорьѧ Нагово цареконстѧнтиновскои попъ Богданъ руку приложилъ".

Повторяемъ, что въ этомъ показаніи мы видимъ всѣ тѣ отвѣты на вопросы, которые были поставлены слѣдователями и идутъ они въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ ихъ ставили:

1) Прежде всего Нагой отвѣчаетъ, какъ умеръ царевичъ,

2) затѣмъ онъ же даетъ показаніе про убійство Михаила Битяговскаго и товарищей,

3) слѣдующій отвѣтъ — о приказѣ Михаила Нагово збирать ножи, и

4) класть тѣ ножи Русину Ракову на побитыхъ людей.

Наконецъ, приводимъ въ доказательство справедливости нашего заключенія, что за листомъ 4-ымъ долженъ слѣдовать 7-ой листъ, а не 5-ый, безпристрастнаго свидѣтеля—водяное пятно.

— Мы уже указывали, что на мѣстѣ склейки листовъ оно должно равняться, по сравненію съ цѣльнымъ пятномъ въ серединѣ 4-го листа—имѣющимъ 17 см., также 17 см. или незначительно менѣе. Складывая величины частей пятна нижняго, на листѣ 4-мъ, въ 10,8 см. и верхняго—на листѣ 7-омъ—въ 6,2 см., мы получаемъ вполнѣ правильное, круглое пятно въ 17 см.*).

Мы нѣсколько забѣжали впередъ и, разсматривая порядокъ расположенія листовъ, говорили лишь о верхней склейкѣ 5-го листа, оставивъ безъ изслѣдованія нижнюю склейку того же листа, которая содержитъ приказъ слѣдователей поставить къ допросу мамку царевича—Василису Волохову и жильцовъ.

Вызовъ къ допросу Василисы Волоховой совершенно неумѣстенъ и появляется въ этомъ мѣстѣ неожиданно, если мы вспомнимъ, что Русинъ Раковъ, желая подтвердить свои показанія и уличить во лжи Михаила Нагово, сослался на двухъ свидѣтелей: Григорія Нагово и Михаилова человѣка Нагово—Бориску Овонасьева, которыхъ слѣдователи и поставили передъ собой (листъ 4-ый).

Рѣчи Григорія Нагово мы слышали, онѣ изложены, какъ указано, на 7-омъ листѣ (опуская пока 5-ый). Далѣе въ дѣлѣ появляется Василиса Волохова! Куда же дѣвался Бориска Овонасьевъ? Что же забыли про него, стоящаго передъ слѣдователями, а почему то занялись допросомъ Василисы Волоховой?— Между тѣмъ, показаніе Бориски Овонасьева, перебивая „рѣчи“ Василисы Волохо-

---

*) Слѣдуетъ принимать во вниманіе, что одинъ или два мм. должны идти на мѣсто склейки листовъ и тѣмъ укорачивать пятно; поэтому при склеенныхъ листахъ, пятна на 4 и 7 листахъ составятъ, въ дѣйствительности, не 17 см., а 16,8 см.

вой, появляется на листѣ 6-омъ. Если посмотримъ на пятно, на мѣстѣ соединенія обѣихъ склеекъ 5-го листа, то увидимъ, что оно чрезвычайно мало и отличной отъ сосѣднихъ формы, имѣющее всего 7,8 см., тогда какъ предыдущее равнялось почти 17 см. Ясно, что эта склейка съ приказомъ поставить къ допросу Василису Волохову и жильцовъ, которые были съ царевичемъ, вставлена не на то мѣсто, гдѣ оно было первоначально. Мы должны имѣть за 7-ымъ листомъ листъ 6-ой, съ показаніемъ Бориски Ѳѳонасьева, рѣчи котораго и записаны въ протоколѣ по надлежащей формѣ, послѣ Григорія Нагово, начинаясь восклицаніемъ „А“, чѣмъ указывается на противупоставленіе съ предыдущимъ допрашиваемымъ:

Листъ 6-ой. „А Бориско Ѳѳонасьевъ, Михаиловъ же человѣкъ Нагово, въ розпросе сказалъ: какъ пріѣхалъ Темиръ Засѣцкой во ѳторникъ въ вечеру на Углечь, и Михаило Нагои учалъ говорити, чтобъ ножи собрати, да положити на тѣхъ побитыхъ людеи, и учалъ приказывати Русину Ракову, а велѣлъ собрати ножи, да положити на тѣхъ побитыхъ людеи, и палицу желѣзную велѣлъ взяти у Михаила у Битяговского въ клети, да велѣлъ на тѣхъ же людеи положити; а Русинъ у него Раковъ пыталъ ножа, и онъ Бориско сказалъ ему, — есть ножъ таковъ у Григорья Нагово нагаискои; и Русинъ Раковъ пыталъ про тотъ ножъ у Григорья Нагово, и Григореи Русину сказалъ, что есть у него ножъ за замкомъ, а ключъ у Михайла у Нагово; и ѡнъ Бориско ходилъ ѡтъ Григорья къ Михаилу къ Нагому для ключа, и Михаило съ нимъ къ Григорью и ключъ послалъ; и Григореи съ Русиномъ по ножъ ходилъ и, вынявъ Григореи ножъ, ѡтдалъ Русину, и Русинъ тотъ ножъ на тѣхъ побитыхъ людеи и положилъ; а Тимоха, Михаиловъ человѣкъ, въ понедѣлникъ въ вечеру збежалъ, невѣдомо гдѣ“.

Итакъ, выяснилось, что 2-ая склейка **5**-го листа, съ приказомъ слѣдователей поставить Василису Волохову и

жильцовъ, помѣщена въ дѣлѣ неправильно. Ни по своему содержанію, ни по формѣ водяныхъ пятенъ эта склейка не подходитъ какъ продолженіе 1-ой склейки 5-го листа. Часть пятна въ 2,5 см. на 1-ой склейкѣ 5-го листа и часть пятна въ 5,3 см. составляютъ вмѣстѣ лишь 7,8 см., тогда какъ приблизительная величина цѣльнаго пятна на мѣстѣ обѣихъ склеекъ должна быть въ 17 см.

Переходя къ слѣдующему листу—6-му, на которомъ цѣликомъ помѣщено показаніе Бориски Ѳѳонасьева, и мѣсто котораго въ дѣлѣ уже было опредѣлено нами выше, мы только укажемъ, что по формѣ своихъ пятенъ этотъ листъ не подходитъ ни къ предшествующей ему 2-ой склейкѣ 5-го листа, ни къ послѣдующему 7-му листу.—Верхнее пятно на листѣ 6-омъ почти цѣльное, не имѣетъ верхушки въ 3 см., тогда какъ нижнее пятно на 2-ой склейкѣ 5 листа равно 2,5 см., то-есть почти половинѣ цѣльнаго пятна.

Слѣдя по тексту дѣла, мы остановились на записи показаній Бориски Ѳѳонасьева. Изъ его рѣчей видно, что онъ довольно подробно разсказалъ про передачу Григорьемъ Нагимъ ножа Русину Ракову. Болѣе Бориско Ѳѳонасьевъ ни на кого не указалъ, ни на какихъ свидѣтелей не ссылался, и мы не имѣемъ прямыхъ указаній изъ дѣла, чьи рѣчи должны были слѣдовать послѣ Бориски Ѳѳонасьева.

Теперь напомнимъ, что у насъ осталась еще небольшая часть листа съ рѣчами Григорія Нагово, та самая, которую архиваріусъ помѣстилъ вслѣдъ за 4-ымъ листомъ и которая начинается неправильно, и какъ бы неожиданно, словами: „А Григореи Нагои въ розпросе сказалъ...“. Не есть ли это вторичный, дополнительный допросъ Григорію Нагому, послѣ того какъ стоящій съ нимъ Бориска Ѳѳонасьевъ указалъ на него, какъ на главное лицо въ дѣлѣ передачи Русину Ракову ножей, для положенія ихъ на побитыхъ Угличанъ? Вполнѣ естественно, что слѣдователи, получивши отъ Бориски Ѳѳонасьева такія важныя свѣдѣнія, снова обратились къ Григорью Нагому съ до-

полнительнымъ разспросомъ, въ которомъ бы онъ или сознался, или опровергъ показанное Борискою Ѳѳонасьевымъ. Беря теперь 1-ую склейку 5-го листа, мы увидимъ сейчасъ, что дѣйствительно она какъ разъ содержитъ эти дополнительныя показанія, гдѣ Григорій Нагой, спрошенный слѣдователями, сознался въ дѣйствіяхъ, указанныхъ Борискою Ѳѳонасьевымъ:

Листъ 5-ый. „А Григореи Нагои въ розпросе сказалъ: что городовои приказщикъ Русинъ Раковъ пыталъ у него про ножъ, и онъ Григореи сказалъ ему, что есть у него ножъ нагаиской, да за замкомъ, а ключъ у брата ево, у Михаила Нагово; и онъ человѣка своего Бориска и посылалъ къ брату своему, къ Михаилу, и братъ ево Михаилѡ съ человѣкомъ сь ево и прислалъ къ нему ключь, и ѡнъ, вынявъ ножъ, и далъ городовому приказщику Русину Ракову".

Ясно, что за листомъ 6-ымъ долженъ слѣдовать листъ 5-ый, верхняя его половина.

Подтвердимъ наши указанія ссылкой на пятна.

Помѣщая листъ 5-ый вслѣдъ за 6-мъ, мы на мѣстѣ склейки получимъ большое пятно, состоящее изъ двухъ частей: одна въ 3,5 см., другая въ 12,8 см., а всего 16,3 см.; отбрасывая 2 миллиметра на мѣсто склейки, получимъ 16,1 см. Сравнивая это пятно съ вышележащимъ цѣльнымъ пятномъ, на серединѣ 6-го листа, мы увидимъ, что по своей величинѣ оно занимаетъ мѣсто въ послѣдовательномъ рядѣ уменьшенія пятенъ, по мѣрѣ удаленія листовъ вглубь свитка, вполнѣ правильно, такъ какъ предыдущее пятно, на серединѣ 6-го листа, равно 16,2 см.

Слѣдующій **листъ—7-ой**, который уже былъ нами разсмотрѣнъ, содержитъ показаніе Григорія Нагово.

Листъ этотъ долженъ быть помѣщенъ вслѣдъ за 4-мъ. Показаніе Григорія Нагово не умѣстилось на одномъ листѣ и имѣетъ продолженіе на слѣдующемъ—8-омъ, который также почти весь заполненъ текстомъ. На оставшемся

внизу свободномъ мѣстѣ сдѣлана подпись духовника Григорья Нагово—попа Богдана: „Къ сѣмъ рѣчемъ wтецъ духовнои Григорьѧ Нагово цареконстѧнтиновскои попъ Богданъ руку приложилъ“. На оборотной сторонѣ листа, по мѣсту скейки его съ 8-мъ листомъ, имѣемъ рукоприкладство самого Григорія Нагово: „Къ сѣмъ рѣчемъ Григореи руку ложилъ“. Ниже сдѣлано рукоприкладство архимандрита Ѳедорита: „А въ тѣ поры былъ у спросу Воскресенскои архимаритъ Ѳедоритъ и къ тѣмъ рѣчемъ и руку приложилъ“.

Листъ 8-ой, составляя продолженіе показаній Григорія Нагово, уже по содержанію текста указываетъ на правильность своего положенія въ дѣлѣ, т. к. конецъ 7-го листа и начало 8-го занято одной фразой: (л. 7) „и тутъ ево убили (л. 8) до смерти....“.

Листъ 9-ый. Этотъ листъ есть отрывокъ отъ челобитной, поданной неизвѣстнымъ лицомъ.

Сохранившаяся часть состоитъ изъ одного цѣльнаго листа и содержитъ вторую половину челобитной, вѣрнѣе ея конецъ; только верхушка листа слегка оборвана, впрочемъ безъ утраты строкъ текста. Въ изданіи угличскаго слѣдственнаго дѣла А. С. Суворина относительно разсматриваемаго листа замѣчено: „начало этого обрывка столбца оторвано (около $^1/_2$ вершка)“. Однако это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, т. к. правый верхній край листа сохранился полностью, на немъ ясно видна полоса мяздриннаго клея и даже уголъ отъ предыдущаго листа, оторвавшійся вслѣдствіе прочности склейки.

Приведемъ содержаніе этого отрывка, чтобы выяснить, кому онъ могъ принадлежать и привильное ли онъ занимаетъ мѣсто въ дѣлѣ.

„. . . . . Миха[и]лу Нагово ро[з]говаривати и посадцкимъ люде[мъ], чтобъ wнъ, Михаила, унелъ шумъ и дурна которого не здѣлалъ, и царица де, государь, Марья и Михаило Нагои де Михаила Битяговского

туто велѣли убити посадцкимъ людемъ. И Михаило побежалъ въ Брусеную избу, а съ нимъ Микита Качаловъ, и Михаила из-ызбы выволокли и тутъ убили, а сына Михаилова Данила и Данила Третьякова велѣлъ убити Михаило Нагои въ Діячье избѣ; да Михаило жъ, государь, Нагои велѣлъ убити посадцскихъ людеи трехъ человѣкъ, которые были прихожи къ Михаилу Битяговскому, да Михаиловыхъ людеи Битяговского четырехъ человѣкъ, да жоночку Михаилову, розстрелявъ, въ воду посадили, да Осиповыхъ людеи Волохова дву человѣкъ, да Данила Третьякова человѣка; а побивъ тѣхъ людеи, въ ровъ велѣлъ пометать, а иныхъ, государь, Михаиловыхъ людеи Битяговского въ тюрму посажали, и подворье Михаила Битяговского велѣлъ розграбить. И после, государь, того на завтрее, въ недѣлю, присылалъ ко мнѣ Михаило Нагои человѣка своего, Борискомъ зовутъ, зъ грозою и съ лаею, а говорилъ, государь, мнѣ человѣкъ ево Бориско: чего де тебѣ здѣся дожить, того ль де и дожидаешся, что и тебя съ тѣми жъ побитыми людми вмѣсте положити съ Михаломъ зъ Битяговскимъ съ товарыщи? Да меня жъ холопа твоего

(окончаніе на слѣдующемъ листѣ—10-мъ, верхней его склейкѣ)

после того искали и хотѣли потому жъ убити; а говорилъ Михаило Нагои, что де бутто се язъ холопъ твои не для посохи присланъ, а присланъ провѣдывать вестеи, что у нихъ дѣетца. Милостивыи царь государь, покажи милость, не вели мнѣ того въ опалу поставить въ посошныхъ людехъ Михаила зъ братомъ да Ондрѣя Нагихъ. Царь государь, смилуися“.

Хотя прямого указанія въ текстѣ нѣтъ, кому принадлежитъ эта челобитная, но уже при бѣгломъ просмотрѣ ея содержанія, становится очевиднымъ, что она составлена городовымъ приказчикомъ Русинымъ Раковымъ. Здѣсь встрѣчаемъ тѣ же факты, которые изложены и на 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ листахъ, а также въ другой чело-

битной Русина Ракова, поданной на Угличѣ митрополиту Геласію (листъ 48).

Въ разсматриваемомъ отрывкѣ главное мѣсто отводится приказу Михаила Нагово Русину Ракову собрать ножи, пищали и палицу и положить ихъ на побитыхъ угличанъ. Упоминается Бориско, человѣкъ Нагово: „..назавтрее въ недѣлю присылалъ *ко мнѣ* Михаило Нагои человѣка своего, Борискомъ зовутъ", и т. д.

Въ высшей степени загадочнымъ кажется появленіе челобитной Русина Ракова среди протокола слѣдственной Комиссіи. Странно и то, что въ дѣлѣ нѣтъ рѣчей Русина Ракова, записанныхъ въ обычной протокольной формѣ, его къ допросу не ставили и не разспрашивали.—На приведенномъ выше 3-емъ листѣ дѣла записаны не рѣчи Русина Ракова, а лишь возраженія противъ Михаила Нагово, съ указаніемъ на его запирательство. Между тѣмъ, дѣло началось съ того, что слѣдователи, допросивъ Михаила Нагово, первыми записываютъ въ протоколъ его рѣчи; при чемъ въ этихъ рѣчахъ Михаило Нагой отрицаетъ всѣ тѣ улики, которыя привелъ противъ него Русинъ Раковъ. Такимъ образомъ, прочтя первые листы дѣла, ясно видимъ, что Русинъ Раковъ давалъ уже какія то показанія, до допроса Михаила Нагово, иначе послѣдній не сказалъ бы слѣдователямъ, что онъ „Михаило Нагой посадцки[мъ] всякимъ людемъ побити ихъ (т. е. Михаила Битяговского и сына его Данилу) не веливалъ.....; а ножеи, wнъ, и пищалеи, и палки желѣзные и сабель городовому приказщ[ику] Русину Ракову збирати и класти на побит[ыхъ] людеи не веливалъ; а збиралъ ножи, и пища[л]и, и сабли и палку желѣзную и клалъ на побиты[хъ] людеи городовои приказщикъ Русинъ Раковъ; и го[ро]дового wнъ приказщика къ целованью не приваживалъ, то на него городовои приказщикъ взводитъ".

Однако, кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Русинъ Раковъ могъ давать какія то показанія и говорить раньше Михаила Нагово, когда въ протоколѣ допросныя

рѣчи Нагово записаны первыми и листъ содержащій эти рѣчи начинается словами: „И тово жъ дни, маия въ ѳ҃і [19] день въ вечеру, пріѣхали на Углечь князь Василей, и Ондрѣй и Елизареи и [разс]прашивали Михаила Нагово...“

При настоящемъ состояніи подлинника дѣла не легкой загадкой является, какъ согласовать два вопроса: 1) слѣдователи, въѣхавши въ Угличъ, первымъ начали допрашивать Михаила Нагово, 2) а самъ Михаила Нагой указываетъ, что обвиненія, которыя на него „взвелъ“ Русинъ Раковъ, ложны. Словомъ, выходитъ, что „оба раньше“ другъ друга начали говорить и давать свои показанія! Естественно, что историки вывели заключеніе о сомнительности такого протокола.

Карамзинъ, говоря о недобросовѣстномъ веденіи Шуйскимъ слѣдствія, указываетъ, что: „собравъ духовенство и гражданъ онъ (Шуйскій) спросилъ у нихъ: *какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ самъ себя?*“ *) Этимъ, такъ сказать, Шуйскій какъ бы умышленно ограничилъ свидѣтелямъ возможность разсказывать то, что они сами видѣли и слышали отъ другихъ, и должны были отвѣчать лишь на вопросы поставленные Шуйскимъ такъ, чтобы можно было свалить всю вину на Нагихъ.

Архіепископъ Филаретъ о допросѣ Михаилѣ Нагому говоритъ.—„Этотъ самый первый допросъ въ слѣдственной бумагѣ предложенъ такъ: „которымъ обычаемъ Царевича не стало? И что его болѣзнь? И для чего онъ велѣлъ убити Битяговскаго?“. Если уже спросили: какимъ образомъ Царевичъ умеръ? то вопросъ: „и что его болѣзнь?“ или лишній, или онъ указываетъ на особенныя намѣренія судей. Если хотѣли вторымъ вопросомъ пояснить первый, то надобно было спросить: отъ болѣзни ли умеръ Царевичъ, или насильственно? Спрашивая же только о болѣзни судей, заставляютъ думать, что имъ хочется, чтобы не

*) Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Изд. Эйнерлинга. Кн. III, т. X, стр. 80.

говорили о насильственной смерти Царевича, а только подтверждали, будто онъ закололъ себя въ припадкѣ болѣзни, имъ, судьямъ извѣстной. Какъ хотите, а эти вопросы подозрительны. Но вотъ и еще подозрѣніе въ неправдѣ слѣдователей, возбуждаемое самымъ началомъ дѣла ихъ. Слѣдователи начинаютъ, прежде всего, допрашивать Михайла Нагаго, и допрашиваютъ не только о смерти Царевича, но и о томъ, зачѣмъ Нагой велѣлъ убить Битяговскаго и другихъ; зачѣмъ велѣлъ положить на убитыхъ ножи; зачѣмъ собиралъ людей и приводилъ къ присягѣ Русина Ракова? Для каждаго понятно, что существенное дѣло, дѣло самой величайшей важности, чѣмъ должны были заняться слѣдователи, есть смерть Царевича; а они, въ самый первый разъ, выставляютъ вопросы, совсѣмъ сторонніе для главнаго дѣла. Велѣлъ ли, или не велѣлъ, Нагой класть ножи на трупы убитыхъ, это не только не имѣетъ связи съ смертію Царевича, но и не служитъ къ обвиненію, или оправданію, Нагаго по отношенію къ смерти Битяговскаго и другихъ,—это дѣло особое, дѣло, которому должно было дать мѣсто развѣ въ концѣ слѣдствія о смерти Царевича, а не въ самомъ началѣ. Иначе слѣдователи самымъ первымъ допросомъ своимъ уже показываютъ, что хотятъ не того, чтобы привести главное дѣло въ ясность, но рѣшились запутать его и, если удастся, выставить въ другомъ видѣ. Тѣмъ же началомъ слѣдствія и обстоятельствами дѣла вполнѣ оправдывается извѣстіе лѣтописи, что о происшествіяхъ въ Угличѣ получено было вѣрное донесеніе въ Москвѣ, но, вмѣсто сего донесенія, Годуновъ представилъ царю другое, заранѣе приготовленное, о самозакланіи Царевича въ падучей болѣзни. Съ чего слѣдователи начинаютъ допросы свои допросомъ не только о болѣзни Царевича, но и о разныхъ обстоятельствахъ? По смерти Битяговскихъ, Качалова, Третьякова, городъ остался во власти Нагихъ, которые, безъ сомнѣнія, не писали ни о болѣзни Царевича, ни о томъ, что Михайла Нагой велѣлъ убить Битя-

говскихъ. Откуда же эти извѣстія въ самомъ первомъ допросѣ? Если допустить, что слѣдователи, по прибытіи въ Угличъ, прежде всего выслушали городоваго прикащика, Русина Ракова, и съ его показаній взяли свои вопросы М. Нагому, то опять не въ порядкѣ дѣла, зачѣмъ доносъ лицъ столько важныхъ, каковы Нагіе, родственники Царевича, въ самомъ началѣ дѣла приведенъ въ подозрѣніе, и ему предпочтенъ доносъ человѣка столько малозначащаго? Каждый согласится, что предпочитая доносъ какого ни будь городничаго доносу Нагихъ, слѣдователи обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ, какую-то непріязнь къ Нагимъ и къ ихъ доносу,—непріязнь, которая сама обличаетъ нечистый ходъ дѣла*).

С. М. Соловьевъ, мѣтко указывая всѣ противорѣчія, встрѣчающіяся въ слѣдственномъ дѣлѣ, также отмѣтилъ и эту странность.—

„Слѣдователи пріѣхали 19-го мая, вечеромъ; въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михайлѣ Нагому, и о чемъ же спросили? не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и что происходило потомъ? но спросили: какая болѣзнь была у царевича, зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей и положить на нихъ оружіе, зачѣмъ сбиралъ людей, приводилъ городового прикащика ко кресту? Тотчасъ же представляется вопросъ: *какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это?*“**) и послѣ уже изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличъ, прежде всего выслушали городового прикащика, Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичъ убился самъ. И такъ въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: *о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній Русина Ракова!*“ ***).

*) Чтенія въ Имп. Общ. И. и Д. Р., 1858. Книга первая, стр. 17—18.

**) Курсивъ нашъ.

***) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ VII, изд. 3. М. 1870, стр. 391.

Теперь обратимся къ дипломатическому изслѣдованію этого загадочнаго мѣста документа.

Все затрудненіе повидимому только въ томъ, что челобитная Русина Ракова помѣщена въ дѣлѣ *послѣ* допроса Михаила Нагово. Но если бы челобитную можно было переставить куда-либо раньше листа съ допросомъ Михаила Нагово, то вся загадка исчезаетъ и вопросъ объясняется очень просто и скоро. Но, скажутъ, какъ же можно переставить челобитную Русина Ракова на мѣсто предшествующее показаніямъ Михаила Нагово? Тогда окажется, что Русинъ Раковъ далъ свои показанія раньше, чѣмъ Шуйскій съ товарищами начали вечеромъ 19-го мая вести разслѣдованіе, гдѣ *первымъ* былъ допрошенъ Михаило Нагой?— На это мы позволимъ себѣ отвѣтить, что до сихъ поръ было какое-то заблужденіе, заставлявшее видѣть въ пресловутомъ листѣ, со словами: „И тово жъ дни, маия въ ѳ҃і [19] день, въ вечеру, пріѣхали на Углечь“ и т. д., *начало* работы Комиссіи. Начать съ того, что угличское слѣдственное дѣло, какъ мы указывали, начинается по подлиннику совсѣмъ не со словъ: „И тово жъ дни, маия въ ѳ҃і [19] день, въ вечеру, пріѣхали на Углечь..“, а небольшимъ отрывкомъ съ допросомъ слѣдователями Русина Ракова. Это упущено изъ виду всѣми изслѣдователями, и упущенно именно потому, что они не видали оригинала, а пользовались для своихъ работъ печатнымъ изданіемъ 1819-го года, гдѣ первый листъ дѣла по какимъ то страннымъ соображеніямъ помѣщенъ передъ 9-мъ листомъ, т. е. передъ челобитной Русина Ракова. Едвали издатели не замѣтили, что 1-й листъ есть отрывокъ отъ *протокола* съ рѣчами Русина Ракова, а листъ 9-й содержитъ его *челобитную*. Историкъ С. М. Соловьевъ, конечно, не отмѣтилъ бы мнимую странность слѣдованія рѣчей Русина послѣ того, какъ Нагой уже допрашивался по вопросамъ указаннымъ самимъ Раковымъ. Въ этомъ виноваты издатели акта.

Но теперь является вопросъ, какъ мы должны разсматривать тотъ маленькій клочекъ листа, который содер-

житъ рѣчи Русина Ракова? Онъ долженъ предшествовать листу 2-му, т. е. листу со словами: „И тово жъ дни“— это достаточно выяснено выше, гдѣ мы подробно разсматривали его. Но изъ того же 2-го листа видно, что засѣданія Комиссіи начались съ допроса Михаила Нагово. Слѣдовательно тотъ клочекъ 1-го листа есть часть отъ какихъ то показаній Русина Ракова съ рядомъ уликъ противъ Михаила Нагово. Эти свѣдѣнія были сообщены Русиномъ до начала засѣданій, т. е. до того времени, когда протоколистъ записалъ фразу: „И тово жъ дни“.

Теперь уже наполовину становится яснымъ, почему угличское слѣдственное дѣло начинается съ допроса Михаила Нагово: именно потому, что Русинъ Раковъ увѣдомилъ слѣдователей о поступкахъ Нагово, и увѣдомилъ ихъ тогда, когда слѣдователи еще не начали своихъ засѣданій. Но почему же слѣдователи начали разговоръ и разспросы съ Русинымъ Раковымъ, *едва въѣхали въ Угличъ?*

Для рѣшенія этого вопроса мы и обратимся къ подлиннику, именно къ *челобитной* Русина Ракова.

Начнемъ съ разсмотрѣнія водяныхъ пятенъ на 9-мъ листѣ.— Онѣ имѣютъ совершенно отличную форму отъ всѣхъ другихъ пятенъ на бумагѣ подлинника. Въ послѣднемъ всѣ пятна близки къ овалу и разнятся между собой только величиной; ихъ раздѣляетъ просвѣтъ (непромоченная часть бумаги), напоминающій собой форму рыбьяго хвоста, хорошо различимую на листахъ съ 3-го по 20-ый. На 9-омъ же листѣ мы видимъ пятна, которыя заполняютъ почти всю поверхность листа; остаются лишь два серповидныхъ просвѣта, расположенныхъ одинъ подъ другимъ. Это указываетъ что листъ 9-ый промокъ *сильнѣе всѣхъ другихъ листовъ*, имѣющихся въ дѣлѣ, а слѣдовательно этотъ 9-ый листъ въ то время, когда документъ промокалъ, былъ самымъ близкимъ *къ началу* дѣла изъ всѣхъ сохранившихся до настоящаго времени листовъ.

Отсюда простой выводъ: изъ всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи листовъ на первомъ мѣстѣ мы

должны помѣстить листъ 9-ый, т. е. челобитную Русина Ракова.

Пойдемъ дальше и посмотримъ, насколько пятна, при современномъ помѣщеніи листа 9-го и его конца на листѣ 10-омъ между листами 8-ымъ и второй склейкой 10-го листа, будутъ соотвѣтствовать другъ другу по своей формѣ, и можно ли согласиться, что челобитная занимала это мѣсто въ документѣ во время его порчи водой. Беря 8-ой листъ, мы видимъ на немъ два большихъ овальныхъ пятна, раздѣленныхъ между собой просвѣтомъ въ формѣ рыбьяго хвоста. Длина пятна (нижняго) на листѣ 8-мъ равна 16,5 см., между тѣмъ на листѣ 9-мъ—17,5 см., т. е. оно больше послѣдующаго на 1 см., тогда какъ величина его должна быть меньше,—16,5 см. Кромѣ того, на листѣ 8-омъ, внизу, имѣется просвѣтъ въ формѣ рыбьяго хвоста, но его лѣвая часть заходитъ на слѣдующій листъ, т. е. на 9-ый, на самомъ же дѣлѣ на листѣ 9-омъ вся верхушка сплошь залита водой. Если теперь сравнимъ пятна 9-го листа съ послѣдующими пятнами, на второй склейкѣ 10-го листа, то и здѣсь замѣтимъ ихъ полное несоотвѣтствіе, которое видно съ перваго взгляда. Верхняя склейка почти вся темная отъ воды и лишь сверху есть просвѣтъ, вторая же склейка съ округлыми пятнами, изъ которыхъ верхнее усѣчено вверху и конечно никакого продолженія на верхней склейкѣ не имѣетъ. Это мѣсто документа служитъ лучшимъ и безспорнымъ доказательствомъ значенія пятенъ въ изслѣдованіи порядка листовъ дѣла. Итакъ, кажется достаточно свидѣтельствъ, говорящихъ, что листъ 9-й долженъ предшествовать всѣмъ имѣющимся въ дѣлѣ листамъ.—И смыслъ текста говоритъ за это, и неумѣстное присутствіе челобитной, и форма пятенъ.

Однако мы все еще не сказали, гдѣ же должно помѣстить челобитную Русина Ракова и какъ связать ее съ остальнымъ текстомъ, наконецъ, какое же значеніе могла имѣть челобитная, поданная на имя государя.

Дѣло это повидимому рѣшается слѣдующимъ образомъ.

Городовой приказчикъ Русинъ Раковъ, являвшійся однимъ изъ самыхъ крупныхъ административныхъ лицъ Углича*), естественно принималъ весьма дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, происходившихъ въ Угличѣ послѣ смерти царевича. Въ слѣдственномъ актѣ мы то и дѣло встрѣчаемъ его имя и видимъ хлопочущимъ вмѣстѣ съ Нагими, но по пріѣздѣ слѣдователей его роль мѣняется и онъ даетъ цѣлый рядъ уликъ противъ Михаила Нагово.

Мы не знаемъ, на комъ лежала обязанность извѣстить царя о случившемся въ Угличѣ, но, судя по должности Русина Ракова, послать въ Москву гонца долженъ былъ онъ.

Для насъ совершенно непонятно, почему арх. Филаретъ считаетъ Русина Ракова „малозначащимъ“ лицомъ и называетъ „доносомъ“ прямыя обязанности городового приказчика, главнаго административнаго лица Углича, вѣдавшаго въ немъ порядокъ.

Выѣхала Комиссія, съ Шуйскимъ во главѣ, вѣроятно въ тотъ же день, какъ прискакалъ гонецъ изъ Углича. Но раньше Шуйскаго и другихъ слѣдователей въѣхалъ въ Угличъ Темиръ Засѣцкой,—именно во вторникъ 18-го, „въ вечеру“, а на другой день, также вечеромъ пріѣхалъ Шуйскій. Вотъ въ это то время, до въѣзда Шуйскаго въ Угличъ, Русинъ

---

*) Городовой приказчикъ—самостоятельный до введенія воеводъ или до назначенія въ извѣстный городъ воеводы приказный человѣкъ въ Московскомъ государствѣ, существовавшій, наравнѣ съ намѣстниками, въ періодѣ кормленій. Въ это время Городовые приказчики собирали подати, отводили земли монастырямъ, исполняли нѣкоторыя полицейскія и судебныя обязанности. Въ началѣ XV в. значеніе Городовыхъ приказчиковъ увеличилось. Со времени повсемѣстнаго введенія воеводскаго управленія, они, какъ самостоятельные приказные люди, становятся исключеніемъ. Какъ подчиненные воеводамъ приказные люди, Городовые приказчики изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ XVII в. являются приблизительно въ той же роли, какъ и городничіе, вѣдая городъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ большинствѣ случаевъ былъ одинъ Городовой приказчикъ на цѣлый городъ. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 314).

Раковъ, узнавшій отъ Темира Засѣцкаго о назначеніи слѣдствія, и воспользовался, чтобы какъ слѣдуетъ оградить себя и указать виновника. Но и въ первоначальной грамотѣ, посланной въ Москву, могли быть не одни указанія о смерти царевича, но и другія подробности, такъ что слѣдователи могли быть знакомы съ поступками Нагово еще въ Москвѣ. Темиръ Засѣцкій, къ сожалѣнію не извѣстный намъ по своему положенію человѣкъ*), пріѣхавши на Угличъ, кое-что могъ сообщить о предстоящей расправѣ, что сразу заставило приняться за работу и Михаила Нагово, и Русина Ракова.—„Какъ пріѣхалъ Темиръ Засѣцкой во вторникъ въ вечеру на Углечь (говорилъ Бориско Ѳѳонасьевъ слѣдователямъ) и Михаило Нагои *учалъ говорити*, чтобъ ножи собрати да положити на тѣхъ побитыхъ людеи и учалъ приказывати Русину Ракову, а велѣлъ собрати ножи да положити на тѣхъ побитыхъ людеи...“ (Листъ 6-ой).

Григорій Ѳедоровъ сынъ Нагово также разсказываетъ, что: „во вторникъ маия, въ ѳ [19] день, (ошибочно, т. к. во вторникъ было 18-ое число) братъ ево Михаило Нагои велѣлъ городовому приказщику Русину Ракову збирати ножи, и велѣлъ курячью кровью кровавити; да велѣлъ палицу желѣзную добыть. И тѣ ножи и палицу велѣлъ братъ ево Михаило Нагои покласти на тѣ люди, которые побиты: на Осипа Волохова, да на Дани.. на Михаилова сына Битяговского, да на Микиту на Качалова, да на Данила на Третьякова для того, что де будто се тѣ люди царевича Дмитрія зарѣзали“. (Листъ 8-ой).

Таковы мѣры, принятыя Михаиломъ Нагимъ и Русинымъ Раковымъ, при чемъ все это было рѣшено лишь послѣ пріѣзда Темира на Угличъ, а цѣлыхъ четыре дня,

*) Упомнанiе объ немъ мы встрѣтили въ трудѣ И. Е. Забѣлина—Домашній бытъ Царицъ (изд. 3, стр. 370), гдѣ приведена челобитная вдовы Камышниковой, поданная въ 1642 г. Челобитчица, указывая службу покойнаго мужа, между прочимъ пишетъ: „служилъ мужъ мой прежнимъ государемъ..... былъ на Низу въ г. Астрахани съ головою съ Темиремъ Засѣцкимъ“.

съ субботы 15-го по вторникъ 18-го включительно, Михаило Нагой былъ повидимому спокоенъ въ составленномъ планѣ и не ждалъ наказаній за убійство угличанъ, а тѣмъ болѣе раскрытія истинной причины смерти царевича. Но неожиданныя вѣсти изъ Москвы сразу заставили его принять болѣе рѣшительныя мѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наивныя: положить на убитыхъ угличанъ палицу, ножъ и самопалъ для того, „что будто се люди царевича Дмитрея убили“.

Русинъ Раковъ принималъ дѣятельное участіе въ выполненіи различныхъ плановъ Михаила Нагово. Несомнѣнно, Раковъ боялся насилія со стороны Нагово, который не останавливался ни передъ чѣмъ, лишь бы оправдать свои поступки, и поэтому Русинъ подчинялся всѣмъ его приказаніямъ. Но, дождавшись удобнаго момента, Русинъ быстро измѣнилъ планамъ Нагово и выдалъ все, что подготовлялось имъ къ пріѣзду слѣдственной Комиссіи. Однако, Русину Ракову самому надо было предотвратить всякую возможность подозрѣнія въ соучастіи съ Михаиломъ Нагимъ, такъ какъ онъ самъ доставалъ ножъ, рѣзалъ „куря живого“ и т. п., и Русинъ задумалъ предупредить ѣдущихъ въ Угличъ слѣдователей и отправляетъ на встрѣчу Шуйскому челобитную (а возможно везетъ ее самъ), въ которой показываетъ всѣ приготовленія Михаила къ предстоящему розыску.

Русину, какъ административному лицу, не составляло трудности вручить челобитную Шуйскому. Изъ слѣдственнаго дѣла мы знаемъ, что съ конюшни Битяговскаго брали лошадей и выѣзжали на нихъ по дорогамъ для пріѣзжихъ людей съ Москвы.

Конюхъ Михаилъ Григорьевъ у допроса указалъ, что „взяли посадцкие люди Іванъ Тихоновъ, да Ляпунъ хлѣбникъ, да Васка Недорѣзъ і всѣ посадцкие люд[и] съ Михаилова двора Битяговского восмь лошадеи коневъ и мериновъ, и тѣ де-и лошади привели на конюшню на царевичеву, и тѣ де-и лошади исъ конюшни имали посадцкие люди і выезжали на нихъ за посадъ по дорогамъ, по Пе-

реславскои по дороге, да по Сулоцкои дороге, для приѣзжихъ людеи съ Москвы; и какъ бы де-и wни на тѣхъ дорогахъ съѣхалися съ людми, и имъ было тотчасъ въ городъ вѣсть учинити. А велѣлъ имъ по тѣмъ дорогамъ для вестеи ѣздити Михаило Нагои, а выезжали wни на тѣхъ лошадехъ по дорогамъ по три дни; да и посошные люди съ ними съ посадцкими людми на дороги выезжали жъ wтъ посаду верстъ по пяти и по шти; а какъ перестали ѣздити, и тѣ лошади посацкие люди взяли съ Русиномъ Раковымъ и wтвели ихъ wпять на Михаиловъ дворъ Битеговского". (Листы 35 и 36).

Содержаніе челобитной, поданной Русиномъ Раковымъ, и заключается въ нашемъ 9-омъ (и отрывкѣ 10-го) листѣ. Она писана тѣмъ же почеркомъ, которымъ написана большая часть дѣла; это, конечно, указываетъ, что въ дѣло была помѣщена копія, подобно челобитной вдовы Битяговской. (Листы 45 и 46).

Слѣдователи узнали изъ челобитной, хитро и обдуманно составленной, далеко не все, что дѣлалъ Нагой вмѣстѣ съ Русиномъ, но лишь то, что относилось до одного Михаила Нагово.

Русинъ подробно изложилъ свѣдѣнія объ убійствѣ угличанъ, почти каждаго въ отдѣльности, и указалъ, что къ нему присылали Нагіе своего человѣка „з грозою и лаею" и хотѣли его убить. Объ остальномъ Русинъ пока умолчалъ, ибо, какъ указано, принималъ участіе въ приготовленіяхъ Нагихъ.

Прочтя челобитную, слѣдователи задали Русину рядъ вопросовъ по отдѣльнымъ пунктамъ, на которые онъ далъ свои показанія, весьма неблагопріятныя для Михаила Нагово. Эти показанія, вѣроятно, записаны были слѣдователями въ протоколѣ, и отъ нихъ уцѣлѣлъ тотъ небольшой отрывокъ, которымъ начинается подлинникъ угличскаго слѣдственнаго дѣла.—„И князь Василеи, и Ондрѣи и Елизареи вспрwсили городового приказщика Русина Ракова: для

чево тебѣ велѣлъ ножи, и палицу, и сабли и самопалы Михаило Нагои класти на убитыхъ людей?

И Русинъ Раковъ сказалъ: что велѣлъ ем[у Ми]хаило Нагои на побитыхъ лю[дей]... [па]лицу, и сабли и самоп[алы]... и при.... того, что будто се тѣ люди царевич[а] [Д]митрѣ убили".

Послѣ сказаннаго Раковымъ для слѣдователей стало яснымъ, какъ приняться за розыскъ.—„И тово жъ дни, маия въ ѳ [19] день въ вечеру, приѣхали на Углечь... (записано въ протоколѣ) и [разс]прашивали Михаила Нагово..."

Изъ сдѣланныхъ надъ подлинникомъ наблюденій ясными и понятными становятся и отрывокъ съ допросомъ Русину Ракову, и появленіе его челобитной.

Отсюда мы вправѣ утверждать, что челобитная помѣщена была въ середину дѣла отнюдь не Шуйскимъ, а архиваріусомъ, приводившимъ въ порядокъ документъ.

Еще одинъ вопросъ требуетъ разъясненія.

Если листъ, занятый челобитной, и имѣетъ самыя большія пятна изъ всѣхъ сохранившихся листовъ дѣла, но въ то же время отличной сохранности, то почему же 1-ый листъ, со словами: „И князь Василеи, и Wндрѣи и Елизареи вспрѡсили городового приказщика Русина Ракова..." такъ обветшалъ и такъ сильно порванъ, что необходимо было признавать его за тотъ, который находился *верхнимъ, наружнымъ* въ свиткѣ?

Повидимому, это объясняется такимъ образомъ.

Мы не знаемъ, въ какомъ порядкѣ находились листы, когда они попали въ руки архиваріуса во время Петра I-го; однако знаемъ, что дѣло тогда было уже подмочено, листы его частью расклеены, перепутаны и нѣкоторые утрачены совсѣмъ. Но вѣдь свитокъ промокъ, когда онъ еще былъ цѣлъ, слѣдовательно и пятна образовались на немъ тогда же. Послѣ порчи водой онъ принялъ тотъ видъ, въ которомъ нашелъ его архиваріусъ временъ Петра. Архиваріусъ привелъ дѣло въ порядокъ по своему и помѣстилъ склейку

со словами: „И князь Василеи, и Wндрѣи...“ первою въ дѣлѣ, сдѣлавъ надпись на оборотѣ отрывка: „Дѣло розыскное ч҃ѳ-го году про убивство ц҃ревича Димитр.. Ивановича на Угличе. Конц. і начала нетъ“. Но этотъ листъ, служа въ XVIII вѣкѣ какъ бы обложкой ко всему свитку, сильно порвался, обветшалъ и былъ подклеенъ синей бумагой при Бантышъ-Каменскомъ. Никакъ нельзя считать, что листъ 1-ый могъ имѣть такой обветшалый видъ и быть порваннымъ при архиваріусѣ Петровскихъ временъ, такъ какъ порваны именно *тѣ мѣста листа*, на которыхъ сдѣлана запись объ утратѣ начала и конца документа и отъ *этой Петровскихъ временъ надписи* оторвано нѣсколько буквъ.

Итакъ, челобитная Русина Ракова должна быть помѣщена первымъ листомъ среди сохранившихся въ дѣлѣ.

Переставимъ эту челобитную и посмотримъ, не скажетъ ли намъ еще что нибудь таковой порядокъ листовъ.

Здѣсь, конечно, является вопросъ: какъ помѣстить эту челобитную? Слѣдуетъ ли ее считать самостоятельной, независимой частью, или же присоединить къ 1-му листу, чтобы послѣдній являлся продолженіемъ челобитной? Выше (стр. 21) мы отмѣтили, что при первомъ же взглядѣ на обѣ части этихъ листовъ можно безошибочно сказать, что эти части никакъ не могутъ быть поставлены рядомъ и что между ними былъ когда-то не одинъ листъ текста, а вѣроятно нѣсколько. Водяныя пятна челобитной и отрывка съ рѣчами Русина Ракова настолько разнятся по формѣ, что ихъ не только нельзя включить въ послѣдовательный рядъ уменьшающихся пятенъ, но и сблизить на небольшое разстояніе. Здѣсь несомнѣнная утрата значительной части дѣла, помимо начала. Это легко видно и изъ текста челобитной и изъ отрывка показаній Русина Ракова. Что же было утрачено и каково было содержаніе утраченнаго,это вопросъ едва ли разрѣшимый. Здѣсь возможно предполагать утрату именно тѣхъ листовъ, которые были заняты свѣдѣніями о лицахъ, отсутствующихъ

въ записяхъ протокола, въ томъ числѣ и царицы Маріи Нагой.

На оборотѣ 9-го листа сдѣлана какая-то загадочная надпись, или рядъ отдѣльныхъ буквъ. Почеркъ, повидимому, не современенъ челобитной и скорѣе подходитъ къ скорописи второй половины XVII вѣка. Въ предисловіи къ тексту угличскаго слѣдственнаго дѣла, изданному А. С. Суворинымъ, сказано, что въ вышеприведенной надписи можно разобрать слово „Яшка“, но это чтеніе произвольно, такъ какъ буквы читаются ясно, но смыслъ ихъ не понятенъ. Другіе изслѣдователи склонны видѣть въ этихъ буквахъ простую „пробу пера“. Повидимому, это соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Листъ 10-ый. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, склеенныхъ вмѣстѣ. Верхняя часть занята концомъ челобитной Русина Ракова, а нижняя, значительно больше верхней, рѣчами Спасскаго соборнаго священника Степана, которыя мы и приводимъ:

„А Спаскои соборнои свещенникъ Степанъ сказалъ въ розпросе: посылалъ его во вторникъ, маия въ iii [18] день, Михаило Нагои зъ городовымъ приказщикомъ съ Русиномъ съ Раковымъ, да с-Ываномъ съ Мурановымъ къ Михаилу Битяговскому на подворье, а съ ними были посадцкие люди Тренка Ворожеикинъ, да Кондрашка Оловянишникъ; а велѣлъ Михаило Нагои исъ клети выняти палицу желѣзную; и попъ Стефанъ съ Русиномъ съ Раковымъ на Михаилове дворѣ і выняли палку желѣзную и принесли къ Михаилу Нагому, и Михаило еѣ далъ приказщику Русину, а велѣлъ тоѣ палицу Михаило Нагои Русину Ракову беречь, какъ де-и тоѣ палицы попытаютъ, и та бы де-и палица не пропала“.

Эти рѣчи не составляютъ отдѣльнаго допроса. Изъ текста видно, что священника Степана допрашиваютъ лишь въ качествѣ свидѣтеля по одному только пункту, именно по поводу поисковъ желѣзной палки цѣлой группою лицъ,

по приказанію Михаила Нагово. Ясно, что Степанъ только присутствовалъ при допросѣ другого лица, а кого именно, догадаться очень легко. — Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ свидѣтелей при допросѣ Михаила Нагово, стоявшій рядомъ съ Григоріемъ Нагимъ и Борискою Ѳѳонасьевымъ, и дававшій показанія по одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ: почему Михаило Нагой хотѣлъ положить на побитыхъ угличанъ ножъ, саблю, самопалъ и желѣзную палку? Вѣдь это былъ ключъ къ истинѣ о смерти царевича. Русинъ Раковъ, на вопросъ слѣдователей, для чего ему Михаило Нагой велѣлъ класть оружіе на побитыхъ угличанъ, прямо объяснилъ, что все это было сдѣлано, чтобы показать „будто се тѣ люди царевича Димитрея убили“. Естественно, что слѣдователи очень серьезно отнеслись къ этому вопросу и опросили участниковъ плана, приготовленнаго Нагимъ послѣ пріѣзда 18 мая въ Угличъ Темира Засѣцкаго.

Въ вопросѣ о правильности помѣщенія листа съ рѣчами священника Степана, конечно, не возникаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ листъ занимаетъ случайное мѣсто и попалъ сюда не по желанію Комиссіи. Предложимъ сличить пятна на листѣ 9-омъ, верхней склейкѣ 10-го и листѣ съ рѣчами Степана, чтобы убѣдиться въ ихъ полномъ несоотвѣтствіи.

Пятно, почти круглое, на нижней склейкѣ 10-го листа, не имѣетъ лишь верхушки, тогда какъ верхняя склейка того же листа почти вся темная и совершенно иной формы. Къ тому же и по смыслу странно видѣть челобитную Ракова рядомъ съ рѣчами попа Степана. Если изъ текста видно, что эти рѣчи относятся къ указанному выше вопросу о приготовленіи желѣзной палки, то естественно мы и должны искать мѣсто для рѣчей Степана тамъ, гдѣ сгруппированы рѣчи остальныхъ свидѣтелей по этому пункту, т.-е. послѣ Григорія Нагово и Бориски Ѳѳонасьева. Послѣднимъ говорилъ Григорій Нагой, давая дополнительныя показанія, которыя и записаны на верхней склейкѣ

5-го листа. Слѣдовательно, рѣчи попа Степана должны имѣть мѣсто послѣ рѣчей Григорія Нагово, т.-е. вслѣдъ за верхней склейкой 5-го листа.

Провѣримъ это предположеніе измѣреніемъ пятенъ и сличеніемъ ихъ.

Пятно на серединѣ листа съ рѣчами священника Степана не имѣетъ только верхушки, которая какъ разъ имѣется внизу листка съ заключительными словами Григорія Нагово (верхняя склейка 5-го листа). Для сличенія этого цѣльнаго пятна, на мѣстѣ соединенія двухъ листковъ, съ предшествующимъ и послѣдующимъ пятнами слѣдуетъ измѣрить пятно на мѣстѣ соединенія 6-го и верхней склейки 5-го листовъ. Предшествующее пятно будетъ равно 16 см., а слѣдующее, т.-е. находящееся при соединеніи верхней склейки 5-го листа и листа съ рѣчами священника Степана—15,6 см. Приводить послѣдующее пятно, на мѣстѣ соединенія 10-го и 11-го листовъ, мы сейчасъ не будемъ, такъ какъ листъ 11-й также попалъ сюда случайно, но въ этомъ сличеніи нѣтъ надобности, такъ какъ и безъ него положеніе второй склейки 10-го листа достаточно выяснилось.

Листъ 11-й. Листъ этотъ содержитъ рѣчи вдовы Василисы Волоховой.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ рѣчахъ, вспомнимъ, что мы не выяснили мѣста для небольшого клочка листа съ записью о приказѣ слѣдователей поставить къ допросу вдову Василису Волохову. Часть этого столбца, приклеенная къ 5-му листу, оказалась въ данномъ мѣстѣ дѣла совершенно лишней и не согласовалась съ ближайшими листами ни по содержанію текста, ни по формѣ водяныхъ пятенъ*).

Теперь вернемся къ этой части листа и посмотримъ, не можетъ ли она быть присоединена, какъ того требуетъ

*) См. выше, стр. 32 и 33.

смыслъ, къ листу 11-му, чтобы обѣ эти части составляли одно цѣлое. Провѣрить это можно по водянымъ пятнамъ.— Цѣлое пятно, по серединѣ 11-го листа, равно 15,1 см., слѣдовательно предыдущее должно быть такое же, или нѣсколько больше.—Вверху 11-го листа имѣется половина круглаго пятна, въ 7,8 см., а недостающая половина должна быть на листкѣ съ приказомъ поставить къ допросу Василису Волохову; тамъ мы дѣйствительно имѣемъ пятно, около полукруга, въ 7,5 см. Слѣдовательно цѣлый кругъ пятна составитъ 15,3 см., или 2 лишнихъ миллиметра противъ послѣдующаго пятна на серединѣ 11-го листа.

Такимъ образомъ, это спорное мѣсто, на которое изслѣдователи указывали, какъ на „классическое мѣсто“ дѣлопроизводства Комиссіи Шуйскаго, можетъ быть исправлено безъ особыхъ научныхъ соображеній.

Приведемъ „рѣчи“ мамки Василисы Волоховой, присутствовавшей при смерти царевича и давшей подробное и обстоятельное показаніе:

(Листъ 5-ый, нижняя склейка). „Да князь Василеи жъ и Ондрѣи и Елизареи велѣли поставити передъ собою вдову Василису Волохову и жилцовъ, которые были съ царевичемъ: Петрушку Колобова, Бажѣнка Тучкова, Івашка Красенского, Гришку Козловского и розпрашивали Василисы и жилцовъ про царевичеву Дмитрееву смерть: кот[о]рымъ wбычьемъ царевичю Дмитрею смерть случилась?

(Листъ 11-ый). И вдова Василиса Волохова въ розпросе сказала: что разболѣлся царевичъ Дмитреи въ середу нынешнего ч҃ѳ [99] го году, маия въ і҃в [12] день, падучею болѣзнью, і въ пятницу де-и ему маленко стало полехче, и царица де-и его Марья взяла съ собою къ обѣдне и, отъ обѣдни пришетчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, въ суботу, пришотчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичю на дворъ итить гулять; а съ царевичемъ были: wна, Василиса, да кормилица Орина, да маленкие робятка жилцы да постелница Марья Самоилова; а игралъ царевичъ ножикомъ, и тутъ на царевича пришла опять та жъ

чорная болѣзнь, и бросило его wземлю, и тутъ царевичъ самъ себя ножомъ покололъ въ горлw, и било его долго, да туто его не стало. А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье та жъ надъ нимъ болѣзнь была—падучеи недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою, царицу Марью; а въ другорядъ на него была та жъ болѣзнь передъ великимъ днемъ, и царевичъ wбьѣлъ руки Wндрѣеве дочкѣ Нагово, одва у него Ондрѣеву дочь Нагово wтнели; и какъ царевичъ въ болѣзни въ чорноі покололся ножомъ, и царица Марья збежала на дворъ, и почала еѣ Василису, царица Марья бити сама полѣномъ, и голову еи пробила во многихъ мѣстехъ, и почала еи, Василисе, приговаривать, что будто се сынъ еѣ, Василисинъ, Wсипъ съ Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ царевича Дмитрея зарѣзали; и она Василиса почала еи бить челомъ, чтобъ велѣла царица дати сыскъ праведноі, а сынъ еѣ и на дворѣ не бывалъ; и царица де велѣла еѣ тѣмъ же полѣномъ бити по бокwмъ Григорью Нагово, и тутъ еѣ толко чють живу покинули

(Листъ 12-ый) замертва. И почали звонити у Спаса въ колокола, и многие люди посадцкие і всякие люди прибежали на дворъ; и царица де Марья велѣла еѣ, Василису, взяти посадцкимъ людемъ и мужики де еѣ взяли и еѣ wбодрали и простоволосу еѣ держали передъ царицею. И прибежалъ де на дворъ Михаило Битяговскоі и почалъ былъ розговаривать посадцкимъ людемъ, и Михаилу Нагому, и царица де Марья и Михаило Нагоі велѣли убити Михаила Битяговского и Михаилова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила де царица миру: то де душегубцы царевичю. А сынъ еѣ Осипъ въ тѣ поры былъ у себя; и какъ почалъ шумъ быти великоі, и сынъ еѣ Wсипъ прибежалъ къ Михаилове женѣ Битяговского, и тутъ его и поимали посадцкие люди и привели его ещо жива передъ царицу и Михаилову жену Битяговского зъ дочерми передъ царицу жъ привели; и царица де миру молыла: то де-и убоица царевичю сынъ еѣ Осипъ Воло-

ховъ, и сына еѣ Осипа тутъ до смерти и убили, а убивъ, и прохолкали, что надъ заицемъ. А человѣкъ сына его, Васкою звали, и онъ кинулся и палъ на сыне еѣ на Осипе, чтобъ его не убили до смерти, и человѣка его Васку туто жъ надъ сыномъ еѣ убили; а другово человѣка Василисина убили, что увиделъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на неѣ положилъ свою шапку и посадцкие люди за то его убили до смерти жъ. Да была жоночка уродливая у Михаила у Битяговского, и хажпвала отъ Михаила къ Ондрѣю къ Нагому; и сказали про неѣ царице Марье, и царица еи велѣла приходить для потѣхи и та жоночка приходила къ царице; и какъ царевичю смерть сталася, и царица и ту жонку, после того два дни спустя, велѣла добыть і велѣла еѣ убити жъ, что будто сь та жонка царевича портила".

При напечатаніи текста этого показанія въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ издатели не указали на возможность путаницы листовъ и не оговорили даже и въ примѣчаніи на явную неумѣстность въ разстановкѣ обѣихъ частей одного и того же допроса.

Въ изданіи А. С. Суворина ошибка повторена и не отмѣчена.

И. С. Бѣляевъ, указывая на эту перебитость листовъ, усмотрѣлъ въ ней умышленную подтасовку, но какая была въ томъ цѣль и что можно было скрыть Шуйскому раздѣленіемъ показанія Василисы Волоховой на двѣ части, этого И. С. Бѣляевъ не указываетъ.

Вмѣстѣ съ Василисой Волоховой были поставлены къ допросу жильцы, которые были съ царевичемъ во время его смерти, Петрушка Колобовъ, Баженко Тучковъ, Ивашка Красенскій и Гришка Козловскій. Ихъ рѣчи слѣдуютъ сейчасъ же послѣ Василисиныхъ, на листѣ 13-мъ.

Листъ 13-ый.

„А жилцы царевичевы, которые играли съ царевичемъ, Петрушка Самойловъ сынъ Колобова, Бажѣнко Неждановъ

сынъ Тучковъ, Івашко Івановъ сынъ Красенского, Гришка Ондрѣевъ сынъ Козловского, сказали: игралъ де царевичъ въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь, падучеи недугъ, и набросился на ножъ.

И бояринъ князь Василей Ивановичъ Шуиской, да околничей Ондрѣй Петровичъ Клешнинъ да діякъ Елизареи Вылузгинъ спрашивали жилцовъ, Петрушки Колобова съ товарыщи: хто въ тѣ поры за царевичемъ были?

И жилцы, Петрушка Колобовъ съ товарыщи, сказали: были въ тѣ поры за царевичемъ кормилица Орина, да постелница Самоилова жена Колобова Марья.

И князь Василеи, и Ондрѣи, и Елизареи, спрашивали жилцовъ, Петрушки Колобова съ товарыщи: да Осипъ Василисинъ сынъ Волоховъ, да Данило Михаиловъ сынъ Битяговского въ тѣ поры за царевичемъ были ли?

И жилцы, Петрушка Колобовъ съ товарыщи, сказали: были за царевичемъ въ тѣ поры толко они четыре человѣки жилцовъ, да кормилица, да постелница, а Осипа Волохова и Данила Михайлова сына Битяговского въ тѣ поры за царевичемъ не было и за царевичемъ не хажи[ва]ли".

Показанія жильцовъ, очевидцевъ смерти царевича, являются самымъ цѣнными и важными въ слѣдственномъ дѣлѣ. Ихъ разспрашиваютъ подробно, по тремъ существеннымъ вопросамъ. Между тѣмъ, изслѣдователи очень недовѣрчиво относятся къ ихъ словамъ.

Карамзинъ совсѣмъ неупоминаетъ о жильцахъ.

С. М. Соловьевъ придаетъ словамъ жильцовъ ничтожное значеніе и не довѣряетъ имъ.—„Спросили и дѣтей, говоритъ онъ, игравшихъ съ Димитріемъ: они показали тоже, что и женщины; слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича? Дѣти указывали дважды на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили Василису Волохову, и слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство!" *)

*) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ VII, изд. 3. М. 1870, стр. 393.

Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что показанія жильцовъ тѣ же самыя, что и женщинъ.—Дѣти сказали, что лицъ, которыхъ Михаило Нагой называлъ убійцами царевича, въ моментъ смерти его, на дворѣ не было и за царевичемъ они не хаживали. Что же касается умолчанія имени Василисы Волоховой и указанія лишь на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, то этому нисколько не слѣдуетъ удивляться. Вѣдь жильцы стояли передъ слѣдователями *вмѣстѣ, одновременно* съ Василисой Волоховой, которая только что дала свои пространныя показанія. Что же было жильцамъ указывать на нее? И почему слѣдователи должны были „обратить вниманіе на это обстоятельство“? Вѣдь если бы жильцы знали, что Василиса отсутствовала въ моментъ смерти царевича, то едва ли бы сама Василиса при нихъ стала разсказывать такъ подробно о своемъ присутствіи и говорить при жильцахъ, что съ царевичемъ были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькие робятка жилцы, да постелница Марья Самоилова“.

Конечно, ни жильцы не упомянули о присутствіи Василисы, ни тѣмъ болѣе слѣдователи.

Сытного дворца ключникъ Григорій Тулубѣевъ, поставленный „съ очей на очи“ со стряпчимъ Семейкою Юдинымъ, очевидцемъ смерти царевича, передавалъ со словъ Юдина, что „въ тѣ поры была боярыня Василиса Волохова да кормилица Ирина“ (л. 26) и подтвердилъ свое показаніе рукоприкладствомъ.

А. С. Суворинъ повторяетъ слова С. М. Соловьева, но добавляетъ, что „видѣли, какъ накололся на ножъ царевичъ, *только четверо* жильцовъ дѣтей, игравшихъ съ нимъ“. Почему четверымъ очевидцамъ не слѣдуетъ довѣрять,— конечно остается необъясненнымъ. Автору нужно доказать, что царевичъ былъ спасенъ и скрытъ Нагими, а вмѣсто него положенъ трупъ какого-то мальчика, котораго яко-бы: „всесильный случай подвернулъ изъ числа убитыхъ во время свалки“. При такой задачѣ автору безъ

сомнѣнія слѣдуетъ умолчать о томъ, что явно говоритъ не въ его пользу.

Переходя къ дальнѣйшимъ показаніямъ свидѣтелей, мы встрѣчаемъ тѣхъ лицъ, которыхъ называли жильцы, какъ очевидцевъ, бывшихъ при царевичѣ, — кормилицу Орину и постельницу Марью Самойлову.

Листъ 14-ый. Показанія кормилицы царевича Орины Тучковой и постельницы Маріи Колобовой.

„И князь Василей, и Ондрѣй и Елизарей кормилицу Орину и постелницу Самоилову жену Колобова Марью розпрашивали передъ царицею у церкви.

И Жданова жена Тучкова, царевичева кормилица Орина, сказала: что ходилъ царевичь Дмитрей въ суботу по двору, игралъ зъ жилцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь черная, а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она царевича взяла къ себѣ на руки, и у неѣ царевича на рукахъ и не стало.

А постелница, Самойлова жена, Марья сказала: царевичъ Дмитрей ходилъ въ суботу по двору и тѣшился зъ жилцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь, черной недугъ, и его бросило о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся“.

Въ этихъ показаніяхъ очень важно свидѣтельство о томъ, что кормилица и постельница допрашивались въ присутствіи самой царицы. И въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ возраженій со стороны царицы, она сознавала истину показаній, а потомъ просила митрополита Геласія ходатайствовать передъ царемъ о помилованіи брата Михаила, такъ какъ убійство Михаила Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ—есть „дѣло грѣшное и виноватое“.

Листъ 15-ый. Онъ содержитъ показаніе Андрея Нагово, также очень важное и интересное.

Начало его допроса (вѣрнѣе вопросы, заданные ему слѣдователями), находится на 14-омъ листѣ и занимаетъ четыре послѣднихъ строки:

(Листъ 14-й). „И князь Василей, и Ондрѣи, и Елизареи вспрашивали Ондрѣя Нагово: которымъ обычеемъ царевичю смерть сталась, и какъ царевичъ у дочереи его въ болѣзни руки wбьѣлъ?

(Листъ 15-й). И Wндрѣи Олекса[н]дровъ, сынъ Нагово, сказалъ въ ропросе: что царевичь ходилъ на заднемъ дворѣ, и тѣшился съ робяты, игралъ черезъ черту ножомъ, и закричали на дворѣ, что царевича не стало, и збежала царица съ верху; а wнъ Ондрѣи въ тѣ поры сидѣлъ у ѣствы, и прибежалъ туто жъ къ царицѣ, а царевичь лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а сказываютъ, что его зарѣзали, а wнъ тово не видалъ, хто его зарѣзалъ; а на царевиче бывала болѣзнь падучая; да ныне въ великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ, да и у него Wндрѣя царевичь руки едалъ же въ болѣзни, и у жилцовъ, и у постелницъ; какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать и wнъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывенье, за што попадетца; а какъ побили Михаила Битяговского и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, того wнъ не вѣдаетъ, хто ихъ велѣлъ побить, а побила ихъ чернь посадцкие люди; а wнъ былъ у царевичева тѣла безотступно, и тѣло wнъ царевичево внесъ въ церковь".

[Конецъ листа занятъ приказомъ поставить къ допросу вдоваго попа Огурца, звонившаго въ колоколъ].

На оборотѣ листа сдѣлано рукоприкладство Андрея Нагого:

„Къ семъ речамъ Wндрѣи Нагои руку прилож..."

Этимъ листомъ заканчиваются допросы лицъ первой группы, жившихъ вмѣстѣ съ царевичемъ и обычно проводившихъ съ нимъ время.—Это лица, такъ сказать, придворнаго класса. Съ нихъ начали слѣдователи свой розыскъ.

Другіе свидѣтели являлись лишь пересказчиками чужихъ словъ и потому стояли на второмъ планѣ.

Вторую часть допросовъ, весьма обширную, занимаютъ показанія духовныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе ко дворцу, такъ какъ рядомъ съ дворцомъ находился соборъ Спаса. Духовенство постоянно бывало на царицыномъ дворѣ, было и за нѣсколько часовъ до смерти царевича, — служило обѣдню. Естественно, что слѣдователи приступили къ допросу духовенства, какъ класса, болѣе освѣдомленнаго въ жизни царской семьи.

Первымъ стали допрашивать вдоваго попа Огурца. Еще раньше Григорій Нагой указалъ на него, какъ на перваго, который „учалъ звонить“. Слѣдователи и ставятъ Огурцу вопросъ: „хто ему велѣлъ звонити въ колоколы“?

Листъ 16-й. „И Царя-Костянтиновской пономарь, вдовой попъ, Ѳедоръ Ѳѳонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ, въ розпросе сказалъ: какъ царевича Дмитрея не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ въ городе у Спаса сторожъ: Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ ѡтъ себя зъ двора побежалъ въ городъ, и какъ прибѣжалъ къ церкве къ Спасу, и къ [не]-

(продолженіе на новой склейкѣ)

му встрѣчю бежитъ Кормового дворца стряпчеи Субота Протопоповъ, і велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонити, да ударилъ ево въ шею і велѣлъ ему силно звонити; а говорилъ ему Субота передъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ. А про царевичеву Дмитрееву смерть сказалъ, что царевичъ Дмитреи маия въ ѳ [15] день, въ суботу, игралъ на заднемъ дворѣ зъ жилцы ножемъ, и пришла на него старая болѣзнь падучеи недугъ, и тутъ ево удари оземлю, и ѡнъ, бьючися, ножемъ самъ себя покололъ.

А Григореи Нагои сказалъ: тово ѡнъ не слыхалъ, что тому попу Федоту велѣлъ звонить Субота Протопоповъ,

а то ему Григорью сказывалъ онъ же, попъ Федотъ, что де-и велѣлъ ему звонить Субота; а прибежалъ былъ къ нему въ колоколню Михаило Битяговскои, и онъ ся заперъ і въ колоколню его не пустилъ".

(Далѣе слѣдуютъ, на этомъ же листѣ, допросныя рѣчи Суботы Протопопова).

Допросныя рѣчи попа Ѳедота, записанныя на двухъ листкахъ, склеенныхъ вмѣстѣ, вызвали подозрѣніе у И. С. Бѣляева относительно подлинности одной изъ этихъ склеекъ. Уже раньше было замѣчено, что попъ Огурецъ на верхней склейкѣ названъ Федоромъ, а на слѣдующей дважды— Федотомъ. Но И. С. Бѣляевъ усматриваетъ здѣсь большее.— „Наименованіе въ этомъ мѣстѣ попа „Федоромъ" какъ разъ приходится на первой склейкѣ 16 страницы, являющейся написанной не въ одно время съ второй ея частью, слѣдовательно составители подлиннаго дѣла не обратили даже вниманія (или слишкомъ торопились), что, при соединеніи допроса въ столбецъ, въ одной склейкѣ пономаря назвали „Федоромъ", а въ ея продолженіи „Федотомъ", не дали даже себѣ труда провѣрить позднѣйшую приставку, оставивъ только грубые слѣды поддѣлки, нѣкогда можетъ быть измѣнившей въ самомъ корнѣ показаніе Огурца". *) Есть и другая очень важная причина, по мнѣнію И. С. Бѣляева, которая указываетъ на фальшивость этой склейки. „Для показанія пономаря *Огурца,* которое во всякомъ случаѣ не должно слѣдователямъ казаться ничтожнымъ, *первая* склейка взята была такая маленькая, что на ней уписали *только 7 строкъ!* Неужели дьякъ могъ думать, что показаніе Огурца умѣстится на такомъ крошечномъ листкѣ? Однако, показаніе Огурца захватываетъ *и вторую* склейку этого листа, на которой уже пишется объ очной ставкѣ Огурца съ *Григорьемъ Нагимъ* и Суботою Протопоповымъ. Внимательный просмотръ этой страницы какъ разъ указываетъ, что двѣ склейки одного и того же цѣлаго были

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія 15 мая 1591 г., стр. 14.

написаны въ разное время: первая, оканчивающаяся словами: „прибѣжалъ къ церкви къ Спасу и къ не...“, имѣетъ болѣе узкія строчки и шире поле, вторая же, служащая продолженіемъ первой и начинающаяся слогомъ: „... му встрѣчу бѣжитъ Кормов. дворца стряпчій“, пишется на оборотѣ уже болѣе широкими строчками, уменьшая поле и дѣлая противъ первой выступъ около $^1/_2$ вершка, такъ что первая представляетъ одну – меньшую, а вторая склейка бо́льшую колонну по плотности текста. Вполнѣ возможно, что расчлененіе этого листка могло быть сдѣлано надежно въ свое время для замѣны одной склейки другою. Положительно изумляешься такой сортировкѣ и скрытой за нею безцеремонности дѣйствующихъ лицъ“. *)

И. С. Бѣляевъ не указалъ, какую-же изъ двухъ склеекъ 16 листа слѣдуетъ считать за подмѣненную слѣдователями? Если верхнюю, маленькую, съ 7-ю строками текста, то въ ней едвали можно представить себѣ какія-либо другія слова, кромѣ тѣхъ, которыя имѣемъ въ настоящее время, такъ какъ вторая склейка содержитъ *суть дѣла*. Къ тому же позволимъ указать на одну мелочь, которая говоритъ, что склейки писались одновременно. Въ правомъ верхнемъ углу второй склейки ясно виденъ нижній конецъ буквы К, которая находится на верхней склейкѣ и принадлежитъ полуутраченнымъ словамъ: „и къ нему“. Далѣе, этотъ листокъ, столь незначительный по своимъ размѣрамъ, уже въ то время могъ навлечь подозрѣніе современниковъ таковымъ видомъ, почему же поддѣлыватели показанія, изложеннаго на этомъ листѣ, не взяли цѣльный листъ, а оставили семь строкъ съ неудобной поддѣлкой?

Если же И. С. Бѣляевъ считаетъ, что подмѣнена вторая половина листа, гдѣ изложены показанія Огурца, то и здѣсь, кромѣ указанной части буквы К отъ верхней склейки, свидѣтельствующей на одновременность ихъ написанія, совсѣмъ не понятно, почему на подмѣненной части, кромѣ

*) Ibid, стр. 10.

рѣчей попа, добавлено также возраженіе Григорія Нагово, да еще болѣе половины рѣчей совершенно новаго свидѣтеля Суботы Протопопова, которыя продолжаются на слѣдующемъ 17-омъ листѣ и занимаютъ тамъ 5 строкъ.

Допустимъ, что слѣдователямъ было нужно измѣнить показанія попа Огурца, тогда бы они и вырѣзали ту часть на которой записаны его рѣчи, а этого нѣтъ. Странно въ подмѣненной части приписывать показанія *двухъ* другихъ свидѣтелей, а начало показанія перваго свидѣтеля, всего изъ 7 строкъ, оставлять въ дѣлѣ не замѣненнымъ. Если бы слѣдователи замѣнили показаніе попа Огурца, то они отрѣзали бы текстъ до словъ Григорія Нагово, или Суботы Протопопова, а рѣчи попа написали бы полностью на одномъ листкѣ.

Что касается уширенія колонны письма, замѣчаемаго во второй склейкѣ листа, то, если признать это за доказательство подложности листа, придется сказать тоже самое и о послѣдующихъ листахъ: 17-омъ, 18-омъ и т. д., такъ какъ ширина колонны ихъ письма одинакова со второй склейкой листа 16-го. Если бы эта склейка писалась отдѣльно и потомъ замѣнила вырѣзанную часть, то она одна и отличалась бы широтой колонны письма, какъ отъ предыдущихъ, такъ и отъ послѣдующихъ листовъ. Слѣдовательно, мы должны смотрѣть на указанную И. С. Бѣляевымъ якобы явную поддѣлку, какъ на простое желаніе дьяка нѣсколько уширить не въ мѣру сузившіяся строки, причемъ начало этому положено съ новаго листка.

Остается еще сказать о имени попа Федота, названнаго Федоромъ въ одномъ случаѣ, именно на маленькой склейкѣ 16-го листа. Безъ сомнѣнія, это простая описка, какихъ въ 50 слишкомъ листахъ дѣла вполнѣ естественно проскользнуло нѣсколько, и онѣ такъ ничтожны, что ихъ и не замѣтили. Вѣдь дѣло читалось на Соборѣ, и если бы такая размолвка именъ была существенна, то конечно на нее указали бы.

Интересно въ данномъ случаѣ рѣшить вопросъ объ имени попа и другимъ путемъ.

Какъ звали попа: Федоромъ или Федотомъ?

Всѣ историки, а также и И. С. Бѣляевъ, повидимому считаютъ его за Федота, такъ какъ онъ названъ такимъ именемъ *три* раза. Это вполнѣ логично и вѣроятно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Однако,если И. С. Бѣляевъ считаетъ, что была подмѣнена *вторая* часть 16-го листа, на которой трижды попъ названъ Федотомъ, то, слѣдовательно, настоящее имя его было то, которое записано на маленькой склейкѣ, т.-е. Федоръ. Вѣдь, И. С. Бѣляевъ говоритъ, что торопясь (?) не разсмотрѣли имя попа и назвали его иначе, чѣмъ въ *первый* разъ. Но писались листки обѣихъ склеекъ, какъ мы указывали, одновременно, и потому надо будетъ признать, что дьякъ *трижды* ошибся, называя попа Федотомъ вмѣсто Федора. Какая путаница и сколько нужно натяжекъ для объясненія въ сущности ничего незначащаго разногласія въ именахъ; не проще ли признать простую, естественную описку, чѣмъ „изумляться безцеремонности дѣйствующихъ лицъ“ и ломать голову надъ измышленіями.

Въ изданіи Суворина,по поводу этого различія въ именахъ попа Огурца, указывается, что это есть результатъ переписки черновыхъ матеріаловъ дьякомъ, составлявшимъ дѣло въ Москвѣ.

Заканчиваемъ этимъ листомъ разсмотрѣніе правильности расположенія листовъ подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла, такъ какъ ни утратъ, ни перестановки ихъ въ остальной части документа не замѣчается. Водяныя пятна на дальнѣйшихъ листахъ начинаютъ быстро и значительно уменьшаться, и, хорошо еще видные на 16 и 17 листахъ по мѣстамъ склеекъ (гдѣ послѣднія правильны), они совершенно исчезаютъ послѣ 23 листа.

Переходя къ вопросу о томъ, что́ утрачено изъ документа слѣдственнаго дѣла, мы должны сказать, что никакія изысканія и изслѣдованія не въ состояніи дать намъ опредѣленнаго и точнаго отвѣта. Мы можемъ ставить себѣ вопросъ только о томъ, въ какихъ мѣстахъ, изъ сохранившихся листовъ дѣла, замѣчается утрата, пользуясь для этого и внѣшнимъ состояніемъ документа, и содержаніемъ его текста.

Для насъ вполнѣ ясно, что утрачено начало дѣла, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и запись архиваріуса Петровскаго времени, сдѣланная на оборотѣ 1-й склейки.

Число утраченныхъ столбцовъ въ началѣ документа не поддается опредѣленію, но, во всякомъ случаѣ, потеряно ихъ много; это можно предположить на основаніи естественнаго хода самого событія.

Въ утраченныхъ листахъ необходимо должно было быть записано извѣщеніе изъ Углича, которое привезъ гонецъ; затѣмъ организація слѣдственной Комиссіи, которая могла быть составлена не только по единоличному приказу царя, но и общимъ совѣтомъ. Общепринятый и установившійся взглядъ, будто для производства слѣдствія были назначены лица, избранныя только Борисомъ Годуновымъ, ни на чемъ не основанъ. Имѣется бо́льшее основаніе допустить, что такое исключительное событіе, выходившее изъ ряда обычныхъ и не предусмотрѣнное тогдашнимъ законодательствомъ, разсматривалось на общемъ собраніи, какъ и розыскъ, привезенный Комиссіей изъ Углича (въ засѣданіи Освященнаго Собора). Прежде, чѣмъ послать кн. Шуйскаго съ товарищами, нужно было рѣшить, какъ поступить въ данномъ случаѣ; дать слѣдователямъ должныя указанія для производства обыска; наконецъ, распорядиться о совершеніи погребенія царевича, указавъ мѣсто его и т. п.—Неужели всѣмъ этимъ распоряжался одинъ Годуновъ, рискуя обратить на себя всеобщее вниманіе?..

Если бы Комиссія была послана только однимъ Борисомъ Годуновымъ, то ея отъѣздъ изъ Москвы состоялся бы

въ тотъ же день, всего черезъ нѣсколько часовъ. Разъ Годуновъ отправилъ убійцъ въ Угличъ для исполненія возложеннаго порученія и со дня на день ждалъ приведенія его въ исполненіе, то несомнѣнно и лица для розыска были у него готовы. Между тѣмъ, изъ документа мы знаемъ, что первымъ изъ Москвы былъ посланъ Темиръ Засѣцкій, который прибылъ 18-го мая вечеромъ, и лишь черезъ сутки, вечеромъ 19-го мая, пріѣхала Комиссія. Слѣдовательно, для организаціи розыска потребовался цѣлый день.

Въ начальныхъ же листахъ дѣла была записана и первая встрѣча кн. Шуйскаго съ угличанами, ожидавшими его на Сулоцкой и Переяславской дорогахъ.

Изъ этой встрѣчи мы знаемъ только, что городовой приказчикъ Русинъ Раковъ передалъ челобитную, которая сохранилась, хотя и не полностью, въ слѣдственномъ актѣ (листъ 9-ый). Эта челобитная являлась въ тоже время и своего рода рапортомъ городового приказчика пріѣхавшей для слѣдствія Комиссіи.

Изъ показаній конюха Михаила Григорьева мы знаемъ что ѣздить по указаннымъ дорогамъ велѣлъ Михаило Нагой, имѣвшій для того свою цѣль. Вполнѣ возможно, что и отъ него, вмѣстѣ съ царицей Маріей, кн. Шуйскому была подана челобитная. Выше (стр. 18), при изслѣдованіи склейки (III-ей) на первомъ листѣ дѣла, содержащей вопросы слѣдователей Русину Ракову, мы указывали, что здѣсь, на 8-ой строкѣ сверху, сохранился кусочекъ бумаги со словами „в горо[ле] и при....“, принадлежащій одному изъ утраченныхъ или истлѣвшихъ столбцовъ. Тождественныя слова встрѣчаются во многихъ показаніяхъ дѣла, и мы съ полной увѣренностью можемъ сказать, что они относятся къ тому мѣсту показанія или челобитной, гдѣ говорится о звонѣ колокола, услышанномъ угличанами при набатѣ, и о приходѣ по нему людей на царевичевъ дворъ *).

*) Въ показаніи Михаила Нагово: „въ шестомъ часу дни зазвонили *въ городе* у Спаса..... *бежалъ* Wнъ къ царевичю на дворъ

Не представляетъ-ли собою сохранившійся кусочекъ бумаги, съ приведенными словами, остатокъ отъ челобитной Нагихъ вообще и царицы въ частности. Предположеніе это допустимо потому, что слова „в горо[де] и при....“, по сходству съ приведенными, должны относиться лишь къ показанію или челобитной лица, описывающаго начало угличскаго событія. Но кто же это могъ быть? Изслѣдованный нами порядокъ листовъ не допускаетъ пропусковъ въ видѣ цѣлыхъ показаній новыхъ лицъ; это подтверждается послѣдовательностью изложенія разспросныхъ рѣчей, связанныхъ между собой логически. Словомъ, у насъ нѣтъ еще другихъ лицъ, которыхъ мы считали бы недостающими въ слѣдственномъ актѣ и чьи показанія ожидали бы встрѣтить занесенными на первые листы дѣла, при чемъ сообщенныя свѣдѣнія были бы даны до въѣзда слѣдственной Комиссіи въ Угличъ; къ тому же, для нихъ нѣтъ мѣста въ подлинникѣ послѣ словъ: „И тово жъ дни, маия въ ѲІ [19] день въ вечеру, пріѣхали на Углечъ князь Василей и Ондрѣи и Елизареи“...

Поэтому мы и предлагаемъ эту догадку, конечно, не считая ея доказаннымъ фактомъ, но лишь предположеніемъ, за которое говоритъ многое изъ сдѣланныхъ нами наблюденій надъ слѣдственнымъ актомъ.

Между челобитной Русина Ракова (л. 9) и листомъ съ записью вопросовъ, заданныхъ ему слѣдователями по поводу положеннаго на убитыхъ угличанъ оружія (л. 1), повидимому, имѣется утрата, но небольшая. Это замѣчается и по нѣкоторой неловкости перехода отъ содержанія одной части къ другой, и по различной формѣ водяныхъ пятенъ на нихъ, хотя, вслѣдствіе небольшого размѣра

„послышали *въ городе* у Спаса звонъ, и Wнъ Wтъ себя *пришелъ*“ (XXXIV); „послышали *въ городе* звонъ..... *побѣжали*“ (XL); „послышали еслия *въ городе* звонъ..... и мы *прибежали*“ (XLIV) и въ другихъ показаніяхъ, см. скл. XIX, XXV, XXVI, XXVII, XLII и XLIX.

листа и сильной порчи его водою, трудно произвести какое-либо точное наблюденіе.

Что касается самаго листа съ записью вопросовъ Русину Ракову, то мы уже подробно останавливались на немъ (см. стр. 21) и опредѣлили, что онъ сохранился не полностью; это видно и по оборванному краю, который архиваріусы, для возможности приклеить съ послѣдующимъ листомъ, обрѣзали ножницами, и по незначительному его размѣру, менѣе $^1/_2$ обычнаго формата.

Были ли среди начальныхъ, утраченныхъ листовъ дѣла еще какія-либо свѣдѣнія — сказать трудно, но отрицать также нѣтъ основаній, т. к. до листа съ записью въѣзда слѣдственной Комиссіи въ Угличъ остается мѣсто, размѣръ котораго можетъ быть произвольнымъ.

Между размотрѣнными нами листами, имѣющими водяныя пятна, пропусковъ не замѣчается; вѣроятно, ихъ нѣтъ и среди остальныхъ листовъ дѣла отличной сохранности.

Относительно *конца* слѣдственнаго акта вопросъ весьма спорный. Одни считаютъ, что конецъ дѣла сохранился, и „памяти“ Дроздову, Молчанову и Жеребцову составляютъ заключительные листы дѣла; другіе, ссылаясь на помѣту архиваріуса Петровскаго времени, утверждаютъ, что послѣдніе листы слѣдственнаго акта утрачены.

А. Бѣловъ, въ замѣткѣ къ редактированному имъ тексту слѣдственнаго дѣла, говоритъ: „Что касается конца дѣла, который, какъ видно изъ записи, считался также утеряннымъ, то онъ, повидимому, имѣется на лицо, такъ какъ на оборотѣ послѣдняго 54 листа подлинника въ нижнемъ правомъ углу стоитъ помѣта дьяка, обычно знаменующая конецъ документа. Помѣтка захвачена отчасти переплетомъ, и теперь можно разобрать лишь нѣкоторыя буквы: „црв... Дм.. Углеч...“ *).

*) О Димитріи Самозванцѣ. Критическіе очерки А. С. Суворина. Спб. 1906 г. стр. 174—175. Помѣту слѣдуетъ читать такъ: „Убивство царевича Дмитрея Углетцкого“.

И. С. Бѣляевъ, наоборотъ, полагаетъ, что въ дѣлѣ конца не достаетъ, „потому что нельзя же думать, что послѣ помѣщенныхъ въ концѣ дѣла „памятей“ Дроздову, Молчанову и Жеребцову, со стороны этихъ лицъ не было потомъ никакихъ донесеній и вообще *никакого* дѣлопроизводства, какъ нѣтъ и акта, заканчивавшаго всякое уголовное дѣло, именно — приговора, положившаго наказаніе Нагимъ и другимъ виновнымъ лицамъ, а наказаніе было сдѣлано, что можно даже видѣть и изъ завѣщанія А. А. Нагого, у котораго „взяли его животы въ *опалъ* на государя“ *).

Прежде всего замѣтимъ, что приведенная помѣта на оборотѣ 54-го листа никакъ не можетъ служить указаніемъ на цѣлость и законченность документа, т. к. она по даннымъ палеографіи должна быть отнесена не къ XVI вѣку, а ко второй половинѣ XVII-го. Если бы эта помѣта была современна производству слѣдствія, то, конечно, лицо, дѣлавшее ее, не написало бы: „*Убивство* царевича Дмитрея Углетцкого“. Слѣдственный актъ установилъ не убійство, а самозакланіе царевича.

Дѣлать какія-либо заключенія, ссылаясь на запись Петровскихъ временъ на оборотѣ 1-го листа, также не слѣдуетъ, т. к. архиваріусъ не имѣлъ для этого никакихъ данныхъ; насколько же онъ былъ знакомъ со слѣдственнымъ актомъ, мы видѣли изъ того порядка, какой онъ придалъ ему, задавъ послѣдующимъ изслѣдователямъ не легкій вопросъ о фиктивности документа.

И. С. Бѣляевъ обосновываетъ свои выводы объ утратѣ конца слѣдственнаго акта ссылкою на лѣтописное указаніе о пыткѣ Нагихъ, наказаніи угличанъ и приговорѣ Собора, и на открытое имъ духовное завѣщаніе А. А. Нагово.

Никто не станетъ сомнѣваться, чтобы угличская драма закончилась однимъ лишь обыскомъ и заслушаніемъ его, по указу государя, Освященнымъ Соборомъ. Царь Ѳеодоръ

*) И С. Бѣляевъ. Угличское дѣло 15 мая 1591 года, стр. 11.

„приказалъ бояромъ і велѣлъ углетцкое дѣло по договору вершити, а по тѣхъ людеи, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати“. Однако, это не значитъ, что „вершеніе договора“ должно было быть присоединено къ „углицкому обыску“ и соборному постановленію.

Патріархъ Іовъ, предсѣдательствовавшій на Соборѣ, сказалъ свое заключительное слово по угличскому дѣлу: „въ томъ во всемъ воля государя царя і великого князя Ѳедора Ивановича всея Русіи; а преже сего такова лихова дѣла и такие убойства сстались и крови пролитье отъ Михаила отъ Нагово и отъ мужиковъ николи не было. А передъ государемъ царемъ і великимъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русиі Михаила и Григорья Нагихъ и углетцкихъ посадцкихъ людеи измѣна явная; что царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьимъ судомъ, а онъ Михаило Нагои государевыхъ приказныхъ людеи діяка Михаила Битяговского съ сыномъ и Микиту Качалова и иныхъ дворянъ и жилцовъ и посадцкихъ людеи, которые стояли за Михаила Битяговского и за всѣхъ за тѣхъ, которые стояли за правду и розговаривали посадцкимъ людемъ, что они такую измѣну здѣлали, велѣлъ побити напрасно умышленьемъ за то, что Михаило Битяговскои съ нимъ, съ Михаиломъ съ Нагимъ, бранился почасту за государя, что онъ Михаило Нагои держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иныхъ многихъ ведуновъ, и за тое великое измѣнное дѣло Михаило Нагои зъ братьею и мужики углечане по своимъ винамъ дошли до всякого наказанья. А то дѣло земское, градцкое, въ томъ вѣдаетъ Богъ да государь царь і великиі князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русиі, все вь его царьскои рукѣ и казнь, и опала, и милость, о томъ государю какъ Богъ известитъ; а наша должная молити Господа Бога и Пречистую Богородицу і великихъ рускихъ чюдотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Иону і всѣхъ святыхъ о государе царѣ і великомъ князе Ѳеодоре Ивановиче всеа Русиі и о государынѣ царице і

великои княгине Ирине, о ихъ государьскомъ многолѣтномъ здравие и о тишинѣ межъ усобнои брани“ *).

Изъ этихъ знаменательныхъ словъ патріарха Іова можно видѣть, что дѣло по разслѣдованію смерти царевича и послѣдствій, сопровождавшихъ ее, было окончательно выяснено и закончено; оставалось лишь *привести въ исполненіе* приговоръ Собора. Но это дѣло было уже „*земское*“, „*градцкое*“. Наказаніе виновныхъ совершенно не входило ни въ обязанности слѣдственной Комиссіи, ни тѣмъ болѣе Освященнаго Собора. Соборъ лишь указалъ, въ общихъ чертахъ, лицъ, которыя достойны „всякаго наказанія“, а исполненіе приговора было, безъ сомнѣнія, возложено на какое-либо учрежденіе, вродѣ Разбойнаго или Земскаго приказа. Поэтому и дѣлопроизводство по наказанію виновныхъ велось и осталось въ томъ учрежденіи, которому было поручено то дѣло.

Привезенные въ Москву виновные „которые въ дѣлѣ объявилися“, были подвергнуты наказаніямъ и пыткамъ; они могли назвать множество новыхъ лицъ, какъ это обычно бывало, и дать показанія, повлекшія за собой тотъ ужасный погромъ Углича, который сохранили намъ лѣтописи.

Немаловажное значеніе въ слѣдственномъ актѣ имѣютъ рукоприкладства свидѣтелей къ своимъ показаніямъ. По поводу ихъ не разъ высказывались упреки слѣдственной Комиссіи. Указывали на отсутствіе подписи къ рѣчамъ Михаила Нагово, въ неграмотности котораго трудно сомнѣваться. Относительно подписи Григорія Нагово И. С. Бѣляевъ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, она не принадлежитъ Григорью Нагому: „Сравнивая эту подпись и подпись *Григорья* Тулубѣева**), нельзя не видѣть, что онѣ близко подходятъ другъ къ другу, почти *тожественны*, при томъ у послѣдняго слова первой подписи „ложилъ“ не хвата-

*) Часть II-я, скл. LIX и LX.

**) См. II-ую часть, обор. скл. VIII и XXXI.

етъ цѣлаго слога „при“, а слово „ложилъ“ такъ близко пригнано къ краю склейки, что впереди его уписать эту приставку нѣтъ мѣста, самые слоги „ложилъ“ написаны блѣднѣе и болѣе мелкимъ почеркомъ; все это заставляетъ видѣть въ подписи поддѣлку, а съ нею вмѣстѣ и *вѣроятность* самого показанія Григорья Нагого въ томъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ, считать сомнительной *).

Вообще о рукоприкладствахъ замѣчено, что они сдѣланы не подъ текстомъ свидѣтельскихъ показаній, а на оборотѣ столбцовъ; при чемъ нѣкоторыя подписи помѣщены не на томъ листѣ, гдѣ записаны „рѣчи“, а на сосѣднихъ листахъ.

Во всемъ этомъ, говорятъ, можно усмотрѣть нѣкоторые слѣды того пріема, которымъ пользовалась Комиссія для составленія акта въ желаемомъ для нея видѣ. Давая подписываться на оборотѣ листа, она могла не стѣсняться съ правдивостью показанія и измѣнять его по своему усмотрѣнію; тамъ же, гдѣ было нужно смѣнить листъ съ даннымъ показаніемъ цѣликомъ, стоило лишь указать свидѣтелю мѣсто для рукоприкладства на ближайшемъ сосѣднемъ листѣ, и тогда слѣдователи достигали двоякой цѣли: имѣли возможность написать вымышленное показаніе и подтвердить его подлинной подписью.

Такія обвиненія ставитъ И. С. Бѣляевъ Годунову.—„Кто же ему мѣшалъ *приказать* дьяку Вылузгину, по пріѣздѣ слѣдователей изъ Углича въ Москву, неудобныя склейки вынуть, а на ихъ мѣста вклеить другія, болѣе удовлетворяющія тому, что желали отъ нихъ видѣть. Вѣдь мѣсто дѣйствія, гдѣ произошло убіеніе царевича, далеко, лицъ, бывшихъ тамъ и въ тоже время *безпристрастныхъ*, въ Москвѣ нѣтъ, бояться во время чтенія дѣла на соборѣ некого. Самый же столбецъ, заключающій слѣдствіе, съ виднѣющимися кое-гдѣ рукоприкладствами, для бѣглаго *внѣшняго* осмотра представлялся надежнымъ, а для вни-

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское дѣло 15 мая 1591 года, стр. 5.

мательнаго его изученія, раскатыванія и вновь свертыванія нужны были часы времени, на что охотники на соборѣ едва ли могли найтись. Бумага чистая, склейки какой угодно величины подъ руками, предметъ этотъ нѣмъ, не вѣдаетъ душевныхъ ощущеній писавшаго; основной же почеркъ слѣдственнаго дѣла, которымъ написана его значительная часть, принадлежитъ или дьяку Вылузгину, или близко къ нему подходитъ, стало быть въ то еще время при Царѣ Ѳеодорѣ, до „священнаго собора", была возможна какая угодно перетасовка дѣла" *).

Такого рода вопросы не могутъ подлежать разсмотрѣнію археографа. Но, для того, чтобы обвинять слѣдователей въ поддѣлкѣ показаній, нужно, конечно, имѣть какія-либо данныя, болѣе вѣскія, чѣмъ одно подозрѣніе, подтвержденное „возможностью".

Помѣщеніе рукоприкладствъ на оборотной сторонѣ листовъ не является произвольнымъ со стороны слѣдственной Комиссіи; это обычная форма приказнаго дѣлопроизводства, встрѣчаемая на большинствѣ документовъ XVI—XVII вѣковъ. Поэтому, мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ опираться на помѣщеніи подписей на оборотахъ листа и отсюда выводить какія-либо заключенія о недобросовѣстности слѣдователей.

Отсутствіе рукоприкладства Михаила Нагово слѣдуетъ объяснить простой утратой части листа, гдѣ она была помѣщена. Рѣчи М. Нагово записаны на *первыхъ* изъ сохранившихся листовъ дѣла; между тѣмъ, именно начало документа разрознено, и утрачены листы, предшествующіе показанію М. Нагово. Принимая во вниманіе, что рукоприкладства нѣкоторыхъ лицъ находятся не на тѣхъ листахъ, гдѣ ихъ показанія, а на сосѣднихъ, можно предположить, что рукоприкладство М. Нагово находилось также на одномъ ихъ предшествующихъ листовъ, нынѣ утраченномъ.

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское дѣло 15 мая 1591 года, стр. 3.

Дополнительное къ челобитной показаніе Русина, сохранившееся лишь въ небольшомъ отрывкѣ (скл. III), по своему содержанію тѣсно связано съ рѣчами Михаила Нагово; между тѣмъ, и въ немъ мы не видимъ рукоприкладства Русина, который, какъ намъ извѣстно по его собственноручной челобитной, (скл. LVI) былъ грамстенъ и по важности своихъ показаній несомнѣнно долженъ былъ подтвердить ихъ подписью.

Мы знаемъ, что показанія Русина Ракова и Михаила Нагово не составляютъ отдѣльныхъ самостоятелъныхъ допросовъ; они являются однимъ цѣлымъ пунктомъ розыска, гдѣ показанія одного смѣняются показаніемъ другого.— Русинъ указалъ на поступки М. Нагово; слѣдователи ставятъ его къ допросу. Нагой отрицаетъ свою виновность и протестуетъ противъ показаній Русина; тогда послѣдній снова настаиваетъ на правдивости своихъ словъ и проситъ слѣдователей вызвать свидѣтелей для ихъ подтвержденія. Здѣсь была несомнѣнно очная ставка Русина Ракова съ Михаиломъ Нагимъ, давшая изъ совокупности показаній цѣльный самостоятельный отдѣлъ розыска, который занимаетъ на сохранившихся листахъ дѣла рядъ склеекъ: III, IV, V, VI и VII. Зная ,что рукоприкладства дѣлались обычно не на послѣднихъ листахъ, а именно на первыхъ, мы и высказываемъ предположеніе, что обѣ подписи, Русина и Нагово, были сдѣланы на одномъ листѣ, который, вмѣстѣ съ началомъ дѣла, нынѣ утраченъ.

Высказанное И. С. Бѣляевымъ подозрѣніе въ подлинности рукоприкладства Григорія Нагово и замѣчаніе о его сходствѣ съ подписью Григорія Тулубѣева совершенно не основательно.—Если въ подписяхъ Г. Нагово и Тулубѣева можно усмотрѣть какое-либо сходство, то развѣ въ томъ, что обѣ онѣ написаны людьми, крайне плохо владѣвшими перомъ и умѣвшими не столько писать, сколько рисовать свое имя и фамилію.

Несомнѣнно, этимъ объясняется и ошибка Г. Нагово, допущенная имъ въ словѣ „приложилъ“. Неужели въ этой

ошибкѣ можно видѣть слѣды поддѣлки рукоприкладства? Если слѣдователямъ было нужно имѣть фиктивную подпись Нагово, то навѣрно они могли найти лицо, которое бы умѣло правильно написать слово „приложилъ“ и тѣмъ не выдало ихъ! Совсѣмъ непонятно, почему И. С. Бѣляевъ считаетъ Григорія Тулубѣева избраннымъ слѣдователями для такого серьезнаго дѣла, какъ поддѣлка подписи. Тулубѣевъ былъ ключникомъ Сытного дворца и при допросѣ, на очной ставкѣ съ Семейкою Юдинымъ, показалъ, что царевичъ накололся ножомъ самъ.

Что касается *числа* лицъ, приложившихъ руки къ своимъ показаніямъ, кажущагося весьма незначительнымъ, и то здѣсь нельзя ставить вопроса о процентномъ отношеніи числа свидѣтелей, допрошенныхъ при слѣдствіи, къ числу сдѣланныхъ ими рукоприкладствъ, такъ какъ допрашиваемые ставились очень часто не одиночно, а группами, изъ которыхъ подписывались лишь тѣ, кто былъ грамотенъ. Число лицъ, бывшихъ у допроса и дававшихъ какія-либо показанія, равняется 183-мъ (включая 40 человѣкъ посошныхъ людей, стоявшихъ съ Гришею Максимовымъ), подписей же въ дѣлѣ—22 *), что составитъ 12,2% рукоприкладчиковъ.

Если же мы примемъ во вниманіе число *группъ*, подтвердившихъ свои показанія рукоприкладствами, то ихъ окажется не болѣе *сорока*, и процентное отношеніе къ подписямъ выразится въ цифрѣ 55%, которую никакъ нельзя считать ничтожной для слѣдственнаго акта XVI вѣка.

Интересъ выясненія числа почерковъ, въ связи съ содержаніемъ столбца, исписаннаго тѣмъ или другимъ изъ нихъ, умаляется отсутствіемъ возможности узнать, кому принадлежитъ данный почеркъ. Это дѣлаетъ невоз-

*) Въ это число включенъ Иванъ Мурановъ, который говорилъ „по государеву цареву и великого князя кресному цолованью“ и подалъ свои рѣчи, записанныя губнымъ дьячкомъ Власкою Ѳатѣевымъ лично.

можнымъ судить о редакціи даннаго столбца тѣмъ или другимъ лицомъ, принимавшимъ какое-либо участіе въ составленіи слѣдственнаго акта.

Тѣмъ не менѣе, выясненіе числа почерковъ и ихъ классификація даютъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія общаго характера о составленіи слѣдственнаго акта.

„Большинство листовъ дѣла, говоритъ А. Бѣловъ, писано однимъ и тѣмъ же почеркомъ очень четко и старательно, съ видимой заботой о каллиграфіи, и притомъ не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ: чернила на разныхъ мѣстахъ разныя, да и самый почеркъ, начинаясь обыкновенно очень убористо, дѣлается мало-по-малу довольно разгонистымъ. Такъ повторяется нѣсколько разъ, и это обстоятельство даетъ иногда возможность опредѣлить, сколько писецъ написалъ за одинъ разъ. Тѣмъ же самымъ основнымъ почеркомъ писаны челобитная Евдокіи Битяговской, протоколы засѣданія освященнаго собора въ Москвѣ и „памяти“ лицамъ, посланнымъ арестовать кормилицу Ирину, ея мужа Ждана Тучкова и ведуна Андрюшу Мочалова. Другимъ почеркомъ и другими чернилами записано показаніе священника Стефана (л. 10). Третій почеркъ, весьма нечеткій, можно замѣтить въ записи показанія Андрея Нагого (л. 15). Наконецъ, четвертымъ, самымъ неразборчивымъ во всемъ дѣлѣ и типичнымъ для челобитныхъ, писана челобитная Русина Ракова. Бумага и чернила здѣсь совершенно другія (л. 48). Разница въ почеркѣ на этихъ листахъ видна отчетливо. Въ другихъ мѣстахъ, писанныхъ какъ будто тоже другими лицами, можно видѣть измѣненіе одного и того же основного почерка“ *).

Нѣсколько подробнѣе останавливается на разсмотрѣніи числа почерковъ, встрѣчаемыхъ въ слѣдственномъ

*) О Димитріи Самозванцѣ. Критическіе очерки А. С. Суворина. С.-ПБ. 1906 г. стр. 172—173.

дѣлѣ, И. С. Бѣляевъ.—„*Почерковъ*, которыми написано подлинно слѣдственное дѣло, никоимъ образомъ нельзя считать три, какъ говорится въ примѣчаніи къ печатному тексту*), и не четыре, какъ указывается въ Суворинскомъ изданіи 1906 года; по характернымъ особенностямъ выдѣляются, по нашему просмотру, въ дѣлѣ *семь* почерковъ:

1) Основной, толстые штрихи, широкія буквы, разгонистый; имъ написаны, по перемѣтѣ Архива, страницы: 1—9, 1-я склейка 10, 11—12, 1-я скл. 16, 2-я скл. 17, 25, 35—36, 2-я склейка 38, 47, 51—54.

2) Подходящій къ основному, но имѣющій тонкіе штрихи, болѣе узкія буквы при одинаковой почти вышинѣ; на страницахъ: 10 (2-я скл.), 13, 14, 16 (скл.), 17, 20, 23 и 24. (*Оба* эти почерки *напоминаютъ* почеркъ дьяка Вылузгина, находящійся въ другомъ слѣдственномъ дѣлѣ о Романовыхъ, напечатанномъ Археографической комиссіей).

3) Мелкій довольно почеркъ, скоропись, не четкій, имъ написаны страницы 15 и 22, при чемъ послѣдняя написана болѣе старательно, чѣмъ первая.

4) Довольно мелкій, сжатый и красивый почеркъ, на страницахъ 19, 21, 26—32, 33—34 (немного хуже предъидущихъ), 37, 1-я склейка 38, 2 склейка 42—44.

5) Подходящій къ четвертому, также мелкій, но менѣе четкій, можетъ быть скоропись 4-го, на страницахъ 40 и 41.

6) Толстый, сильно расплывчатый почеркъ, имъ написаны страницы 45 и 46.

7) Очень некрасивый, состоящій изъ какихъ-то черточекъ, точно нацарапанный, на стр. 48—50.

Если изъ этихъ семи почерковъ третій и пятый, съ малою однако вѣроятностію, признать *за скоропись* двухъ изъ указанныхъ, то и тогда *неоспоримыхъ* будетъ *пять* почерковъ".

Разнорѣчивость въ опредѣленіи числа почерковъ объ-

*) Авторъ имѣетъ въ виду изданіе С. Г. Г. и Д.

ясняется тѣмъ, что всѣ листы писаны набѣло, съ замѣтной тщательностью, а это лишаетъ почеркъ типичныхъ особенностей. При каллиграфическомъ письмѣ XVI вѣка, еще не выработавшемъ разнообразія въ начертаніи однѣхъ и тѣхъ же буквъ, ихъ соединенія въ лигатуры и обилія надстрочныхъ знаковъ, что придаетъ такую типичную особенность скорописи XVII вѣка, — трудно уловить руку писца. Къ тому же слѣдственное дѣло, писанное болѣе чѣмъ на пятидесяти листкахъ, скрѣпленныхъ переплетомъ, чрезвычайно затрудняло сличеніе почерковъ и выясненіе ихъ числа.

Имѣя въ настоящее время фототипическіе снимки со всего дѣла, дающіе возможность распредѣлить листы въ желаемомъ порядкѣ и сличить ихъ письмо, мы пришли къ убѣжденію, что число почерковъ нѣсколько больше указаннаго И. С. Бѣляевымъ.

Прежде всего укажемъ на тѣ листы, которые заполнены не слѣдственной Комиссіей. Къ числу такихъ относятся:

1) челобитная Русина Рыкова, поданная митрополиту Геласію (скл. LVI, LVII, LVIII);

2) рѣчи губного старосты Ивана Муранова, который писалъ „губнои диячокъ Власко Θатѣевъ сынъ“ (скл. XXVII);

3) челобитная углическихъ разсыльщиковъ, поданная кн. Шуйскому 20-го мая (скл. XLVI, XLVII, XLVIII),

и 4) челобитная вдовы Авдотьи Битяговской, поданная кн. Шуйскому 21-го мая на Михаила и Григорія Нагихъ (скл. LII, LIII, LIV).

Челобитная Русина Ракова писана несомнѣнно имъ лично, на что указываетъ своеобразный почеркъ, очень некрасивый, нетвердый, отражающій сильное волненіе челобитчика, находившагося подъ страхомъ за свои поступки.

Челобитная углическихъ разсыльщиковъ писана вѣроятно кѣмъ-либо изъ нихъ.

Писецъ рѣчей Ивана Муранова указанъ.

Что касается челобитной Битяговской, то, несомнѣнно, она писана кѣмъ-либо изъ подьячихъ, которыхъ въ Угличѣ было не мало; это былъ обычный пріемъ для составленія дѣловыхъ бумагъ частными лицами. Но только мы никакъ не можемъ согласиться съ А. Бѣловымъ, что челобитная Битяговской писана тѣмъ же почеркомъ, который имъ названъ „основнымъ“, находящимся на первыхъ листахъ дѣла. Почеркъ челобитной Битяговской болѣе твердый, чѣмъ „основной“, изобилуетъ изгибами и крючками въ буквахъ „а, г, д, р, у“. Онъ сходенъ съ „основнымъ“ лишь потому, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовали одинаково опытные писцы съ хорошими и красивыми почерками.

Переходя къ разсмотрѣнію другихъ почерковъ дѣла, мы должны на первомъ мѣстѣ поставить тотъ, который А. Бѣловымъ справедливо названъ „основнымъ“. Этимъ прекраснымъ почеркомъ, четкимъ, раздѣльнымъ и опрятнымъ, писано наибольшее число листовъ слѣдственнаго дѣла:

1) челобитная Русина Ракова, поданная кн. Шуйскому до его въѣзда въ Угличъ (скл. I, II);

2) отрывокъ съ вопросами, заданными слѣдователями Русину Ракову (скл. III);

3) рѣчи Михаила Нагово скл. (IV—VII);

4) рѣчи Григорія Нагово (скл. VIII и IX);

5) рѣчи Бориски Ѳѳонасьева (скл. X);

6) дополнительное показаніе Григорія Нагово (скл. XI);

7) приказъ слѣдователей поставить къ допросу Василису Волохову и жильцовъ (скл. XIII);

8) рѣчи Василисы Волоховой (скл. XIV и XV);

9) рѣчи пяти истопниковъ (скл. XXX),

и 10) послѣднія пять строкъ LI-ой склейки, слова: „Да маия въ .кд. [21] день князю Василью и Ондрѣю и Елизарью Михайлова жена Битяговского на Михаила да на Григорья на Нагихъ подала челобитную і въ челобитной пишетъ“.

Другимъ почеркомъ написаны:

1) рѣчи Спасскаго соборнаго священника Степана (скл. XII);

2) рѣчи игумена Алексѣевскаго монастыря Савватія (скл. XXV);

3) рѣчи сытниковъ Михаила Меншикова, Немира Буркова, Кормового дворца стряпчаго Суботы Протопопова, и пищика Кормового и Хлѣбного дворца Алеши Ѳѳонасьева (скл. XXVIII и XIX).

Новый почеркъ замѣчается на листѣ съ записью рѣчей Андрея Нагово (скл. XVIII). Имъ же сдѣлана маленькая приписка внизу XXXII-ой склейки:

„...И какъ пришолъ шумъ великои, и они розбежалися".

Иной почеркъ, четвертый по счету, имѣютъ листы съ записью рѣчей:

1) жильцовъ, которые играли съ царевичемъ (скл. XVI);

2) кормилицы и постельницы (скл. XVII);

3) понамаря Царя—Костантиновской церкви, вдоваго попа Ѳедора Ѳѳонасьева, прозвищемъ Огурца (скл. XIX, XX, XXI),

и 4) приписка на XLI-ой склейкѣ, нижнія пять строкъ: „...что онъ съ Русиномъ съ Раковымъ пищали, и палицу и ножи кровью куречью мазалъ, и тѣ ножи, и пищали и палицу на побитыхъ людеи Русинъ Раковъ положилъ".

Слѣдующіе два почерка, очень сходные между собою по внѣшнему виду, думается намъ, слѣдуетъ различить другъ отъ друга, въ виду своеобразной манеры выносить нѣкоторыя буквы надъ строкой, въ первомъ изъ нихъ.

Первымъ почеркомъ написаны листы съ рѣчами:

1) Сытнаго дворца клюшника Григорія Тулубѣева (скл. XXXI);

2) царициныхъ дѣтей боярскихъ (скл. XXXII);

3) Хлѣбнаго дворца подклюшниковъ (скл. XXXIII);

4) царицина сына боярскаго Андрея Козлова и сѣнныхъ сторожей (скл. XXXIV, XXXV и XXXVI);

5) конюха Данилки Михайлова сына Григорьева (скл. XL);

6) пищика Степанки Корякина (скл. XLIV').

Вторымъ почеркомъ—рѣчи:

1) Покровскаго монастыря игумена Давида (скл. XXIV');

2) духовнаго отца Григорья Нагово, Царя-Константиновскаго попа Богдана (скл. XXVI);

3) сытныхъ сторожей, уксусника, свѣшника, конюха и стряпчихъ (XXXVII);

4) стряпчаго конюха Ѳедора Васильева (скл. XXXVIII и XXXIX);

5) конюха Михаила Григорьева (скл. XLII и XLIII);

6) поваровъ, помясовъ, скатертниковъ и сторожей (скл. XLV');

7) хлѣбниковъ и помясовъ (скл. XLVI);

8) городчанъ посошныхъ людей Гриши Толстова Максимова и съ нимъ 40 человѣкъ (скл. XLIX);

9) посадскаго человѣка Истомки Батусова (скл. L),

и 10) посадскихъ людей Ивана Пашина и Василья Буторина (скл. LI).

Новымъ почеркомъ записаны докладъ государю объ угличскомъ обыскѣ и протоколы засѣданія Освященнаго Собора (скл. LV', LIX и LX).

Наконецъ, послѣдній почеркъ можно усмотрѣть въ трехъ „памятяхъ", заканчивающихъ слѣдственный актъ (скл. LXI, LXII и LXIII).

Такимъ образомъ, всѣхъ почерковъ въ слѣдственномъ дѣлѣ мы отмѣтили *двѣнадцать*; изъ нихъ *четыре* относятся къ показаніямъ и челобитнымъ, поданымъ свидѣтелями и челобитчиками лично, а остальные *восемь* отмѣчены нами среди протоколовъ, записанныхъ членами слѣдственной Комиссіи.

Не станемъ утруждать читателей подробнымъ указаніемъ, чѣмъ руководствовались мы при классификаціи почерковъ. Словесно нѣтъ возможности дать описаніе всѣхъ отличительныхъ чертъ въ разновидностяхъ однихъ и

тѣхъ же буквъ, которыя ложатся въ основу характера почерка. При наличности же воспроизведенія подлинника читателямъ представляется возможность лично провѣрить предложенную классификацію почерковъ.

Опущенъ нами и критическій разборъ опредѣленія почерковъ, произведеннаго А. Бѣловымъ и И. С. Бѣляевымъ, съ которыми мы во многомъ не согласны.

Что представляетъ собою изучаемый нами слѣдственный актъ: бѣловой экземпляръ, или черновикъ? Этотъ вопросъ былъ затронутъ и А. Бѣловымъ, и И. С. Бѣляевымъ.

Первый изъ нихъ замѣчаетъ, что „внимательное палеографическое изученіе подлиннаго дѣла позволяетъ сдѣлать предположеніе, что имѣющійся теперь документъ, не представляя собою черновыхъ матеріаловъ для другого намъ недоступнаго полнаго списка, самъ является копіей съ недошедшихъ до насъ въ подлинникѣ показаній большинства свидѣтелей и челобитной Евдокіи Битяговской,— копіей, сдѣланной и редактированной въ Москвѣ.

На такое предположеніе наводятъ слѣдующія соображенія:

1) Большинство свидѣтельскихъ „рѣчей“ писано, очевидно, одной и той же рукою съ намѣренной и необычной для столбцовъ тщательностью и стремленіемъ къ каллиграфіи. Записать такимъ почеркомъ показанія лицъ, допрашиваемыхъ при слѣдствіи, сейчасъ же, прямо съ ихъ словъ, было едва ли возможно.

2) Показанія священника Стефана и Андрея Нагого писаны совершенно другимъ почеркомъ, весьма неразборчиво, видимо наспѣхъ, такъ, какъ только и можно было записать при самомъ допросѣ. Такія показанія, такъ же какъ и челобитная Русина Ракова, и представляютъ, надо думать, остатки тѣхъ черновыхъ матеріаловъ, по которымъ составлялось и редактировалось сохранившееся дѣло.

3) Челобитная Битяговской оказывается писанной тою же самою рукою, какою написанъ конецъ дѣла (протоколъ

засѣданія освященнаго собора и „памяти“). Трудно допустить, чтобы прошеніе частнаго лица, поданное, по всей вѣроятности, въ Угличѣ, могло составлять то же должностное лицо, которому довѣрено было писать и протоколъ собора и приказъ объ арестѣ нѣкоторыхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ. Вѣроятнѣе думать, что имѣющаяся теперь въ дѣлѣ челобитная Битяговской представляетъ лишь копію съ подлинной челобитной, не дошедшей до насъ, которая была сдѣлана въ Москвѣ при сводкѣ всего добытаго слѣдствіемъ матеріала.

4) Если допустить, что сохранившееся дѣло переписано въ Москвѣ съ черновыхъ матеріаловъ, собранныхъ на мѣстѣ происшествія въ Угличѣ, то станутъ понятны нѣкоторые допущенные копіистомъ промахи и погрѣшности. Такъ, не разобравъ въ своемъ черновикѣ имя попа Огурца, писецъ сначала явственно написалъ „Федоръ“, а затѣмъ черезъ нѣсколько строкъ два раза назвалъ его „Федотомъ“ (л. 16). Далѣе, переписывая челобитную Битяговской, онъ по небрежности четко написалъ „наколся“, вмѣсто „накололся“ (л. 46), а на л. 41 „мужика Бѣлозерца“ превратилъ въ „мужика Белотельца“.

Съ мнѣніемъ А. Бѣлова въ опредѣленіи сохранившагося слѣдственнаго акта трудно согласиться.

Прежде всего непонятно, что подразумѣваетъ А. Бѣловъ подъ *копіей* и что подъ *подлинникомъ*?—Какимъ образомъ въ копіи могутъ быть помѣщены *подлинныя рукоприкладства* свидѣтелей? А. Бѣловъ считаетъ, повидимому, за подлинникъ *черновыя* записи, ведшіяся въ Угличѣ, которыя въ Москвѣ были редактированы, переписаны набѣло, къ нимъ приложены руки свидѣтелей и вотъ эта „копія“ (по словамъ Бѣлова), дошедшая до нашихъ дней, и составляетъ слѣдственный актъ.

А. Бѣловъ, самъ предусматривая возникновеніе сомнѣній, которыя могутъ быть вызваны въ читателѣ такимъ опредѣленіемъ акта и появленіемъ въ копіи рукоприкладствъ, добавляетъ: „На наше предположеніе, что сохранившееся въ Мо-

сковскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдственное дѣло написано почти цѣликомъ въ Москвѣ по черновымъ матеріаламъ, вывезеннымъ изъ Углича, могутъ возразить, что въ дѣлѣ имѣются подписи допрошенныхъ комиссіей князя Шуйскаго лицъ, подписи, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться. Намъ кажется, однако, что такое возраженіе не можетъ поколебать высказаннаго нами взгляда, такъ какъ: 1) Подлинникъ подписанъ не всѣми допрошенными лицами, а относительно неграмотности другихъ мы не можемъ судить за неимѣніемъ свѣдѣній. Относительно же нѣкоторыхъ свидѣтелей (напримѣръ, попа Огурца и Кормового дворца стряпчаго Протопопова) можно положительно утверждать, что они могли бы подписать свое показаніе, если бы эти подписи отбирались тотчасъ же за дачею показанія. Потомъ очевидно, не нашли нужнымъ дать имъ скрѣпить свое показаніе. 2) Подписи находятся на оборотѣ листовъ, и это обстоятельство даетъ право думать, что свидѣтелямъ указывали мѣсто, гдѣ они должны были приложить руку, и что дѣло было дано имъ для подписанія уже тогда, когда оно было окончательно переписано сплошь, такъ что мѣста подъ „рѣчами“ каждаго не оставалось. Исключеніе составляетъ подпись попа Богдана, на л. 8, гдѣ онъ подписался за Григорія Нагова. На л. 21 подпись того же попа встрѣчаемъ уже на оборотѣ, несмотря на то, что переписчикъ, копируя свои матеріалы, самъ написалъ съ разбѣгу въ текстѣ: „и къ своимъ рѣчемъ священникъ руку приложилъ“ *).

Процессъ составленія слѣдственнаго акта находился въ тѣсной связи и зависимости съ производствомъ самого розыска.

Въ текстѣ угличскаго слѣдственнаго дѣла мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ собирались показанія кн. Шуйскимъ. Это даетъ намъ возможность сказать

*) А. С. Суворинъ. О Дмитріи Самозванцѣ. Стр. 179—180.

опредѣленію, въ какомъ видѣ были доставлены въ Москву опросныя рѣчи: въ бѣловыхъ экземплярахъ, или же въ черновыхъ записяхъ, явившихся лишь матеріаломъ для редактированія дѣла въ Москвѣ?

При разсмотрѣніи почерковъ мы уже указывали, что въ подлинникѣ нѣсколько челобитныхъ приведены не въ спискихъ, а въ оригиналахъ. Таковыми являются: челобитная Русина Ракова, поданная митрополиту Геласію (скл. LVI, LVII и LVIII); челобитная угличскихъ разсыльщиковъ, поданная кн. Шуйскому 20-го мая (скл. XLVI, XLVII и XLVIII), челобитная вдовы Авдотьи Битяговской отъ 21-го мая на Михаила и Григорія Нагихъ (скл. LII, LIII и LIV); наконецъ, въ подлинникѣ же помѣщены въ дѣло рѣчи губного старосты Ивана Муранова, писанныя губнымъ дьячкомъ Власкою сыномъ Ѳатѣева (скл. XXVII).

Уже этимъ перечнемъ документовъ доказывается, что разсматриваемый подлинникъ слѣдственнаго дѣла не можетъ быть названъ составленнымъ цѣликомъ въ Москвѣ лишь по черновымъ матеріаламъ.

Наоборотъ, челобитная—Русина Ракова, поданная кн. Шуйскому до его въѣзда въ Угличъ (скл. I и II), является, несомнѣнно, спискомъ съ оригинала, снятымъ тѣмъ же лицомъ, которое писало первую часть слѣдственнаго акта. Быть можетъ подлинникъ этой челобитной, содержащей чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія объ угличской драмѣ, былъ посланъ немедленно въ Москву *).

Всѣ остальныя свидѣтельскія показанія, записанныя

*) Челобитная Ракова касалась главнымъ образомъ тѣхъ насилій, которыя были произведены Нагими по отношенію къ должностнымъ лицамъ Углича, и имѣла до извѣстной степени специфическій характеръ. Въ такихъ случаяхъ Судебникъ царя Іоанна Васильевича (7 статья) указывалъ: „который будетъ жалобщикъ бьетъ челомъ по дѣломъ, а которому будетъ жалобщику безъ Государева вѣдома управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати Царю Государю...“

первоначально въ черновикахъ, были переписаны въ Угличѣ же набѣло; объ этомъ неоспоримо свидѣтельствуютъ тщательное письмо и сохранившіяся рукоприкладства, которыя едвали могли быть сдѣланы въ Москвѣ; въ послѣднемъ случаѣ мы должны бы были допустить, что слѣдственная Комиссія привезла съ собой изъ Углича 22-хъ свидѣтелей, рукоприкладства которыхъ сохранились въ подлинникѣ.

Отмѣченные нами (стр. 80—82) *восемь* почерковъ, которыми записаны рѣчи угличанъ, указываютъ, что, кромѣ главныхъ лицъ слѣдственной Комиссіи, т.-е. кн. Шуйскаго, Клешнина и Вылузгина, занимавшихся самымъ розыскомъ, при ней находилось нѣсколько подьячихъ, вѣроятно изъ мѣстной Дьячьей избы. Ими, по мѣрѣ собиранія слѣдственнаго матеріала и редактированія черновиковъ Комиссіею, допросныя рѣчи сейчасъ же переписывались набѣло. Послѣдняя работа производилась, такъ сказать, коллективно всѣми подьячими, безъ предварительнаго распредѣленія между ними чернового матеріала. Въ этомъ случаѣ для насъ становится понятнымъ, почему каждый изъ почерковъ встрѣчается по нѣскольку разъ, на различныхъ мѣстахъ акта, и слѣдуетъ кряду лишь на двухъ, трехъ и самое большее пяти склейкахъ.

Къ переписанному набѣло допросу одного лица, или цѣлой группы, грамотные прикладывали свои руки, и готовые допросы подклеивались „въ столпъ“.

Все это ясно свидѣтельствуетъ, что разсматриваемый нами слѣдственный актъ есть дѣловой экземпляръ, изготовленный и редактированный въ Угличѣ.

Дипломатическое изслѣдованіе угличскаго слѣдственнаго дѣла было бы не полно, если бы мы ограничились изученіемъ одной внѣшности документа и объясненіемъ причинъ его современнаго состоянія. Дипломатика требуетъ изъясненія и внутренней стороны документа, касаясь его текста по существу: часто отдѣльныя мѣста текста бываютъ неясны, вслѣдствіе чего ему даются различныя толкованія.

Сюда, конечно, не входятъ личные взгляды изслѣдователей на справедливость изложенныхъ въ документѣ фактовъ: это дѣло уже историка, а не археографа. Изслѣдователи слѣдственнаго акта, помимо замѣчаній о спутанности листовъ его и т. п., упрекаютъ Шуйскаго и его товарищей въ томъ, что они слишкомъ поверхностно отнеслись къ словамъ свидѣтелей и, кромѣ того, желая придать розыску опредѣленную тенденціозность, сводившуюся къ самозаклапію царевича, измѣняли ихъ показанія по своему усмотрѣнію. При томъ дѣлалось это такъ неудачно и съ такой небрежностью, что весь слѣдственный актъ пестритъ противорѣчіями въ показаніяхъ свидѣтелей, и однако сами слѣдователи не потрудились даже сколько-нибудь согласовать или изгладить эти противорѣчія, настолько они были спокойны за исходъ дѣла, порученнаго имъ Борисомъ Годуновымъ.

При обслѣдованіи внѣшняго состоянія документа намъ приходилось иногда касаться текста розыска, чтобы выяснить положеніе листовъ съ записями челобитной Русина Ракова, отчасти допросовъ Василисѣ Волоховой, Григорію Нагому, Борискѣ Оѳонасьеву, попу Ѳедоту, или Федору. Но эти замѣчанія были случайны и дѣлались лишь для объясненія порядка листовъ въ связи съ требованіями текста.

Теперь мы остановимся только на тѣхъ мѣстахъ текста, которыя не были нами затронуты.

На большинство изъ нихъ изслѣдователи розыскного дѣла обратили вниманіе и неоднократно указывали въ своихъ работахъ. На первомъ мѣстѣ должно поставить существенный вопросъ о томъ, кто первый ударилъ въ колоколъ, поднимая тревогу и извѣщая угличанъ о происшедшемъ несчастіи съ царевичемъ. Слѣдственное дѣло говоритъ объ этомъ неясно и сбивчиво. С. М. Соловьевъ, тщательно разсмотрѣвшій текстъ розыска, по поводу произведеннаго набатнаго звона пишетъ:

„Кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа на дворъ царевичевъ? Михайла и

Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичу, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Василиса же Волохова объявила, что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳонасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и показалъ, что сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и когда прибѣжалъ къ церкви къ Спасу, встрѣтился ему кормоваго дворца стряпчій, Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему звонить въ колоколъ у Спаса, да ударилъ его въ шею и заставилъ сильно звонить, говоря, что царица Марья приказываетъ, и все это онъ говорилъ передъ Григорьемъ Нагимъ. Григорій Нагой сказалъ: «того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ ему звонить Суббота Протопоповъ; а сказалъ ему тотъ же попъ Ѳедотъ, что велѣлъ ему звонить Суббота и что прибѣгалъ къ нему Михайло Битяговскій, и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ». А Суббота Протопоповъ, поставленный на очную ставку съ попомъ Ѳедотомъ, сказалъ: «Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайла Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, то онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить». Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показывали, что они сами прибѣжали на звонъ; но если они показывали ложно, то какъ очутились они на дворѣ у царевича? Кто имъ далъ знать о несчастіи? Слѣдователи не обратили на это вниманія. Мало того, Огурецъ объявилъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый сталъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Кузнецовъ; то для чего же Субботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда звонъ уже былъ произведенъ? Куда дѣвался Кузнецовъ?

Какъ слѣдователи не обратили вниманія на эту запутанность и не потребовали къ допросу Кузнецова?“.

Намъ кажется, что мы имѣемъ въ этомъ запутанномъ мѣстѣ примѣръ аналогичный разобранному выше, когда выяснилось, какимъ образомъ слѣдователи, въѣхавши въ Угличъ, *первымъ* начали допрашивать Михаила Нагово, а самъ Михаило Нагой указывалъ, что обвиненія, которыя на него „взвелъ“ Русинъ Раковъ, ложны. Выходило, что „оба раньше“ другъ друга начали говорить и давать свои показанія. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Русинъ предупредилъ слѣдователей и далъ имъ указанія для допроса Михаила Нагово.

Думается, тоже можно сказать и по поводу звона въ колокола.

Если указано двое лицъ, которые ударили въ колоколъ у церкви Спаса, и названы ихъ имена, то вполнѣ возможно, что они оба и звонили, но, конечно, въ разное время. Этому не противорѣчатъ ни ихъ же показанія, ни ходъ событій. Остается тотъ фактъ, что кто-нибудь первый произвелъ звонъ, и несомнѣнно сейчасъ же послѣ случившагося несчастія съ царевичемъ. Естественно предположить, что это былъ кто-нибудь изъ дворовыхъ лицъ, жившихъ рядомъ съ дворцомъ царевича. Слѣдственное дѣло, согласно словамъ пономаря Царя-Константиновской церкви Ѳедора Ѳѳонасьева, говоритъ, что „зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитріевъ сынъ Кузнецовъ“. Церковный сторожъ жилъ конечно при церкви, вблизи двора, и могъ или самъ ударить въ набатъ, услыхавъ о несчастіи, или же, исполняя чье-либо приказаніе изъ дворца. Если царевичъ еще не скончался отъ нанесенной себѣ раны и бился въ предсмертныхъ судорогахъ, то всетаки этого было достаточно, чтобы звать на помощь; другихъ средствъ не было.

На звонъ, производимый Кузнецовымъ, прибѣжали Михаило и Григорій Нагіе: ихъ дворъ находился, несомнѣнно, недалеко отъ дворца, и они явились одни изъ первыхъ.

Объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ Михаило Нагой: „зазвонили въ городе у Спаса... чаялъ онъ того, что горитъ... бежалъ онъ къ царевичю на дворъ“.

Но, очевидно, звонъ, произведенный Кузнецовымъ, былъ слабъ. Прибѣжавшій на него, какъ и Нагіе, вдовый попъ Огурецъ у церкви Спаса увидѣлъ бѣгущаго къ нему навстрѣчу Суботу Протопопова, который велѣлъ ему у Спаса звонить въ колоколъ, „да ударилъ ево въ шею і велѣлъ ему силно звонити“. С. М. Соловьевъ передаетъ слово „силно“—„силою“. Но намъ кажется, что нѣтъ никакихъ основаній мѣнять значеніе этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смыслъ всей фразы. Звонъ уже былъ произведенъ Кузнецовымъ, но недостаточный и слабый, потому Михаило Нагой, пріѣхавши на дворъ царевича, приказалъ Суботѣ Протопопову звонить вторично, „чтобъ миръ сходился“. Слѣдовательно, на первый звонъ, который привлекъ Нагихъ, попа Огурца и Протопопова, посадскихъ людей съѣхалось очень мало. Естественно, что Михаило Нагой велѣлъ повторить звонъ, и Протопоповъ, ударяя быть можетъ уклонявшагося отъ приказанія Огурца, велѣлъ ему звонить „сильно“, въ буквальномъ значеніи. Этотъ сильный звонъ и привлекъ угличанъ. Изъ показаній большинства свидѣтелей видно, что они побѣжали на царевичевъ дворъ на звонъ Огурца; это можно заключить по той картинѣ, которую они застали на дворѣ, и по неоднократнымъ упоминаніямъ ими имени Огурца.

Промежутокъ между первымъ и вторымъ звономъ, безъ сомнѣнія, былъ очень невеликъ. Поэтому свидѣтели при при допросахъ и не считали нужнымъ указывать на каждый изъ нихъ порознь. Но изъ словъ клюшника Сытнаго дворца Григорія Тулубѣева можно заключить, что онъ говоритъ о звонѣ, который былъ слышенъ дважды: „и какъ почали звонити, и онъ прибежалъ въ городъ, ажно звонятъ“. На первый звонъ онъ побѣжалъ, а прибѣжавъ въ городъ, услыхалъ снова звонъ.

Игуменъ Покровскаго монастыря Давыдъ „послышелъ...

на Угличе у Спаса въ соборе *и на посаде* звонъ великои". Монастырь находился въ двухъ верстахъ отъ Углича, и игуменъ услыхалъ два звона, за дальностью разстоянія принятые имъ за произведенные въ двухъ разныхъ мѣстахъ.

Угличане, услыхавъ удары колокола, подумали, не случился-ли гдѣ-нибудь пожаръ, но его не было видно, и спрашивали другъ друга о причинѣ звона. Находившіеся вблизи двора царевича могли узнать причину звона почти тотчасъ; другіе же даже не вышли изъ дома, а посылали своихъ слугъ „провѣдати". Между тѣмъ, со двора царевича уже словесно передавали встрѣчнымъ угличанамъ о смерти царевича, и посланные на развѣдки слуги говорили, что они слышали отъ посадскихъ и посошныхъ людей о смерти царевича. Прибѣжавшіе по первому набату слышали, что Михаило Нагой приказалъ звонить и что звонилъ Огурецъ. „И прискочилъ, государь, сь ево двора къ царицѣ на дворъ Михаило Нагои пьянъ на конѣ, і велѣлъ звонити въ колокола, и тутъ збежалъ миръ весь са вся четыре стороны",— свидѣтельствовали угличане разсыльщики.

Такъ какъ собственно этотъ звонъ привлекъ вниманіе угличанъ, и производившаго звонъ Огурца видѣли многіе, уже сбѣжавшіеся раньше, то, естественно, объ этомъ звонѣ и говорило большинство допрашиваемыхъ; а о первомъ, произведенномъ Кузнецовымъ, быть можетъ, почти совсѣмъ безъ очевидцевъ, никто и не упоминалъ.

Во всякомъ случаѣ, если мы допустимъ, что свидѣтельства слѣдственнаго дѣла о набатномъ звонѣ ложны и являются остатками изолгавшихся не въ мѣру слѣдователей, то мы должны будемъ признать ложными показанія цѣлаго ряда другихъ лицъ, допрошенныхъ при розыскѣ.

По поводу приведеннаго С. М. Соловьевымъ показанія Василисы Волоховой, „что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса", позволимъ себѣ замѣтить, что эти слова не слѣдуетъ понимать буквально. Василиса Волохова показала

при допросѣ: „какъ царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножомъ, и царица Марья збежала на дворъ, и почала еѣ, Василису, царица Марья бити сама полѣномъ, и голову еи пробила во многихъ мѣстехъ, и почала еи, Василисе, приговаривать, что будто се сынъ еѣ, Василисинъ, Wсипъ съ Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ царевича Димитрея зарѣзали; и она Василиса почала еи бить челомъ, чтобъ велѣла царица дати сыскъ праведнои, а сынъ еѣ и на дворѣ не бывалъ; и царица де велѣла еѣ тѣмъ же полѣномъ бити по бокwмъ Григорью Нагово, и тутъ еѣ толко чють живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса въ колокола...“

Если понимать это показаніе дословно, то окажется, что царица, услыхавъ о несчастіи съ сыномъ, прежде всего побѣжала отыскивать полѣно, а, найдя его, занялась битьемъ Василисы, приговаривая имена убійцъ, которыхъ она еще и не видѣла.

Несомнѣнно, ходъ событій былъ нѣсколько иной, и въ словахъ Василисы пропущены промежуточные моменты, т. к. пострадавшая торопилась высказать не столько детали происшедшаго, интересныя для слѣдователей, сколько свое ужасное горе женщины, потерявшей мужа, сына, все имущество и жестоко избитой царицею, Григоріемъ Нагимъ и толпой. Василиса искала защиты у слѣдователей.—Это такъ естественно.

Поэтому нельзя заключать изъ словъ Василисы, будто Григорій Нагой находился на дворѣ царевича во время его смерти и билъ вмѣстѣ съ царицей Волохову.

Вѣроятно, царица бросилась къ сыну, который еще бился въ припадкѣ и предсмертныхъ судорогахъ на рукахъ кормилицы Орины, и оставалась при немъ до его кончины, которая, по словамъ Григорія, послѣдовала въ его присутствіи: „а какъ они пришли, а царевичъ ещо живъ былъ и при нихъ преставился“. Вотъ теперь, когда все уже было потеряно для царицы, она въ отчаяніи стала бить Волохову, стала выкрикивать имена родныхъ Васи-

лисы, называя ихъ убійцами, и велѣла Григорію Нагому продолжать бить мамку.

„Константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго: вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать, зачѣмъ звонятъ? и думалъ, что гдѣ нибудь пожаръ; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайла тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго, Данила, былъ въ то время у отца своего на подворьѣ, обѣдалъ. Священникъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича и тотчасъ отправился во дворецъ; а Углецкіе разсыльщики показали, что Михайла Битяговскій, услышавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ дьячью избу; здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!), и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ дьячей избѣ. Какое же изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала идти въ дьячью избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить во дворецъ“.

Дѣлая сопоставленіе двухъ приведенныхъ показаній священника Богдана и угличскихъ разсыльщиковъ, С. М. Соловьевъ отмѣчаетъ въ нихъ противорѣчія. Однако, противорѣчія въ показаніяхъ получаются только отъ того, что имъ придано субъективное толкованіе. С. М. Соловьевъ говоритъ, что угличскіе разсыльщики показали, будто Михаило Битяговскій, услыхавъ шумъ, пошелъ въ Дьячью избу, и „здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!)“, а это противорѣчитъ показанію священника Богдана. Вотъ слова угличскихъ разсыльщиковъ: „А диякъ Михаило Битыговской, слышавъ тотъ шумъ, пришелъ (съ) сыномъ въ Диячью

избу; *а подалъ весть* Михаилу Битаговском[у] сытникъ Кирило Моховиковъ, что царевичъ болѣнъ чернымъ нѣдугомъ; и Михаило Битыговскои пришелъ на дворъ къ царице...“ Какое же основаніе утверждать, что „весть“ о смерти царевича „подана“ Моховиковымъ Битяговскому въ Дьячьей избѣ? Разсыльщики говорятъ о двухъ совершенно различныхъ моментахъ.—Объяснивъ причину смерти царевича и приходъ М. Битяговскаго, они возвращаются къ подробностямъ, добавляя, что „подалъ весть Михаилу Битяговскому сытникъ Кирило Моховиковъ, что царевичъ болѣнъ чернымъ нѣдугомъ“, но, конечно, это было сообщено не въ Дьячьей избѣ. Самъ Кириллъ Моховиковъ сказалъ: „какъ де-и царевичъ боленъ—накололся ножемъ, и учали звонить, и Михаило Битяговскои, прискочивъ ко двору къ воротомъ, а ворота были заперты, и онъ побежалъ къ Михаилу къ воротомъ и Михаилу ворота отперъ“. Здѣсь Моховиковъ, вѣроятно, и сообщилъ о болѣзни царевича. Кириллъ Моховиковъ также говоритъ о происходившемъ не послѣ смерти царевича, а о томъ, что было въ первыя минуты, когда „царевичъ боленъ—накололся ножемъ“. Такъ какъ припадокъ и предсмертныя судороги были продолжительны,—„било его долго“, и царевичъ скончался послѣ пріѣзда, по набату, Нагихъ, то, конечно, Моховиковъ видѣлъ царевича еще въ болѣзни—„чернаго нѣдуга“ и побѣжалъ извѣщать о случившемся. Въ томъ числѣ онъ извѣстилъ и М. Битяговскаго, котораго увидалъ „прискочившимъ ко двору“, къ запертымъ воротамъ (коихъ вокругъ двора, конечно, было нѣсколько) и которыя онъ отперъ Михаилу. Поэтому Моховиковъ могъ еще не знать о послѣдовавшей смерти царевича и говорилъ лишь о болѣзни его.

По словамъ конюха Григорьева, „Михаило Битеговскои, въбежавъ на дворъ, да въ верьхъ побежалъ, а чаялъ того что царевичь въ верьху.“ Это опять понятно, если принять во вниманіе, что Битяговскій зналъ лишь о болѣзни царевича.

Итакъ, никакихъ противорѣчій въ двухъ приведенныхъ показаніяхъ священника Богдана и угличскихъ разсыльщиковъ мы не видимъ.

Говоря о текстѣ слѣдственнаго дѣла, мы позволимъ себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Намъ кажется, что изслѣдователи слишкомъ строго относятся къ каждому отдѣльному его слову и считаются не съ общимъ смысломъ каждаго показанія, а съ его отдѣльными словами. При чемъ многіе совершенно не принимаютъ во вниманіе оборотовъ старинной рѣчи и своеобразной формы изложенія событій. Если придавать слову только прямое его значеніе, то можно усматривать въ текстѣ слѣдствія необыкновенныя нелѣпости. Напримѣръ, Кириллъ Моховиковъ, который отперъ ворота М. Битяговскому, разсказываетъ, что его „почали бити и забили *на смерть,* руки и ноги переломали". Послѣ этого убили *до смерти* Битяговскаго, Качалова и Третьякова, но онъ не видалъ, гдѣ ихъ убили, потому что „онъ самъ убитъ на смерть". О лицахъ, дѣйствительно убитыхъ, и лицѣ лишь избитомъ Моховиковъ говоритъ одними и тѣми же словами. Въ данномъ случаѣ, сущность этихъ словъ настолько ясна, что никто не станетъ толковать ихъ двояко. Но, если бы тѣ же слова встрѣтились въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ и въ неудобномъ сочетаніи, то мы получили бы возможность утверждать, что Моховиковъ былъ убитъ.

Архіепископъ Филаретъ, не соглашающійся признать царевича болѣзненнымъ мальчикомъ, который въ припадкахъ кусалъ и ранилъ однажды свайкою родныхъ, отрицаетъ его самозакланіе и въ словахъ свидѣтелей видитъ, что они показываютъ, будто царевичъ закололъ себя „когда лежалъ на землѣ"; особенно же онъ возмущается показаніемъ одного изъ свидѣтелей: „боярскій сынъ, Козловъ, говоритъ, что Царевичъ „летячи закололся ножемъ". Эту особенность невѣжества не считали нужнымъ и исправить" — заключаетъ авторъ*).

*) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. за 1858 г., кн. I, стр. 22.

Ясно, что Арх. Филаретъ понимаетъ слово „летячи“ буквально и думаетъ, будто Козловъ говоритъ о самопораненіи царевича, когда онъ „летѣлъ“.

Очень образному и точному выраженію „летячи“, т. е. въ то время, когда царевичъ падалъ, придано странное толкованіе.

Тотъ, кто много читалъ старинныхъ документовъ, часто встрѣчаетъ такія своеобразныя выраженія старинной рѣчи и знаетъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на ихъ значеніе. Напримѣръ, челобитчикъ, просящій себѣ какой-нибудь аршинъ сукна, считаетъ нужнымъ назвать себя сиротою, скитающимся межъ дворовъ съ женишкою и съ дѣтишками и умирающимъ голодною смертью. Но это есть форма прошенія, а не дѣйствительность.

Для насъ кажется яснымъ, что если бы кн. Шуйскій и другіе слѣдователи составляли актъ о розыскѣ, какъ говорятъ изслѣдователи, согласно лишь своимъ личнымъ цѣлямъ, и при слѣдствіи допрашивали, кого хотѣли и писали лишь то, что хотѣли, то они безъ сомнѣнія могли составить слѣдственную бумагу такъ, что въ ней не встрѣтилось бы ни одного противорѣчія, ни одной зацѣпки. Для слѣдственной Комиссіи не представлялось затрудненія согласовать въ деталяхъ показанія различныхъ свидѣтелей, разъ они по своему измѣняли рѣчи опрошенныхъ лицъ. Если изслѣдователи акта считаютъ допущенныя въ немъ противорѣчія столь существенными, что присутствіе ихъ въ корнѣ подрываютъ довѣріе ко всему акту и слѣдствію, то почему же кн. Шуйскій, исказившій, какъ утверждаютъ изслѣдователи, все слѣдствіе, оставилъ въ подлинникѣ рядъ противорѣчій и явныхъ несообразностей? Вѣдь исправить ихъ было много легче, чѣмъ, напримѣръ, заставлять насильственно подписываться угличанъ подъ ихъ показаніями, ложно составленными самими слѣдователями.

Заключеніе.

Нашъ первый опытъ дипломатическаго изученія угличскаго слѣдственнаго дѣла, далеко неполный и несовершенный, являющійся лишь рядомъ отдѣльныхъ наблюденій надъ подлинникомъ, не даетъ законченнаго изслѣдованія. Болѣе внимательный и опытный археографъ сумѣетъ, быть можетъ, найти въ драгоцѣнномъ памятникѣ еще много другихъ фактовъ дипломатическаго характера и со временемъ объяснитъ то, что оставлено нами незатронутымъ и нерѣшеннымъ.

Главной нашей задачей было намѣреніе обратить вниманіе историковъ на тенденціозное и несправедливое отношеніе прежнихъ изслѣдователей къ оффиціальному акту, который по какой-то, совершенно роковой, случайности потерялъ въ ихъ глазахъ всю цѣнность источника по вопросу о смерти царевича Димитрія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сочли нужнымъ отмѣтить, по литературѣ вопроса, ошибочныя заключенія и выводы въ толкованіи текста угличскаго розыска.

Можемъ ли мы послѣ дипломатическаго изученія слѣдственнаго дѣла согласиться со взглядомъ И. С. Бѣляева на цѣнность изученнаго акта и принять его соображенія?

„Какъ извѣстно, замѣчаетъ И. С. Бѣляевъ, послѣ убіенія царевича Димитрія, въ теченіе какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ, въ Россіи перемѣнился цѣлый рядъ царствованій: Ѳедора Іоанновича, Годунова, Лжедимитрія, Шуйскаго и наконецъ Михаила Ѳедоровича Романова. Почти всѣ они имѣли съ слѣдственнымъ дѣломъ живую, *близкую* связь и считать ихъ безпристрастными къ нему нельзя.

Вскорѣ по окончаніи слѣдствія, произведеннаго Шуйскимъ объ убіеніи Димитрія царевича, Царь Ѳедоръ Ивановичъ, по слушаніи дѣла, приказалъ боярамъ идти съ нимъ къ Патріарху и всему освященному собору; „бояре, пришедъ къ Патріарху, велѣли діяку Василью Щелкалову Углецкое дѣло *на соборъ честь*“. „И патріяршъ Іевъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, *слушевъ Углетцкого дѣла* и сказку митрополита Галасѣи, говорилъ... передъ государемъ Михаила и Григорья Нагихъ и Углетцкихъ посадцкихъ людей *измѣна явная*“.

Спрашивается, могли ли такіе *дѣльцы*, какъ Шуйскій, Клешнинъ и Вылузгинъ допустить *публично* читать на соборѣ дѣло въ такомъ *перебитомъ* видѣ, въ какомъ оно теперь находится предъ нашими глазами, могли ли они допустить чтеніе, напримѣръ, такого мѣста дѣла (по печатному тексту): „Да князь Василей же и Ондрѣй и Елизарей велѣли поставити передъ собою вдову Василису *Волохову и жильцовъ*... и распрашивали *Василисы* и жильцовъ: которымъ обычаемъ царевичю Дмитрею смерть случилась?“ и вслѣдъ затѣмъ читать слѣдующую склейку, какъ идетъ въ подлинникѣ слѣдственнаго дѣла и какъ напечатано въ изданіи 1819 года: „*А Бориско Овонасьевъ* человѣкъ Нагово въ роспросе сказалъ“..., потомъ читать еще слѣдующую: „*и Григорей Ѳедоровъ сынъ Нагово* в розспросе сказалъ“...; могли ли, послѣ поставленнаго вопроса Василисѣ Волоховой, читать далѣе челобитную (или вѣрнѣе ея отрывокъ) отъ какого-то неизвѣстнаго, начало которой въ дошедшемъ до насъ подлинномъ дѣлѣ оборвано, и которая начинается словами „Михаилу Нагово разговаривати“..., читать потомъ показаніе Спасскаго соборнаго священника Степана, а уже послѣ цѣлыхъ 5-ти листовъ совсѣмъ другого содержанія, *послѣ всего* того отвѣтить на вопросъ: „И вдова Василиса Волохова в розспросе сказала“...?! Трудно допустить, затѣмъ, чтобъ у такихъ опытныхъ дѣльцовъ допросы при слѣдствіи безъ какой-либо связи *перемѣшивались* съ челобитными, какъ напримѣръ *челобитныя*: неизвѣстнаго

между показаніями Григорья Нагово и Василисинымъ, „Углетцкихъ разсыльниковъ“ *между* показаніями поваровъ, хлѣбниковъ, городчанъ посошныхъ людей и посадского человѣка Истомки Батусова. Зная какъ вообще въ старину и въ особенности въ XVI в. цѣнили и осторожно берегли всякую дѣловую бумагу, или актъ, какъ ревниво относились къ выполненію *формъ* въ ихъ производствѣ, тщательно соблюдая во всемъ сложившійся опытомъ порядокъ, мы вправѣ сказать, что въ 1591 г. слѣдственное дѣло не могло быть въ такомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ и напечатано. Тогда его порядокъ склеекъ, а можетъ быть даже и составъ ихъ, былъ безъ сомнѣнія другой.

Только предпославъ эти соображенія, навѣянныя просмотромъ подлиннаго дѣла, можно вполнѣ допустить, что всѣ пристрастные къ этому дѣлу правители вертѣли его въ своихъ интересахъ въ ту или иную сторону; затрудненій особенныхъ не представлялось: *дѣло было не перенумеровано, склейки можно сдѣлать и больше и меньше,* или совсѣмъ *замѣнить другими,* тѣмъ болѣе, что на многихъ показаніяхъ, даже такомъ важномъ, какъ Михаила Нагого, подлинность котораго въ дѣлѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ весьма подозрительна, нѣтъ *собственноручнаго рукоприкладства.*

Начнемъ съ Годунова. Кто же ему мѣшалъ, спрашиваемъ мы, *приказать* дьяку Вылузгину, по пріѣздѣ слѣдователей изъ Углича въ Москву, неудобныя склейки вынуть, а на ихъ мѣста вклеить другія, болѣе удовлетворяющія тому, что желали отъ нихъ видѣть. Вѣдь мѣсто дѣйствія, гдѣ произошло убіеніе царевича, далеко, лицъ, бывшихъ тамъ и въ то-же время *безпристрастныхъ*, въ Москвѣ нѣтъ, бояться во время чтенія дѣла на соборѣ некого. Самый же столбецъ, заключающій слѣдствіе, съ виднѣющимися кое-гдѣ рукоприкладствами, для бѣглаго *внѣшняго* осмотра представлялся надежнымъ, а для внимательнаго его изученія, раскатыванія и вновь свертыванія нужны были часы времени, на что охотники на соборѣ едва ли могли найтись.

Бумага чистая, склейки какой угодно величины подъ руками, предметъ этотъ нѣмъ, не выдастъ душевныхъ ощущеній писавшаго; основной же почеркъ слѣдственнаго дѣла, которымъ написана его значительная часть, принадлежитъ или дьяку Вылузгину, или близко къ нему подходитъ, стало быть въ то еще время при Царѣ Ѳеодорѣ, до „освященнаго собора“, была возможна какая угодно перетасовка дѣла.

Царствованіе Годунова окончилось, на престолъ всходитъ Лжедимитрій, лицо *заинтересованное* и главное въ дѣлѣ. Естественно допустить, что у него могло явиться желаніе посмотрѣть дѣло. Спрашиваетъ его. Смотритъ: на первыхъ листкахъ попадается показаніе Михаила Нагого, *его дяди*, и въ этомъ показаніи говорится, что его, царевича, *зарѣзали*. Лжедимитрій могъ конечно посмѣяться и сказать: „Какъ видите, я живъ: какъ же могли меня зарѣзать? Вотъ до чего довели дядюшку злодѣи, до какой грубой неправды; не мѣсто здѣсь такому поддѣльному показанію!“ И вырываетъ или рветъ склейку, оставляя въ тоже время нетронутыми тѣ листки дѣла, гдѣ говорится, что онъ въ тычку накололся, уничтожая первое, невыгодное для него по сущности показанія и по близкому къ нему родству свидѣтеля, и оставляя послѣднее, имѣющее мало правдоподобія.

Лжедимитрій свергнутъ; на престолѣ Шуйскій, дѣятель *болѣе другихъ посвященный* во всѣ тайники слѣдственнаго дѣла, имъ руководившій. Для поддержанія и укрѣпленія своего на царствѣ Шуйскому нужно болѣе свидѣтельствъ, что Димитрія *нѣтъ* на свѣтѣ. Помимо принятыхъ имъ для этого мѣръ: грамоты царицы Маѳы, матери убіеннаго царевича, перенесенія мощей его изъ Углича въ Москву, Шуйскому несомнѣнно было нужно возобновить и слѣдственное дѣло, можетъ быть нарушенное Самозванцемъ, возобновить *въ томъ видѣ*, въ какомъ оно было составлено *имъ самимъ* при Годуновѣ, а здѣсь на первомъ планѣ должно быть показаніе Михаила Нагого, что царевича *за-*

рѣзали (что слѣдовательно *только* въ этомъ случаѣ онъ Святой, угодникъ Божій). Шуйскому къ подобнымъ ловкимъ дѣламъ было не привыкать: недаромъ въ народѣ за хитрость его считали волхвомъ. Если въ слѣдственномъ дѣлѣ во время царствованія Шуйскаго не было на лицо показанія *Михаила Нагого,* то его можно было вновь приклеить; возможно, что Вылузгинъ былъ еще живъ, могъ недостающее сдѣлать онъ, въ другомъ же случаѣ и царь могъ найти подходящаго *„пищика“;* возможно, что нашлись даже спасшіяся послѣ Перваго Лжедимитрія *части**) показанія Михаила Нагого, достаточно передающія главное, что царевича *зарѣзали.* О подписи Михаила Нагого, необходимой въ показаніи, которой, *что очень важно, нѣтъ* на дошедшихъ до насъ листкахъ, не думали, или думали, что о ней не вспомнятъ, такъ какъ въ это время дѣятели, болѣе или менѣе знакомые съ дѣломъ, сходили уже со сцены, а для другихъ, для толпы, достаточно было главнаго смысла допроса, а до такихъ подробныхъ формальностей не доберутся! И вотъ, можетъ быть при Шуйскомъ, —новая редакція слѣдственнаго дѣла, вѣроятно уже послѣдняя, дошедшая и до насъ къ *такомъ* видѣ, т. е. безъ подписи Михаила Нагого въ показаніи, а это очень существенно: можетъ быть показаніе *не принадлежитъ* дѣйствительно ему, и этотъ Нагой за *своею подписью* далъ съ свое время *иное показаніе,* а Шуйской или другой кто измѣнилъ его въ своихъ интересахъ. При этомъ, показаніе Михаила Нагого, какъ дошло до насъ, не пишется *по обычной* формѣ, принятой раньше, что „Шуйскій съ товарищи велѣли поставить и распрашивали“, нѣтъ такого предисловія, а показаніе Михаила Нагого, такъ сказать, пишется въ *протоколъ* слѣдователей, въ слѣдъ *за ихъ* изложеніемъ. Для чего это?

Если, стало быть, показаніе Михаила Нагого могло быть инымъ, чѣмъ находящееся въ дѣлѣ, то нельзя-ли предпо-

*) На первомъ листѣ есть слѣды вырванныхъ частей склейки.

ложить, что и показаніе *Григорья Нагого* было подтасовано. Въ *печатномъ* спискѣ слѣдственнаго дѣла (въ „Собр. госуд. грам. и догов.“, стр. 105) *послѣ* показанія Григорья Нагого идетъ рукоприкладство. Въ подлинникѣ-же есть одна особенность: въ концѣ этого показанія послѣ послѣднихъ словъ: „царевича Дмитрія зарѣзали“*), тотчасъ же идетъ подпись не Григорья Нагого, а подпись: „К сѣмъ рѣчемъ *отецъ духовной Григорья Нагого* Царе Канстантиновскои попъ Богданъ руку приложилъ“. Потомъ уже *на оборотѣ* того же листа идутъ подписи: „К сѣмъ рѣчемъ *Григорій* руку приложилъ“ и подпись архимандрита Ѳедорита. Можно думать, что Григорій Нагой отказался подписать свой допросъ, *какъ невѣрный;* тогда примѣнили обычный способъ: заставили вмѣсто его подписаться отца духовнаго, а для вящщаго закрѣпленія допроса пригласили еще подписаться архимандрита Ѳедорита—также духовное лицо, на совѣсть которыхъ въ то время полагались и вѣрили общество и правительство. Все это заставляетъ видѣть въ подписи *поддѣлку,* а съ нею вмѣстѣ и *вѣроятность* самого показанія Григорья Нагого въ томъ видѣ, въ которымъ оно дошло до насъ, считать сомнительной.

Такимъ образомъ, *достовѣрность* двухъ такихъ важныхъ показаній, какъ *Михаила* и *Григорья Нагихъ, сомнительна.* Если вспомнимъ отношенія бояръ къ Шуйскому по его воцареніи, подозрительность его къ нимъ, ихъ недовѣріе къ нему, то нельзя-ли предположить, что причиной этого обоюднаго недовѣрія могло быть лукавое поведеніе Шуйскаго во время веденія слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія, недовѣріе схожее съ тѣмъ, которое ранѣе

*) Здѣсь И. С. Бѣляевъ допустилъ погрѣшность въ цитаціи, которую необходимо исправить въ виду того, что именно Григорій Нагой показалъ опредѣленно, что царевичъ Димитрій „набрушился самъ ножемъ“. Въ подлинникѣ конецъ показанія Григорія Нагово (скл. IX) читается такъ: „И тѣ ножи и палицу велѣлъ братъ его Михаило Нагои покласти на тѣ люди, которые побиты... для того, что де будто се тѣ люди царевича Дмитрея зарѣзали“.

по тому же дѣлу предъявлялось къ Годунову. Если Шуйскій, сведенный съ плахи Лжедимитріемъ, спасенный имъ отъ смерти, вѣроломнымъ обманомъ заплатилъ своему избавителю, то съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что и ранѣе при слѣдствіи о царевичѣ Димитріи онъ также *обманулъ* Годунова, скрывъ отъ него истину, происшедшую въ Угличѣ. Оставляя въ сторонѣ показанія Григорія и Михаила Нагихъ, дѣйствительное присутствіе которыхъ въ дѣлѣ сомнительно, мы должны сознаться, что за исключеніемъ ихъ, остаются только, *пристрастныя* показанія, что „царевичъ игралъ въ тычку и накололся самъ“, по сущности своей *мало правдоподобныя*“.

При изслѣдованіи подлинника мы уже неоднократно разсматривали тѣ или другіе вопросы, затронутые И. С. Бѣляевымъ; здѣсь же коснемся лишь тѣхъ строкъ, гдѣ онъ говоритъ о возможности считать Лжедимитрія виновникомъ намѣренной порчи частей слѣдственнаго акта.

Прежде всего нельзя не удивляться той причинѣ, которая, по словамъ И. С. Бѣляева, побудила Лжедимитрія нарушить цѣльность подлинника и „вырывать или рвать“ склейку только потому, что здѣсь утверждалось его убійство ножемъ; какъ будто Лжедимитрію было не все равно, убили ли его ножемъ, или онъ скончался во время игры въ тычку! Вѣдь Лжедимитрій никогда и не говорилъ, что его кто-нибудь убивалъ или что онъ скончался отъ какой-либо другой причины. Поэтому намъ кажется очень страннымъ, почему онъ оставилъ тѣ мѣста подлинника (короче говоря—все слѣдственное дѣло), гдѣ говорится, что онъ, играя въ тычку, самъ накололся. Для Лжедимитрія и показаніе Михаила Нагово объ убійствѣ его ножемъ, и показанія всѣхъ остальныхъ свидѣтелей о самозакланіи при игрѣ въ тычку—были совершенно одинаково ложны: онъ считалъ себя спасеннымъ черезъ подмѣну какимъ-то мальчикомъ и никогда другихъ доводовъ о происхожденіи своей личности не высказывалъ. Если бы Лжедимитрій дѣйствительно заинтересовался подлинникомъ угличскаго

дѣла и потребовалъ его къ себѣ, то, увидѣвъ въ показаніяхъ свидѣтелей исключительно рѣчи о своемъ самозакланіи или убійствѣ, онъ могъ бы совсѣмъ уничтожить актъ, сказавъ, что все изложенное въ немъ—ложь.

Допустимъ, что Лжедимитрій вырвалъ изъ слѣдственнаго акта ту часть, гдѣ говорится объ убійствѣ его, а царь Василій Шуйскій пожелалъ, по словамъ И. С. Бѣляева, возстановить показаніе М. Нагово, чтобы имѣть точныя и прямыя свидѣтельства, „что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ“. Шуйскій беретъ документъ и видитъ, что это показаніе вырвано.

— Что же теперь долженъ былъ сдѣлать Шуйскій?

Если онъ ранѣе зналъ объ уничтоженіи Лжедимитріемъ показанія М. Нагово, то онъ сейчасъ же и указалъ бы на это всѣмъ, какъ на явное доказательство обмана самозванца. Шуйскому повѣрили бы, и цѣль была бы достигнута. Это было проще, чѣмъ разыскивать „подходящаго пищика“ и сомнительной поддѣлкой показанія М. Нагово, хотя бы и въ первоначальномъ видѣ, доказывать, что Димитрія царевича нѣтъ въ живыхъ.

Если же Шуйскій не зналъ о продѣлкѣ Лжедимитрія надъ документомъ, то онъ еще скорѣе могъ бы указать на порчу его боярамъ. Несомнѣнно, нѣкоторые изъ бояръ и приказныхъ знали бы еще о томъ, что Лжедимитрій вырвалъ показанія М. Нагово, разъ онъ, по словамъ И. С. Бѣляева, смѣясь надъ ложью М. Нагово, публично говорилъ: „Какъ видите, я живъ; какъ же могли меня зарѣзать“?

Возстановлять склейку съ рѣчами М. Нагово въ документѣ Шуйскому было весьма опасно: его бы сейчасъ же уличили тѣ же бояре, знавшіе поддѣлку Лжедимитрія. Угличское слѣдственное дѣло не являлось фамильной собственностью, которая переходитъ изъ письменнаго стола владѣльца въ столъ наслѣдника. Актъ хранился въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ любой изъ дьяковъ, знакомый съ дѣломъ, обратилъ бы вниманіе на то, что, потребо-

ванный сначала Лжедимитріемъ и возвращенный изодраннымъ, онъ снова берется царемъ Шуйскимъ и возвращается въ цѣломъ видѣ. Подобное занятіе царей не осталось бы тайной для окружающихъ!

Ко всему этому прибавимъ, что порванная склейка съ показаніемъ М. Нагово (скл. III-я), надъ которой будто бы трудились Лжедимитрій и Шуйскій, оставивъ до сего времени слѣды своей работы, на самомъ дѣлѣ является случайной порчей документа уже въ XVIII вѣкѣ (см. выше, стр. 50).

Какой странный методъ примѣняетъ И. С. Бѣляевъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ признаніе поддѣльнымъ показанія М. Наговэ. Онъ строитъ свои доказательства исключительно на „возможностяхъ“, которыя допускаетъ въ подавляющемъ количествѣ:

1) возможно, (говоритъ онъ) что въ царствованіе Шуйскаго не было на лицо показанія Михайла Нагово;

2) возможно, что его можно было вновь приклеить;

3) возможно, что Вылузгинъ былъ живъ;

4) возможно, что поддѣлку и недостающее могъ сдѣлать онъ;

5) возможно, что, если и Вылузгина не было въ живыхъ, то царь могъ найти подходящаго пищика;

6) возможно, что нашлись даже спасшіеся послѣ Лжедимитрія части показанія Михаила Нагово.

Въ пяти печатныхъ строкахъ шесть „возможностей“ и такихъ рискованныхъ, что едва ли онѣ могутъ служить какимъ-либо доказательствомъ въ научномъ изслѣдованіи, поставившемъ себѣ задачею подорвать довѣріе къ оффиціальному слѣдственному акту.

Какъ далеки были слѣдователи, а тѣмъ болѣе московскіе цари, отъ тѣхъ обвиненій, которыя имъ приписываетъ И. С. Бѣляевъ! Какимъ наивнымъ кажется предположеніе о „сознательной подтасовкѣ“ слѣдственнаго акта и объ уничтоженіи его частей Лжедимитріемъ, который, при всей дикости своего плана завладѣть престоломъ, былъ

человѣкомъ недюжиннаго ума и едва ли посвящалъ свое время на поддѣлку въ ничтожномъ для его личности документѣ, вырывая изъ него клочки бумаги.—Занятіе, болѣе подходящее для мелочной натуры, чѣмъ для человѣка, сумѣвшаго поднять на ноги цѣлую страну, обратить на себя вниманіе папы и занять русскій престолъ.

Скажемъ здѣсь, кстати, о цѣнности того духовнаго завѣщанія Андрея Александровича Нагово отъ 1617 года, которое найдено И. С. Бѣляевымъ среди документовъ Архива М-ва Юстиціи. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что имущество А. А. Нагово—его „животы“ взяли „въ опалѣ на Государя на Углече, какъ царевича Дмитрія *убили*“ *). „Показывавшій при производствѣ слѣдствія, что царевичъ зарѣзанъ **), замѣчаетъ И. С. Бѣляевъ, этотъ Нагой остается вѣренъ и теперь своему слову, повторяетъ въ духовной по существу то же самое, употребляя только болѣе общее выраженіе „убили“, которое одинаково можно отнести почти ко всѣмъ родамъ насильственной смерти и ко всякому времени, т.-е. и къ 1591 г., и къ другимъ. Конечно, въ 1617 году ничто уже не мѣшало Нагому сказать, что Димитрій накололся самъ 15 мая 1591 г., если бы оно было такъ; отъ такого показанія не пострадали бы ни святость невиннаго младенца, ни прочность новоизбраннаго царя на престолѣ. Разъ онъ солгалъ во время слѣдствія, то, помышляя о другой жизни, въ духовномъ завѣщаніи онъ могъ бы исправить свою вину, свой проступокъ. Однако, и здѣсь онъ подтверждаетъ свое первое показаніе. Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что младенецъ умеръ *не отъ своей руки,* а потому показаніе всѣхъ въ

---

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія 15 мая 1591 г., стр. 29.

**) А. Нагой не говорилъ утвердительно о смерти царевича, онъ показалъ: „сказываютъ, что его зарѣзали, а онъ того не видалъ...“ (См. скл. XVIII).

слѣдственномъ дѣлѣ лицъ, что онъ накололся, мы должны считать фальшивымъ и пристрастнымъ *).

Такой рѣшительный выводъ сдѣланъ на основаніи духовнаго завѣщанія, которое писано лишь въ 1617 году, когда уже цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ (съ 1606 г.) царевичъ былъ причисленъ къ лику святыхъ мучениковъ и прославлялся, какъ чудотворецъ всея Руси. И. С. Бѣляевъ совершенно упускаетъ изъ виду, что именно въ 1617 году А. Нагому нельзя было выразиться о смерти царевича иначе, какъ словомъ „убили“. Вѣдь, духовное завѣщаніе можетъ потерять всякое оффиціальное значеніе, если въ него будутъ внесены субъективные взгляды на справедливость правительственныхъ постановленій. Интересно было бы знать, какую оффиціальную цѣнность имѣло бы духовное завѣщаніе Нагово, если бы онъ назвалъ въ немъ новопрославленнаго святого—*самоубійцею*? Трудно даже представить себѣ, какъ поплатился бы человѣкъ, а особенно родственникъ Нагихъ, за подобныя кощунственныя слова въ XVII вѣкѣ. Участь племянниковъ, вѣроятно, не изгладилась изъ памяти дяди, чтобы онъ рискнулъ снова произнести тѣ ужасныя слова, которыя вызвали погромъ Углича и гибель Михаила и Григорія Нагихъ. Наконецъ, духовное завѣщаніе А. Нагово подписано ростовскимъ протопопомъ Иваномъ, попомъ церкви Рождества Пречистыя Богородицы Василіемъ и строителемъ Троицкаго монастыря Авраміемъ. Что цѣлая группа духовныхъ лицъ не станетъ подписываться подъ духовной съ кощунственными на взглядъ правительства словами, этого, надѣемся, и И. С. Бѣляевъ не станетъ опровергать.

Доказывать истинную причину смерти царевича Димитрія духовнымъ завѣщаніемъ А. Нагово отъ 1617 года глубокая ошибка, и новооткрытое завѣщаніе ничего новаго и цѣннаго по вопросу о смерти царевича и фальшивости слѣдственнаго дѣла не говоритъ.

---

*) И. С. Бѣляевъ. Угличское слѣдственное дѣло, стр. 24 и 25.

Отрицая истину факта самозакланія царевича, установленнаго розыскомъ, почти всѣ изслѣдователи указываютъ и ссылаются на явную тенденціозность слѣдственнаго акта.

Тенденціозность розыска усматривается въ томъ, что множество допрошенныхъ свидѣтелей, не видавшихъ лично момента нанесенія царевичемъ себѣ раны, почти единогласно свидѣтельствуютъ о происшествіи, очевидцами котораго они не были, въ тождественныхъ выраженіяхъ: „накололся на ножъ“, „набрушился самъ ножемъ въ надучеи болѣзни“, „бросило его wземлю, и тутъ царевичъ самъ себя ножомъ покололъ въ горлw“, „набросился на ножъ“, „ножемъ покололся“ и т. д.; а слѣдователи, неоднократно записывая въ протоколъ однообразныя и настойчивыя показанія, какъ будто хотятъ этимъ придать собраннымъ свидѣтельствамъ бо́льшую вѣроятность.

Поверхностное знакомство со слѣдственнымъ дѣломъ, дѣйствительно, какъ-будто убѣждаетъ, что онъ слишкомъ навязываетъ читателю фактъ самозакланія царевича. Если же вы внимательно будете слѣдить по тексту подлинника за ходомъ розыска и его развитіемъ, то увидите, что эти слова для самой слѣдственной Комиссіи имѣли значеніе лишь тогда, когда они произносились лицами *опредѣленной группы*, дѣйствительно могущей знать причину гибели царевича; въ устахъ же остальныхъ лицъ тѣ же слова имѣли значеніе второстепенное, и если произносились, то не столько по вопросамъ и требованію слѣдователей, сколько по добровольному желанію свидѣтелей, начинавшихъ свое показаніе отъ *начала* событія и неизмѣнно повторявшихъ время происшествія: *день 15-го мая, субботу, игру царевича съ жильцами, его болѣзнь и смерть*, и т. д., а затѣмъ уже переходившихъ къ субъективному изложенію видѣннаго ими.

Чѣмъ объясняется это?

Утраченное начало слѣдственнаго акта скрыло отъ насъ содержаніе наказа, даннаго кн. Шуйскому для про-

изводства розыска. Но по тексту подлинника мы ясно видимъ, что слѣдователямъ предстояло произвести дознаніе не по одному только вопросу: какъ погибъ царевичъ. Передъ ними стоялъ менѣе важный по своему значенію, но болѣе загадочный по причинѣ,—вопросъ: объ убійствѣ чернью цѣлаго ряда лицъ, и среди нихъ такого крупнаго, какъ дьяка?

Эти *два* пункта розыска въ равной степени заняли вниманіе слѣдователей.

Если предположить, что въ первой грамотѣ, посланной изъ Углича въ Москву, хотя бы Русиномъ Раковымъ, было сообщено коротко, какъ о самозакланіи царевича, такъ и объ убійствѣ чернью дьяка Битяговскаго и другихъ лицъ, то естественно и въ наказѣ, данномъ кн. Шуйскому, было намѣчено разслѣдовать *оба* пункта и выяснить ихъ *связь,* которая для московскаго правительства являлась по существу *совершенно непонятной.*

При приближеніи къ Угличу, кн. Шуйскому была вручена челобитная Русина Ракова, въ которой уже достаточно подробно было изложено все безчинство Михаила Нагово.

Слѣдователи начали розыскъ, конечно, съ перваго главнаго вопроса: „которымъ обычаемъ царевича Димитрія не стало?“ Для разслѣдованія его было допрошено нѣсколько лицъ: сначала Михаило Нагой *), а затѣмъ и другіе, которые вызывались по указанію стоявшихъ у допроса. Эту группу составили: Русинъ Раковъ, Михаило Нагой, Григорій Нагой, человѣкъ М. Нагово—Бориска Аѳонасьевъ, Спасскій соборный священникъ Степанъ, мамка царевича Василиса Волохова, четверо жильцовъ, которые играли съ царевичемъ на дворѣ; затѣмъ бывшіе съ царевичемъ кормилица Арина, постельница Марья и Андрей

*) Почему розыскъ начался съ Михаила Нагово,—это нами разсмотрѣно выше, стр. 36—49.

Нагой. Ихъ показанія дали *исчерпывающій матеріалъ* по вопросу о смерти царевича. Изъ рѣчей и очныхъ ставокъ этихъ лицъ выяснилась окончательно *истина* угличской драмы. Болѣе половины допрошенныхъ были очевидцами самозакланія царевича, а братъ царицы—Григорій Нагой подтвердилъ случайность его смерти. Чьи же слова могли быть для слѣдователей болѣе убѣдительными, да и кто изъ остальныхъ полутораста человѣкъ угличанъ, допрошенныхъ при розыскѣ, могъ дать о смерти царевича такія подробныя и авторитетныя показанія?

Изъ дальнѣйшаго текста розыска мы дѣйствительно видимъ, что духовенству и различнымъ посошнымъ дворовымъ людямъ царицы, прибѣжавшимъ по набатному звону, слѣдователи почти не задаютъ вопроса объ обстоятельствахъ смерти царевича, какъ лицамъ мало освѣдомленнымъ въ этомъ; если же допрашиваемый затрагиваетъ этотъ вопросъ, то по собственному почину, чтобы имѣть исходный пунктъ для начала показаній, и, сказавъ стереотипную фразу изъ трехъ-четырехъ словъ: „набрушился самъ ножемъ“ или „летячи накололся“, онъ спѣшитъ перейти къ обстоятельному изложенію того, что онъ засталъ въ городѣ, прибѣжавши по набату, и *видѣлъ лично*.

Исчерпавъ сущность перваго, главнаго вопроса о смерти царевича Димитрія, слѣдователи перешли ко второму: объ убійствѣ дьяка и другихъ угличанъ.

По этому пункту и были вызваны всѣ остальные свидѣтели, которыхъ было несравненно больше, чѣмъ по первому.

По набату сбѣжался весь городъ, и почти каждый видѣлъ (а нѣкоторые и принимали участіе), *какъ* и *изъ-за чего* началось убійство Михаила Битяговскаго, сына его Данила, Никиты Качалова, Данила Третьякова и многихъ другихъ. Этотъ дѣйствительно сложный и запутанный вопросъ потребовалъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Нужно было выяснить: дѣйствительно ли перебитые граждане были на царевичевѣ дворѣ въ моментъ его смерти и могли

быть убійцами царевича? За что царица и Михаило Нагой приказали убить угличанъ? Кто былъ исполнителемъ ихъ приказанія? и т. п. Для этого и было опрошено возможно большее количество свидѣтелей, которые, сбѣжавшись по набату, были очевидцами всего происшедшаго, и ихъ чрезвычайно подробныя показанія естественно заняли въ слѣдственномъ актѣ вдвое больше мѣста, чѣмъ матеріалъ по первому вопросу.

Только основательное знакомство съ *группировкой* показаній, занесенныхъ на листы слѣдственнаго акта, объясняетъ намъ причину присутствія въ розыскномъ дѣлѣ такого подавляющаго количества однообразной фразы о причинѣ смерти царевича Димитрія.

Изслѣдователи, полагая, что всѣ опрошенныя лица должны были отвѣчать *только объ обстоятельствахъ смерти царевича*, вмѣсто отвѣта находили въ „рѣчахъ“ дѣла три-четыре тождественныхъ фразы, никакихъ подробностей не дающихъ, и думали, что слѣдователямъ этого было вполнѣ достаточно, и цѣннымъ въ ихъ глазахъ являлось лишь увеличеніе числа такихъ свидѣтелей.

Но, это—явное заблужденіе!

Слѣдственный актъ распадается на *двѣ* неравныя части, согласно двумъ основнымъ вопросамъ: меньшую—*объ обстоятельствахъ смерти царевича* и большую—о *причинѣ убійства угличанъ и дьяка*. Въ первой части все вниманіе обращено на смерть царевича, и почти ничего не говорится, какъ и за что убиты угличане. Вторую часть заполняютъ почти исключительно обстоятельства убійства угличанъ и Михаила Битяговскаго, и отводится ничтожное мѣсто вопросу о смерти царевича.

Изслѣдователи подлиннаго розыскного акта, совершенно не принимая въ разсчетъ этого обстоятельства, выхватывали изъ двухъ *различныхъ* частей подлинника *отдѣльныя фразы* и искусственно группировали ихъ лишь около *одного* вопроса. Такое произвольное, и даже насиль-

ственное, отношеніе къ тексту акта недопустимо и ведетъ къ ложному заключенію.

Вотъ почему было крайнимъ заблужденіемъ считать слѣдственный актъ тенденціознымъ, допросныя рѣчи однообразными, а свидѣтельства неочевидцевъ смерти царевича записанными лишь для того, чтобы безконечнымъ повтореніемъ голой фразы „самъ закололся“ придать бо́льшій вѣсъ ложному, по мнѣнію историковъ, слѣдственному розыску.

Тенденціозность розыска создана не слѣдственной Комиссіей, а лишь самими изслѣдователями акта.

Есть изслѣдователи, которые не ограничились признаніемъ слѣдственнаго дѣла тенденціознымъ и пошли далѣе.

П. В. Голубовскій въ своей статьѣ о царевичѣ Димитріи замѣчаетъ: „Есть факты, заставляющіе сомнѣваться въ томъ, игралъ ли царевичъ въ тычку. Едва ли въ рукахъ царевича въ моментъ смерти былъ ножъ“ *).

Въ этихъ словахъ слышится уже не пристрастное отношеніе къ розыскному дѣлу, а прямое отрицаніе самаго акта. Если не допускать игры царевича на дворѣ (которой и лѣтописи не рѣшаются опровергать), то все содержаніе подлинника, со всѣми рѣчами двухъ сотъ свидѣтелей, мы должны признать за сплошную выдумку кн. Шуйскаго и его „товарищей“.—Дальше этого идти уже некуда.

Посмотримъ, какіе же это факты, которые привели автора къ такому неожиданному выводу.

„Въ одномъ изъ историческихъ сказаній, говоритъ П. В. Голубовскій, излагается, что передъ тѣмъ, какъ идти на дворъ, царевичу дали орѣховъ. Не всѣмъ извѣстіямъ этихъ сказаній можно довѣрять, но нѣкоторыя изъ нихъ должны быть безусловно нами приняты. А что это показаніе вѣрно, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ: 1) одно показаніе несомнѣнно добросовѣстнаго очевидца, 2) пока-

*) П. В. Голубовскій. Вопросъ о смерти царевича Димитрія. Историческій Вѣстникъ за 1896 г., т. LXVI, стр. 871.

заніе другого лица, которое можно разсматривать, какъ очевидца, и 3) показаніе очевидца, стоявшаго въ такомъ положеніи къ факту, когда невозможно, по нашему мнѣнію, никакое искаженіе. Эти три свидѣтельства вполнѣ самостоятельны, а потому еще сильнѣе поддерживаютъ другъ друга. До насъ дошелъ временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева. Повѣствованіе его отличается большою витіеватостью, но въ большинствѣ случаевъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ. Въ 1606 г. было совершено перенесеніе мощей Димитрія царевича изъ Углича въ Москву. По оффиціальнымъ даннымъ, касающимся біографіи Ивана Тимоѳеева, оказывается, что онъ былъ въ это время именно въ Москвѣ. Тимоѳеевъ разсказываетъ, что среди массы народа, встрѣчавшей мощи, былъ и онъ. Ему удалось протолкаться къ самому гробу. Увидѣлъ онъ, что на царевичѣ сохранилась одежда: верхняя рубашка съ пояскомъ, нижняя бѣлая рубашка, на ножкахъ башмачки—они были немного красноваты; и тутъ же были и орѣшки, запачканные кровью. „Что было у царевича на головѣ, я, говоритъ Тимоѳеевъ, не могъ хорошо разсмотрѣть“. Добросовѣстный свидѣтель не передаетъ, что могъ слышать, а только то, что самъ ясно разглядѣлъ. Другое лицо мы назвали почти очевидцемъ. Это... голландскій резидентъ Исаакъ Масса. Онъ разсказываетъ, что царевичъ и его товарищи играли въ орѣхи, когда неожиданно явились убійцы. Во время перенесенія мощей Масса былъ въ Москвѣ и, какъ онъ выражается, побѣжалъ смотрѣть на торжественную процессію. Какъ лютеранина, его въ церковь не пустили, но несомнѣнно, что, по своей всегдашней точности, Масса разспросилъ потомъ своихъ знакомыхъ русскихъ, кто и что видѣлъ, и оставилъ свой разсказъ объ игрѣ въ орѣхи безъ поправки, или, лучше, самый этотъ фактъ занесенъ Массой въ записки на основаніи того, что онъ слышалъ отъ видѣвшихъ мощи царевича. Наконецъ, мы переходимъ къ третьему свидѣтелю. Сохранилось одно литературное произведеніе, при чтеніи котораго становится неопровержимо яснымъ,

что авторъ его есть лице духовное и что оно было участникомъ въ перенесеніи мощей. Этотъ очевидецъ, въ показаніи котораго мы не имѣемъ права заподозрѣть какую-нибудь поддѣлку, разсказываетъ, что когда былъ вынутъ гробъ и открытъ, то оказалось, что *въ правой рукѣ у царевича шитый золотомъ платокъ, а въ другой рукѣ зажатые орѣшки.* Вложилъ ихъ кто-нибудь ему въ руки въ моментъ смерти? Но кому могли прійти въ голову въ моментъ смятенія какія либо соображенія о поддѣлкѣ факта? Царевичъ былъ погребенъ просто, безъ всякихъ церемоній, въ томъ, въ чемъ онъ былъ, и какъ онъ былъ въ моментъ смерти. Если бы Нагіе обратили вниманіе на этотъ, повидимому, мелкій фактъ—платокъ и орѣшки въ рукахъ ребенка, то они воспользовались бы имъ въ своихъ показаніяхъ для доказательства, что ребенокъ въ моментъ смерти въ тычку не игралъ. Наоборотъ, если бы Нагіе или сама царица Марія вложили эти предметы въ руки Димитрія на виду всѣхъ, то и мамка Волохова и слѣдователи, не замедлили бы указать на это, какъ на средство возбудить народъ, какъ на стараніе исказить событіе. Вѣдь доискивались же слѣдователи до куриной крови, что было гораздо труднѣе. Очевидно, этого обстоятельства—платка и орѣшковъ въ рукахъ ребенка, никто не замѣтилъ: такъ подняли ребенка съ земли, такъ отнесли въ церковь, такъ и похоронили съ этими предметами, удержавшимися въ ручкахъ въ силу предсмертной судороги, конвульсивнаго сжатія пальцевъ. И такъ въ моментъ смерти ребенка въ одной ручкѣ у него былъ платокъ, а въ другой горсточка орѣховъ. А въ какой же рукѣ былъ ножъ? Ни въ какой! А игра въ тычку? Ея не было! "*)

Мы вполнѣ согласны съ П. В. Голубовскимъ, что нѣтъ основаній не довѣрять свидѣтельству лицъ, бывшихъ очевидцами перенесенія мощей царевича Димитрія изъ Углича

*) П. В. Голубовскій. Вопросъ о смерти царевича Димитрія Историческій Вѣстникъ за 1896 г., т. LXVI, стр. 871—872.

въ Москву; но мы совершенно не можемъ понять, какъ могли эти лица видѣть все то, что́ они разсказали.—Дьякъ Тимоѳеевъ видѣлъ мощи царевича мелькомъ, не успѣлъ разсмотрѣть, что было на его головкѣ: „митра же честные его главы моему недостойну забвися виду, суть ли ту съ прочими, или ни убо“ *), и въ то же время увидѣлъ орѣшки, *обагренные кровью*. Другой очевидецъ замѣтилъ у царевича орѣшки, *зажатые въ рукѣ* (?); такого рода прозорливость не совсѣмъ обычна для простыхъ смертныхъ. Но, конечно, первый очевидецъ обладалъ еще болѣе острымъ зрѣніемъ, чѣмъ послѣдній, такъ какъ онъ ухитрился замѣтить *кровь* на орѣшкахъ, пролежавшихъ въ рукѣ царевича, въ могилѣ, въ теченіи *пятнадцати лѣтъ* (съ 1591-го по 1606 гг.)!

Нисколько не отрицая возможности нахожденія въ лѣвой рукѣ царевича орѣшковъ, удержанныхъ имъ въ силу предсмертныхъ судорогъ, мы только сочли нужнымъ отмѣтить, что очевидцы, которыхъ выставляетъ П. В. Голубовскій, не могли видѣть того, о чемъ они разсказываютъ, и въ своихъ запискахъ они оставили намъ не столько факты, сколько свидѣтельства своей пылкой фантазіи.

---

*) Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ видѣлъ мощи царевича: „не въ погребальныхъ убо, яко же по закону, въ бѣлыхъ ризахъ нынѣ страдалецъ въ рацѣ зримъ, но во иже прилучшихся на немъ во святостраданіи, еговою обагренѣхъ тогда кровію, во ихъ же и въ земли доволна лѣта сотворь.... Число же въ рацѣ ризъ его сицѣ бѣ: едина, иже по первѣй на срачицу въ животѣ его обычай полагатися, опоясуема; таже двѣ единого существа, бѣловиднаго тканія, иже къ тѣлеси приближни суть, срачица и гащи, иже дальнѣшая объемля части тѣла до плесну, по сихъ препоясанія; елика къ симъ же сандалейца со обувными платы, багряновиденъ тѣхъ зракъ бѣ; митра же честные его главы моему недостойну забвися виду, суть ли ту съ прочими, или ни убо. Чюдно же и се, яко что бѣ и дѣло его въ часъ закланія его! Яко не о царствіи тогда и прежде бысть упраженіе его,—его же бояся Борисъ, да нѣкогда онъ то себѣ восхититъ предваривъ,—но младенческо по всѣму бѣ устроеніе: обрѣтоша бо ся въ рацѣ, внутрь суть, святыми его нѣдры держимы, орѣхи тогда бывшая, обагрившаяся во страданіи честною кровію его..... (Русская Историческая Библіотека, т. XIII, стр. 322—323).

Въ правой рукѣ царевича былъ найденъ платокъ шитый золотомъ. П. В. Голубовскій утверждаетъ, неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ, что этотъ платокъ былъ у царевича въ рукѣ *въ моментъ смерти*, и не допускаетъ, чтобы его положили ему въ руку позднѣе. Дѣйствительно, на первый взглядъ кажется страннымъ класть умершему въ руку платокъ; но, если вы вспомните, что царевичъ, держа въ правой рукѣ ножъ, нанесъ себѣ смертельную рану, и брызнувшая кровь омочила его руку, то для васъ станетъ понятнымъ, почему на ней очутился платокъ.— Сложенныя, по христіанскому обычаю, крестообразно руки царевича лежали на груди; слѣдовательно, правая рука, окровавленная, была на виду. Естественно, что царица закрыла или обернула ручку сына платкомъ. Царевичъ былъ внесенъ Андреемъ Нагимъ прямо съ мѣста, гдѣ случилось несчастіе, въ церковь Спаса и положенъ во всемъ томъ, какъ скончался.

Закрывать раны и окровавленныя мѣста, а равно полагать тутъ же предметы, омоченные кровью покойника, составляетъ потребность какъ эстетическаго порядка, такъ и народнаго обычая. Поэтому, мы считаемъ болѣе естественнымъ и правдоподобнымъ признать, что платокъ, найденный въ правой рукѣ царевича, находился не въ моментъ его смерти, а былъ положенъ послѣ. Во всякомъ случаѣ слишкомъ рисковано со стороны П. В. Голубовскаго утверждать, на основаніи указанныхъ имъ соображеній, что игры „въ тычку“ совсѣмъ не было, и тѣмъ въ основѣ подрывать довѣріе къ слѣдственному акту.

Передъ нами остается еще вопросъ, наиболѣе существенный изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ.—Что же содержитъ въ себѣ подлинникъ угличскаго слѣдственнаго дѣла: воспроизведеніе-ли дѣйствительности, или же искусственное произведеніе Шуйскаго?

Этотъ любопытный вопросъ напрашивается самъ собою уже потому, что рѣшительно невозможно согласовать извѣ-

стія лѣтописцевъ о смерти царевича со свидѣтельствами угличскаго слѣдственнаго дѣла. Данныя, сообщаемыя этими двумя источниками, разнятся не въ деталяхъ, а въ основѣ: они уничтожаютъ другъ друга. Для насъ совершенно ясно, что, признавъ за истину лѣтописные разсказы о насильственной смерти царевича, съ той обстановкой, какъ они о томъ свидѣтельствуютъ, придется отъ розыска Шуйскаго оставить только одинъ фактъ его *бытія*, такъ какъ лѣтописи этого не отрицаютъ, все же остальное, что сохранилъ намъ подлинникъ розыска, признать за произведеніе, измышленное кн. Василіемъ Шуйскимъ и его товарищами.

Мы позволимъ себѣ по даннымъ, сообщаемымъ лѣтописцами и повѣствователями объ обстоятельствахъ смерти царевича, откинуть въ слѣдственномъ актѣ всѣ тѣ показанія, которыя не могутъ быть допущены ими и, слѣдовательно, должны быть признаны за измышленіе кн. Шуйскаго. Чтобы не оставить читателю заданный вопросъ открытымъ, попросимъ взять прилагаемый во второй части настоящаго труда текстъ слѣдственнаго дѣла и прослѣдить въ немъ тѣ мѣста, которыя по лѣтописнымъ даннымъ слѣдуетъ признать фиктивными.

Ложными въ подлинникѣ угличскаго розыска, цѣликомъ или частями, окажутся:

Скл. I и II. Челобитная Русина Ракова (указалъ на несправедливое убійство Битяговскихъ и угличанъ по приказанію царицы и М. Нагово, а также на угрозу убить его Русина).

Скл. III. Показаніе Русина о приказѣ М. Нагово положить оружіе на побитыхъ угличанъ и тѣмъ ложно показать, что царевичъ убитъ ими.

Скл. VII—IX. Показаніе Григ. Нагово о самозакланіи царевича, убійствѣ Битяговскихъ изъ за личной вражды съ ними и приказѣ положить на убитыхъ оружіе.

Скл. X. Показаніе Бориски Ѳеонасьева о приказѣ М. Нагово положить на убитыхъ оружіе.

Скл. XI. Показаніе Гр. Нагово о поискахъ ножа нагайскаго.

Скл. XII. Показаніе свящ. Степана о поискахъ желѣзной палки во дворѣ убитаго М. Битяговскаго съ цѣлью, по принадлежности оружія, ложно показать убійцу царевича.

Скл. XIII—XV. Показаніе Василисы Волоховой, — все безъ исключенія.

Скл. XVI. Показаніе четырехъ мальчиковъ, игравшихъ съ царевичемъ, о самозакланіи царевича и свидѣтельство ихъ о присутствіи кормилицы и постельницы во время несчастія съ нимъ.

Скл. XVII. Показаніе кормилицы и постельницы о самозакланіи царевича.

Скл. XVIII. Показаніе Андрея Нагово о постоянныхъ припадкахъ царевича.

Скл. XIX—XX. Показаніе попа Огурца о самозакланіи царевича.

Скл. XXI. Показаніе Суботы Протопопова объ убійствѣ М. Нагимъ Битяговскаго за личную вражду и отказъ выдавать деньги безъ царскаго указа.

Скл. XXIV. Показаніе игумена Давыда о самозакланіи царевича и несправедливомъ убійствѣ угличанъ, слышанномъ имъ отъ дворовыхъ людей.

Скл. XXVI. Показаніе духовнаго отца Гр. Нагово попа Богдана о томъ, что онъ, въ часъ смерти царевича, обѣдалъ вмѣстѣ съ Михаиломъ и Данилою Битяговскими на ихъ дворѣ и что лишь тогда прибѣжали всѣ на дворъ царевича, когда узнали отъ своихъ слугъ о происшедшемъ несчастіи.

Скл. XXVII. Показаніе губного старосты Муранова о самозакланіи царевича и несправедливомъ убійствѣ угличанъ по приказанію М. Нагово.

Скл. XXVIII. Показаніе сытниковъ о самозакланіи царевича, слышанномъ ими отъ С. Юдина.

Скл. XXIX. Показаніе Кирилла Моховикова о приходѣ на царевичевъ дворъ М. Битяговскаго по набату.

Скл. XXX. Показаніе истопниковъ объ игрѣ царевича съ жильцами въ „тычку“ и его самозакланіи.

Скл. XXXI. Показанія Гр. Тулубѣева и очевидца смерти царевича Семейки Юдина объ игрѣ царевича въ „тычку“ и самозакланіи въ припадкѣ падучей.

Скл. XXXII. Показаніе царицыныхъ дѣтей боярскихъ объ игрѣ царевича въ „тычку“ и самозакланіи.

Скл. XXXIII. Показаніе подклюшниковъ Хлѣбнаго дворца объ игрѣ царевича въ „тычку“ и самозаклани, а также о приходѣ М. Битяговскаго на дворъ царевича по набату.

Скл. XXXIV—XXXV. Показаніе А. Козлова о самозакланіи царевича и несправедливомъ убійствѣ М. Битяговскаго и угличанъ по приказанію М. Нагово.

Скл. XXXVI—XXXIX. Показанія сѣнныхъ сторожей, сытныхъ сторожей, свѣчника и конюховъ о самозакланіи царевича.

Скл. XL. Показаніе Данилки Григорьева о томъ, какъ они вмѣстѣ съ отцомъ убили М. Битяговскаго, Третьякова, Осипа Волохова и другихъ угличанъ по приказанію М. Нагово.

Скл. XLI. Показаніе сторожа Дьячьей избы Михаилова о приготовленіи оружія, смазаннаго кровью, для положенія на убитыхъ угличанъ.

Скл. XLII. Показаніе конюха М. Григорьева объ игрѣ царевича въ „тычку“ и самозакланіи, о приходѣ М. Битяговскаго по набату и приказѣ убить дьяка царицею и М. Нагимъ ему Григорьеву.

Скл. XLIV. Показаніе подьячихъ объ игрѣ царевича въ „тычку“, самозакланіи, несправедливомъ убійствѣ дьяка и угрозѣ со стороны убійцъ Битяговскаго поступить съ ними также.

Скл. XLV—XLVI. Показаніе поваровъ и хлѣбниковъ объ игрѣ царевича въ тычку и самозакланіи.

Скл. XLVII—XLVIII. Челобитныя угличскихъ разсыльщиковъ объ игрѣ царевича въ „тычку“, самозакланіи, о

пріѣздѣ М. Битяговскаго послѣ смерти царевича и убійствѣ дьяка и угличанъ по приказу М. Нагово.

Скл. XLIX. Показаніе сорока посошныхъ людей о самозакланіи царевича, слышанномъ ими еще до входа на дворъ царевича отъ людей, а также о несправедливомъ убійствѣ дьяка и угличанъ по приказу М. Нагово.

Скл. L. Показаніе Истомки Батусова о несправедливомъ убійствѣ М. Битяговскаго.

Скл. LII—LIV. Челобитная вдовы Битяговской.

Этотъ длинный перечень показаній и челобитныхъ свидѣтельствуетъ, что, если принять лѣтописныя извѣстія, то изъ всего слѣдственнаго акта приходится признать правдивыми, не считая протокола засѣданія и постановленія Освященнаго Собора, лишь рѣчи Михаила Нагово и игумена Савватія.

Неужели кн. Шуйскій взялъ на себя порученіе смѣло и открыто составить фантастическій слѣдственный актъ, лишь бы угодить одному Борису Годунову?

Неужели въ Угличѣ Шуйскій былъ занятъ не розыскомъ, а измышленіемъ картины смерти царевича, всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ее, произвольнымъ выборомъ именъ лицъ, которымъ онъ приписалъ приказъ царицы и братьевъ Нагихъ убить Битяговскаго „по недружбѣ, и частой брани за отказъ въ выдачѣ денегъ? и т. д.

Могъ-ли кн. Шуйскій измыслить всю картину угличской драмы, какая имъ нарисована въ слѣдственномъ актѣ?

Если же принять во вниманіе свидѣтельство лѣтописца, который говоритъ, что: „Князь Василій начатъ роспрашивати града Углеча всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ (царевичъ) заклася самъ? Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки и священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ отъ Михаила Битяговского по повелѣнію Бориса Годунова съ ево совѣтники“ *), то слѣдовательно кн. Шуйскій заставлялъ

*) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изд. Имп. Археогр. Ком., т. XIV. Новый Лѣтописецъ, стр. 42.

угрозой показывать угличанъ все то, что ему было нужно.

Городъ Угличъ имѣлъ свыше *сорока тысячъ* жителей, и если всѣ знали, что царевичъ дѣйствительно былъ убитъ, то представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Шуйскій рѣшился скрыть убійство путемъ угрозъ и насилій, не имѣя около себя даже охраны. Толпа или расправилась бы со слѣдователями также просто, какъ съ Битяговскими, или сумѣла бы увѣдомить царя объ истинномъ родѣ смерти царевича и обманѣ Шуйскаго.

Наконецъ, если мы даже допустимъ, что Шуйскій дѣйствительно собиралъ показанія подъ угрозой, то какой видъ приняли бы розыскныя рѣчи угличанъ, записанныя въ актѣ? Развѣ онѣ могли содержать въ себѣ подробные разсказы свидѣтелей о томъ, что тѣ дѣлали въ день 15-го мая, какъ поняли набатный звонъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ посылали „провѣдати“ въ городъ о причинѣ набата, что застали на дворѣ царевича, и т. п.; никто бы изъ нихъ не сталъ стоя у допроса, подъ угрозой и страхомъ, въ длинныхъ рѣчахъ распространяться о мелочахъ, ненужныхъ слѣдователямъ.

Что могли сказать угличане при томъ характерѣ розыска, какъ его описываетъ лѣтописецъ?—Борисъ (по лѣтописи) послалъ на Угличъ произвести дознаніе о смерти царевича. Угличане „стали сказывать истинно, какъ было подлинно, и тѣхъ всѣхъ истинно сказателей велѣлъ разослать по далнимъ разнымъ городамъ во оковахъ и велѣлъ сажать въ темницы, а домы ихъ велѣлъ разорить безъ остатку и имѣніе ихъ грабить“ *). — Это были еще только предварительныя мѣры къ розыску, произведенному затѣмъ кн. Шуйскимъ, Клешнинымъ и Вылузгинымъ. Въ этомъ розыскѣ видную роль игралъ Клешнинъ: „ругаяся и съ лестію нача вопрошати гражданъ, какъ заколотъ бысть царевичь Димитрій Іоанновичь. Гражданя жь ему сказали

*) Русская Историческая Библіотека, т. XIII, изд. 2-ое; стр. 775.

всю правду, какъ сотворилось убивство царевича Димитрія Іоанновича. Той же злонравный и лукавый совѣтникъ Борисовъ угодникъ Андрей Клешнинъ учалъ рыкати на гражданъ, аки левъ, и рече имъ: о лстивые человѣцы! что неправду сказываете хотя оправити такихъ же подобныхъ себѣ? а то истинно самъ зарѣзался набреженіемъ тутошнихъ людей, которые за нимъ приставлены! Граждане же, видѣвше Андрѣево злохитреніе, что неправду изыскуетъ, а по Борисѣ Годуновѣ покрываетъ, и убояся страху и смерти, вси умолкоша *и ничто глаголаша**), токмо рекоша: *истиннаго мы дѣла не вѣдаемъ, тутъ не были**).—Злокозненный тотъ Андрей Клешнинъ, видя гражданъ сумнѣніе страха ради его, и повелѣ тотчасъ рѣчи ихъ писати *по своему проклятому умыслу**) и велѣлъ всѣмъ гражданѣмъ къ тѣмъ рѣчамъ руки прикладывать, и неволею иныхъ прелщая; а кои не хотятъ руки прикладывать, и тѣхъ разослалъ по далнымъ городамъ окованныхъ и велѣлъ въ темницы сажать, а иныхъ повелѣ смертію казнить. И вси сущіе во градѣ убояшася таковаго страха и смерти и вси приложиша руки“ **).

При такой обстановкѣ допроса вынужденныя рѣчи угличанъ имѣли бы совершенно другой характеръ и отличались бы краткостью и однообразіемъ.

Итакъ, кн. Шуйскій съ товарищами ни выдумать, ни составить изъ насильственныхъ показаній того розыска, который сохранился до нашего времени, не могъ. Самое пылкое воображеніе не въ состояніи было придумать картины смерти царевича, изображенной слѣдственнымъ актомъ, если бы ея въ дѣйствительности не было, и сами угличане ни подъ какой угрозой не были въ состояніи разсказать слѣдователямъ то, чего въ дѣйствительности не происходило, но тѣмъ не менѣе со словъ угличанъ занесено на страницы розыска.

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Русская Историческая Библіотека, т. XIII, изд. 2-ое. Стр. 782—783.

Какую-либо изъ двухъ группъ основныхъ источниковъ по вопросу о смерти царевича Димитрія должно признать ложнымъ: или лѣтописныя свидѣтельства, или оффиціальный слѣдственный актъ. Признавъ за истину показанія лѣтописныхъ свидѣтельствъ, мы принуждены будемъ подлинникъ угличскаго разыска признать ложнымъ; но придумать такую ложь было выше силъ и ума русскаго человѣка XVI вѣка, и потому необходимо довѣриться слѣдственному дѣлу. Лѣтописныя же извѣстія уже одной своей противорѣчивостью въ изложеніи угличской драмы указываютъ на то, что авторы ихъ не знаютъ истины. Имѣя передъ собой, какъ фактъ, „убіеніе царевича Димитрія“, они для остального искусственно подбираютъ и подтасовываютъ событія, и за давностью лѣтъ даже не знаютъ именъ лицъ, которыхъ называютъ убійцами царевича*), не знаютъ и обстоятельствъ, при которыхъ онъ погибъ.—Царевича убиваютъ у нихъ то Михаилъ Битяговскій, то Данило Битяговскій, то мальчикъ, который игралъ съ царевичемъ, то Осипъ Волоховъ, то Никита Качаловъ. Дѣйствуя по одному, по два или втроемъ, каждый изъ нихъ наноситъ ударъ ножемъ *по своему*: то на серединѣ лѣстницы дворца, то на дворѣ, то противъ церкви царя Константина, при чемъ, для болѣе удачнаго удара ножемъ, царевича или держатъ за ноги сквозь лѣстницу, или просятъ показать новое ожерелье, или внезапно набрасываются на него изъ за угла. Мамка Василиса является то защитницей царевича, то соучастницей убійцъ. И такъ во всемъ.

Замѣчательно, что древнѣйшее сказаніе о смерти царевича: „Иное сказаніе о Самозванцахъ“, составленное въ томъ же году, когда Шуйскому явилась необходимость перенести мощи царевича въ Москву и причислить его къ лику святыхъ, — отличается наибольшей крат-

*) Авдотья Битяговская названа Дарьей Митяковой; Василиса Волохова—Марьей Болоховой; Осипъ Волоховъ—Данилой, или Данило Битяговскій—Волоховымъ.

костью и совершенно не знаетъ той картины „убіенія“ царевича, которая появляется въ позднѣйшихъ повѣстяхъ и житіяхъ. Изъ этого сказанія мы узнаемъ, что: *„юноши* нападше на святаго, одинъ же отъ нихъ извлекъ ножъ, напрасно удари святаго по выи его и прерѣза гортань ему“. Сказателю еще рѣшительно ничего неизвѣстно о предательскомъ вопросѣ Осипа Волохова или Битяговскаго по поводу новаго ожерелья царевича. Но, чѣмъ больше проходитъ времени отъ дня прославленія царевича, тѣмъ подробнѣе, смѣлѣе и противорѣчивѣе начинаютъ повѣствователи разсказывать о замыслахъ Годунова и о приведеніи ихъ въ исполненіе.

Изъ этого ясно, что событія 1606 года потребовали иллюстрацій, которыя и явились въ видѣ цѣлаго ряда сказаній и повѣстей, чтобы оправдать цѣль перенесенія мощей царевича и его прославленіе. Но, по справедливому замѣчанію Е. Бѣлова, эти свидѣтельства „есть ничто иное, какъ хитро распущенная, народомъ усвоенная, лѣтописцемъ закрѣпленная клевета на царя Бориса“ *).

Чтобы понять все значеніе, весь смыслъ дѣйствій царя Василія Шуйскаго въ 1606-мъ году, мы приведемъ свидѣтельства одного хронографа, который спокойно и правдиво записалъ событія Смутной эпохи **):

„Въ лѣто 7114-го году, маія въ 20 день, на четвертой день по убіеніи Растриги, бояре и власти и всенародное множество всѣхъ чиновъ выбрали на Московское государство царемъ боярина князя Василья Іоанновича Шуйскаго и привели ево на лобное мѣсто и нарекли ево царемъ. И царь Василей Іоанновичь всему народу крестъ цѣловалъ въ томъ, что ему, бывши на царствѣ, другу не дружить, а недругу не мстить. А бояре и всѣмъ народомъ

*) Журн. Мин. Народн. Просв. за 1873 г., часть CLXVIII, стр 9.

**) Этотъ хронографъ, писанный скорописью послѣдней четверти XVII столѣтія, находится въ собраніи А. И. Успенскаго и былъ любезно предоставленъ имъ въ наше распоряженіе.

царю Василію Іоанновичю крестъ цѣловали, что служить имъ ему государю вѣрою и правдою и за него умирать. И по городомъ послали ко кресту приводить тое-жъ недѣли.

Того-жъ году царь и великій князь Василей Іоанновичь всеа Росіи послалъ въ Полшу посла князя Григорія Волконскаго да дьяка Андрея Иванова съ выговоромъ и *съ обличеніемъ* на Розстригу, что онъ воръ смутилъ двѣмя государствы; да съ ними жъ послалъ къ королю лутчихъ пановъ 1870, *и въ Литвѣ то поставили ни во что*, а посла отпустили ни съ чѣмъ*).

И по семъ начатъ смута въ Украиныхъ городѣхъ, глагола бутто Растрига живъ, а въ ево мѣста бутто убили нѣмчина и *стали измѣнять*.

Перво измѣнилъ въ Путимлѣ князь Григорей Шаховской со всѣмъ Путимлемъ, сказали: бутто царевичь Димитрей Іоанновичь *живъ,—въ укрытьѣ*. Потому же измѣнили Черниговъ, Стародубъ, Сѣвескъ.

Царь же и великій князь Василей Іоанновичь всеа Росіи совѣтуетъ со всѣмъ Освященнымъ соборомъ и зъ бояры, и посылаетъ на Углечь по чесныя и многочюдесныя мощи благовѣрнаго царевича князя Димитрея Іоанновича всеа Росіи преосвященнаго Ѳеларета митрополита Ростовскаго и Ерославскаго.

И іюня въ 3 день чесныя мощи царевича Димитрея Іоанновича къ Москвѣ принесли честне и Богъ даровалъ отъ мощеи многія чюдеса болнымъ и немощнымъ исцѣленіе.

Царь же и великій князь Василей Іоанновичь всеа Росіи и мать царевича Димитрея, митрополиты и архіепископы и епископы и весь Освещенный Соборъ и бояре и всѣ православные христіане царевича князя Димитрея Іоанновича всеа Росіи мощи встрѣтили за городомъ со кресты съ кандилы и со свѣщами честне; и предо всѣмъ народомъ царь Василей Іоанновичь всеа Росіи и царица

*) Въ рукописи написано: *нищемъ*.

инока Марѳа смотрѣли и *всѣмъ людемъ оказывали для подлиннаго увѣренія.*

И какъ принесли мощи къ Москвѣ въ церковь Михаила Архангела, и царица инока Марѳа передъ митрополиты и всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и передъ всѣми людми била челомъ царю и великому князю Василію Іоанновичю всеа Росіи, что она передъ нимъ государемъ и передо всѣмъ Освященнымъ соборомъ и передо всѣми людми Московскаго государства виновата, но и паче передъ новымъ мученикомъ—царевичемъ Димитреемъ Іоанновичемъ всеа Росіи, что она терпѣла вору Разстригѣ и многое время ево не обличала и многая кровь христіанская лилася и разореніе Московскому государству и христіанской вѣрѣ едва не учинилось. И то дѣя, дѣлала отъ великой бѣдности. Да какъ де я увидѣлась съ нимъ воромъ, и онъ запретилъ мнѣ злымъ запрещеніемъ, а какъ убили сына ее, а ее послали въ сылку и держали въ великой нужьдѣ, и родъ ее разослали и она обрадовався, *избывъ великую и нестерпимую нужду, для того вскорѣ и не обьявила...* (лл. 54—58).“

Въ этихъ краткихъ записяхъ авторъ хронографа безыскусственно разсказалъ, какъ измученный смутой русскій народъ потерялъ довѣріе къ словамъ правительства какъ само правительство, въ погонѣ за личными цѣлями и въ постоянной враждѣ среди своихъ членовъ, потеряло окончательно почву подъ ногами. Когда бояре помирились кое-какъ на выборѣ царемъ кн. Василія Шуйскаго, и онъ властно сталъ разсылать грамоты по городамъ, обличая обманщика Гришку, выдававшаго себя за царевича Димитрія, то его царскому слову *никто не повѣрилъ*, и всѣ продолжали считать Лжедимитрія за истиннаго царевича.

Растерявшійся Василій Шуйскій, спасая себя на царскомъ престолѣ, прибѣгнулъ къ крайней мѣрѣ. Чтобы какъ-нибудь убѣдить народъ въ смерти истиннаго царевича Димитрія и дерзкомъ обманѣ Разстриги, онъ, посовѣтовавшись со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и съ боярами,

послалъ на Угличъ принести погребеннаго тамъ царевича въ Москву *„для подлиннаго увѣренія“*.

Но, конечно, нести можно было не останки самозаклавшагося мальчика-эпилептика, а лишь *„мощи“* царевича Димитрія.

Планъ царя Василія, для него лично, удался только наполовину. Значительно больше получила царица Марія Нагая: судьба вернула ей не только покой и благосостояніе, но и прославила ея несчастнаго сына.

Возвращаясь къ нашей прямой задачѣ, мы снова повторимъ: какой же изъ двухъ источниковъ было проще и возможнѣе составить—слѣдственный актъ или свидѣтельства лѣтописцевъ? Какое изъ нихъ заслуживаетъ большаго довѣрія, и гдѣ мы встрѣчаемъ больше лжи и противорѣчій? Можно ли согласиться со взглядомъ Н. Костомарова, отрицающаго цѣнность слѣдственнаго акта только потому, что „производившій слѣдствіе князь Василій Ивановичъ Шуйскій два раза различнымъ образомъ отрекался отъ тѣхъ выводовъ, которые вытекали непосредственно изъ его слѣдствія“, а по этому „слѣдственное дѣло для насъ имѣетъ значеніе не болѣе, какъ *одного изъ трехъ* показаній Шуйскаго, и при томъ такого показанія, котораго сила уничтожена была дважды имъ же самимъ“. *)

Мы видѣли, какія причины заставляли Шуйскаго мѣнять свои взгляды.

Если же Н. Костомаровъ дѣлаетъ упрекъ Шуйскому, то онъ долженъ былъ такой же упрекъ поставить и царицѣ Маріи Нагой, которая лгала столько же разъ, сколько и князь Василій. Честность Шуйскаго должна быть поставлена выше честности царицы Маріи Нагой, такъ какъ Шуйскій солгалъ въ 1606 году, спасая себя; тогда какъ ложь и поступки царицы Маріи не могутъ быть ничѣмъ оправданы

*) Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова. Т. XIII, 1881 г. Стр. 322.

и съ современной точки зрѣнія прямо чудовищны. Она погубила своихъ братьевъ и родственниковъ въ 1591 году, замѣшавъ ихъ въ убійство угличанъ; она продала родную страну Самозванцу и спокойно смотрѣла на раздоръ, въ которомъ гибли тысячи людей и едва не погибла Русь. Когда же обстоятельства сложились для нея чрезвычайно выгодно, она торжественно раскаялась и не менѣе торжественно произнесла свою послѣднюю ложь о мученической кончинѣ своего сына, убитаго будто-бы по повелѣнію Бориса Годунова.

Неужели слова такой женщины заслуживаютъ бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ слѣдственный актъ Шуйскаго, составленный еще въ то время, когда ничто не предвѣщало грядущей смуты и не зарождались еще въ головѣ ея дѣятелей тѣ рискованные планы, которые они осуществили въ эпоху Московской Разрухи.

Можно ли вѣрить лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и называть царя Бориса убійцею младенца Димитрія?

— Проф. С. Ѳ. Платоновъ въ замѣчательныхъ словахъ необыкновенно ясно опредѣлилъ цѣнность и происхожденіе лѣтописнаго источника.

„Русскіе писатели XVII вѣка, пишетъ маститый профессоръ, въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденія. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была „у праваго столпа“ поставлена рака съ мощами царевича Димитрія и когда правительство Шуйскаго, дерзнувъ истолковать пути Промысла, объявило, что царевичъ Димитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріялъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріявшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усумниться въ томъ, что̀ говорило „житіе“ царевича и что̀ онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Совре-

менная намъ ученая критика имѣетъ возможность объяснить происхожденіе позднѣйшихъ житій царевича Димитрія изъ ранней „повѣсти 1606 года“; она можетъ прослѣдить тотъ путь, какимъ политическій памфлетъ постепенно претворялся въ историческій источникъ для агіографическихъ писаній; но въ XVII вѣкѣ самый острый и отважный умъ не былъ въ состояніи отличить въ житіи святого достовѣрый фактъ отъ сомнительнаго преданія. Въ наше время можно рѣшиться на то, чтобы въ дѣлѣ перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву въ маѣ 1606 года видѣть двѣ стороны: не только мирное церковное торжество, но и рѣшительный политическій маневръ, и даже угадывать, что для Шуйскаго политическая сторона дѣла была важнѣе и драгоцѣннѣе. Но русскіе люди XVII в., если и понимали, что царь Василій *игралъ святыней**), все же не рѣшались въ своихъ произведеніяхъ ни отвергать его свидѣтельствъ, ни даже громко ихъ обсуждать**).

Подводя итоги дипломатическаго изслѣдованія угличскаго слѣдственнаго дѣла, мы вправѣ утверждать, что документъ самъ по себѣ не даетъ никакого повода заподозрѣвать Шуйскаго и его товарищей въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу, а тѣмъ болѣе говорить о явныхъ поддѣлкахъ, обнаруживаемыхъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ состояніемъ памятника. Многочисленные факты показали, какъ сильно измѣнили время и архиваріусы внѣшность документа, какой хаосъ составляютъ его листы, и какъ далеки Шуйскій и дѣятели Смутной эпохи отъ причастности къ этому измѣненію слѣдственнаго акта. Мы не хотимъ утверждать этимъ, что Шуйскій обѣленъ нами отъ обвиненій историковъ, что онъ съ идеальной честностью отнесся къ возложенному на него важному порученію. Но угличское дѣло не даетъ намъ матеріала для обвиненія

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Очерки, стр. 211.

Шуйскаго и Бориса Годунова и уличенія ихъ въ дѣйствіяхъ по плану, заранѣе изготовленному. Пусть историки дадутъ намъ такіе же факты для обвиненія Шуйскаго, какіе документъ слѣдственнаго дѣла далъ намъ для его оправданія; тогда только мы согласимся признать его недобросовѣстность и желаніе, въ угоду Годунову, скрыть „насильственную“ смерть царевича Димитрія, а на Освященный соборъ доставить поддѣльный и пристрастно составленный актъ о самозакланіи!

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ОПЕЧАТКИ.

Часть I.

Страница	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
10	11 сверху	людей	людяхъ
79	3 и 12 снизу	углическихъ	угличскихъ
82	8 снизу	поданымъ	поданнымъ
112	12 снизу	большую	бо́льшую

Часть II.

Склейка	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
XII	5 сверху	дас—Ываномъ	да с-Ываномъ
XLVIII	8 снизу	болѣзнню	болѣзнью
LIX	17 сверху	Битяговскг(о)	Битяговског(о)